

НФ

КИБЕРПАНК

ХОРРОР

ФЭНТЕЗИ

реальность фантастики

№4 2010

Повесть:

Михаил Харитонов
«РАЗВРАЩЕНИЕ»

Рассказы:

Сергей Пальцун
«ЯВЛЕНИЕ Л'АУРЫ»

Алекс Мустейкис
«ИСТОРИЯ ОДНОГО
ИЗОБРЕТЕНИЯ»

Татьяна Плихневич
«ЗАБЫТЫЕ ГОРОДА
МАЙЯ»

Критика:

Андрей Шмалько
«ЧЕГО ЖЕ ТЫ
ХОЧЕШЬ?»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 4 (80) 2010

1. Михаил Харитонов	/ РАЗВРАЩЕНИЕ	4
2. Анна Семироль	/ МАРИ	54
3. Руслан Рюмин	/ ДЕНЬ ШАНГА.	75
4. Виктор Мясников	/ ДЕРЕВЯННЫЙ МОЛОТОК	93
5. Сергей Пальцун	/ ЯВЛЕНИЕ Л'АУРЫ	109
6. Сергей Карлик	/ ОТЕЛЬ «ДОМ ФАРАОНА».	123
7. Кристина Никольская	/ РУКИ КОРОЛЯ	139
8. Алекс Мустейкис	/ ИСТОРИЯ ОДНОГО ИЗОБРЕТЕНИЯ	150
9. Татьяна Плихневич	/ ЗАБЫТЫЕ ГОРОДА МАЙЯ	156
10. Андрей Кокоулин	/ Я, КОТ, ЖИРАФ, РБ И ГОЛОС	162
11. Валерий Декин	/ РЕВОЛЬВЕР.	169
12. Юлия Гофри	/ ЧАЙКИ	174

Критика

13. Андрей Шмалько	/ ЧЕГО ЖЕ ТЫ ХОЧЕШЬ?	180
14. Kkk72	/ ОТ ДЕДАЛА ДО КОЛУМБА	191

Рецензии и отзывы

15. В. Горец	/ ВОДА И КАМЕНЬ	194
16. Александр Васильковский	/ ПОСЛЕДНИЙ РОМАН ВОННЕГУТА	197

Кинопортал

17. Павел Бойко	/ ПРО УРОДОВ И ЛЮДЕЙ	200
-----------------	--------------------------------	-----

Репортаж

18. Олег Силин, Сергей Пальцун

/ СЕДЬМОЙ КРУГ 205

Новости фэндома

19. Новости отовсюду и для всех 211

МИХАИЛ ХАРИТОНОВ

РАЗВРАЩЕНИЕ

I. ДАТА: ВТОРОЕ АВГУСТА

Утром старенький кондиционер умер, и в номере воцарилась жаркая сырость. Когда Варлека проснулась, ночнушка пропиталась потом, прилипла к телу, опасно подчеркивая формы.

Не придя в себя толком, она автоматом натянула покрывало до подбородка. Гостиница, конечно, предоставляла гарантии, но Варлека слышала, что прислуга в таких заведениях исподтишка подторговывает фотографиями неосторожных клиенток. Правда, здесь покупателей на такой товар куда меньше, чем в Штатах: южане — мужчины горячие, однако предпочитают пожить подольше. И все же лучше не рисковать.

Она опустила глухой полог, чтобы переодеться. Стало совсем нечем дышать, но черная материя давала хоть какую-то иллюзию безопасности.

Ужасно хотелось принять душ, а еще лучше — поваляться в прохладной воде. В номере была ванна с душем, на них распространялись гарантии. Но с недавних пор Варлека перестала пользоваться гостиничными удобствами. В январе ее старую подругу по университету, Августу Торанс, зацепили именно в джакузи: оказывается, в стояк была вкручена крохотная телекамера. Какой-то ненормальный ворвался в ванную комнату и заявил права. После трех недель издевательств Августа постарела лет на двадцать. Варлека Бурлеска не хотела для себя судьбы Августы. И судьбы ее несчастного мужа, который сначала запил, а потом, случайно и не вовремя протрезвев, выбросился из окна детской комнаты. Кажется, та пережила его ненадолго...

Она с трудом натянула на потное тело бесформенный балахон. Тщательно убрала волосы под накидку. Потом пришел черед паранджи. Сетка из специальных нитей обладала односторонней прозрачностью, она полностью скрывала лицо. Кроме того, нити создавали инфракрасную завесу. Сейчас появились всякие гадкие технические штучки, позволяющие рассматривать лицо сквозь платок. Самое плохое, что такие приборчики теперь вполне официально продаются, а гады делают вид, что так и надо, это не нарушает законов о личной неприкосновенности. Проклятые гады.

Варлека критически оглядела себя: вроде бы все, что надо, прикрыто. Теперь уже можно опускать полог и вылезать из постели.

Очень хотелось писать, но ночной горшок был полон: вчера она забыла его выставить за дверь. Она все-таки подняла крышку, посмотрела. Нет, уже

через край. Все-таки выставила туалетную посудину в коридор: может быть, прислуга успеет его заменить, и она сможет справиться нужду перед уходом. Хотя не грех и потерпеть до транспортника. В нем, по крайней мере, не нужно опасаться любителей смотреть, как женщина мочится. Сейчас таких развелось много, особенно среди молодых парней, которые стали совсем психанутые... Она где-то видела даже рекламу с намеком на это: ресторан, девушка пьет пиво, приподнимая черный платок и показывая нижнюю часть лица, подбородок, красивые губы. А рядом проход в «М» и «Ж»... Тьфу, пакость.

Теперь надо умыться. Маленькая раковинка располагалась в темном углу комнаты, напротив окна. Это грамотно: даже если кто-нибудь смотрит через шторы, ничего кроме спины он не увидит. Все же она постаралась управиться побыстрее: откинутая паранджа очень нервировала. Зубы решила не чистить: незачем. Боже, а ведь когда-то она тратила деньги на дорогого дантиста! Некоторые, кстати, жуют конфетки, от которых пахнет изо рта: раньше на маньяков такое действовало. Варлека этой штукой не пользовалась: продышанный воздух, скапливающийся под платком, и без того действовал ей на нервы, а если еще и вонь... нет, это слишком.

Бурлеска подумала, подключаться ли к компу через зрительный нерв или воспользоваться экраном. Решила, что лучше все-таки экран. Говорят, что сейчас через нервные каналы можно скачать биологическую информацию. Которой тоже подторговывают. Это даже опаснее, чем фотографии. В последнее время убоюдки подходят к делу научно. Им нужны молодые и здоровые, обязательно молодые и здоровые...

Ох, что же гады с нами сделали? Всего девять лет, всего каких-то девять лет прошло, а люди превратились в черт-те что. Проклятые гады.

Гостиничный комп — тоже устаревшее изделие — оказался куда более живучим, нежели покойный кондишен. Он добросовестно выметнул на экран выжимку событий последних двух суток по интересующим ее вопросам.

Что сегодня? Вторник, второе августа, общеевропейское время — десять без десяти, над всей Европой небо безоблачное.

Политика. Новое обращение ихнего главного гада с трибуны ООН — очередное *urbi et orbi*. Гад разглагольствует о «совместном процветании и взаимообогащении культур». Как же утомили эти высокопарные риторические периоды, раз от разу цветистее и слащавее... Похоже, они всерьез учатся европейскому политесу. В их собственной культуре цветистые выражения, кажется, не приняты... Господи Боже, как хотелось бы всего этого не знать. Никогда, ничего не знать о них. И о том, какая у них культура, интересная или не очень.

Что еще? В Брюсселе проходит конференция «Права человека в современном мире». Ага-ага, человека. В современном мире. Подленькое какое словосочетание — «современный мир». Вещи надо называть своими

именами. Или хотя бы их половинками, раз уж нельзя выговорить правду целиком. Назвали хотя бы так: «мир после». Это было бы честнее.

Дальше, дальше. Экономика. Германия объявила об удвоении ВВП за два года... Идиоты, нашла, о чем говорить. Кого теперь волнует ВВП? Конечно, в «мире до» это было ох как важно. А сейчас-то чем хвастаться?

Кения предъявила ультиматум Центрально-Африканской Монархии. Какая дичь, какие ультиматумы, они что, с ума все посходили? Надо посмотреть подробнее. А, нет, журналюги насвистели, как обычно. Не ультиматум, а всего лишь требование разобраться, наконец, со своим членством в Африканском Союзе. Давно пора их прищучить. ЦАМ — паршивая страна. Отдались гадам то ли пятыми, то ли шестыми. Просекли, так сказать, перспективу. Зато теперь Банги — моднучее местечко, очень милое, кстати. А что раньше было в этом Банги? Небось, пара хижин на берегу вонючей реки с крокодилами... Хотя, если честно, ее любимая Франция тоже не очень-то сопротивлялась. Ну да чего уж теперь-то.

В дверь осторожно постучали.

Варлека быстро переключила комп на придверную камеру. Перед дверью номера топталась коридорная барышня. Ее потная физиономия была закутана в зеленую гостиничную тряпку. Бурлеска, впрочем, уже видела ее лицо, когда получала ключи от номера. Откровенно говоря, хиджаб ей был уже не нужен. Хотя кто его знает... мужчины бывают разные... Проклятые гады.

— Вам письмо, — гукнула тетка в придверный переговорник.

— Оставьте у двери, — распорядилась Варлека, не вставая с места. Она встревожилась: бумажное письмо наверняка означало что-то нехорошее. Разумеется, гостиничная администрация должна была его проверить, но все-таки.

— Горшок ваш? — буркнула коридорная, нагибаясь.

— Мой. Пожалуйста, уберите и принесите новый, — тяжело выдохнула Варлека, чувствуя, как духота наваливается на нее с новой силой.

Она подождала, пока шлепанье ног в коридоре затихнет, еще раз осмотрела камерой пространство: вроде никого не было, — потом осторожно приоткрыла дверь. На коврик лежал белый конверт с серебристым металлизированным краем. Судя по маркировке, письмо срочное. Дорогое удовольствие. Единственная на сегодняшний день гарантия конфиденциальности: чирикать пером по бумаге. Все остальное ненадежно, гадские квантовые компьютеры ломают любые коды...

Стоп, занимаемся делом. Конверт. Обратный адрес парижский. Отправитель — профессор Альфонс Рейке. Что-то смутно помнится, был ведь в ее жизни какой-то Рейке... очень давно, еще до всех этих дел... как будто века прошли. Кажется, с кафедры судебной психологии. Не он ли автор книги «Покушение на личную неприкосновенность»?.. А-а! Ну конечно! Он же за ней ухаживал — в такой смешной старомодной

манере. Но она предпочла археолога, потому что ее тогдашняя подруга Августа Торанс ей сказала... хм, а ведь он кем-то приходился Августе? Муж, брат, любовник? Отец? Боже мой, отец — сейчас это слово стало отвлеченно двусмысленным, бывает ведь и это самое... нет, только не плакать, нет, не надо.

Она взялась за конверт дрожащими руками.

* * *

«Уважаемая госпожа Бурлеска, — профессор выводил слова по линованной бумаге тонким пером, аккуратно и разборчиво, — возможно, вы помните меня по университету. Я некогда был научным руководителем вашей подруги Августы Торанс и вашим платоническим воздыхателем. Надеюсь, я не оставил у вас неприятных воспоминаний.

Я никогда не осмелился бы Вас потревожить, если бы не чрезвычайные и прискорбные обстоятельства, которые меня отчасти извиняют. Неделю назад с моей супругой Мартой случилось то несчастье, какое может в наше время случиться с любой женщиной. Особенно ужасно, что его причинил нашей семье мой, а также и Ваши знакомый, Гор Стояновский. Мы никогда не были особенно близки, но я всегда уважал его как блестящего специалиста в области криминалистики и просто как человека...»

Женщина отложила в сторону письмо, чтобы вытереть под паранджой вспотевшее лицо.

Значит, Гор Стояновский. У него всегда водились червяки в голове. Когда они были вместе, он иногда делал странные вещи. Чего уж там — очень странные вещи. Но это касалось только их двоих. Гор всегда умел провести границу между личным миром и реальной жизнью. К тому же — жена коллеги... Хотя сейчас возможно и не такое. Ей недавно рассказывали об одном таком ублюдке. Кажется, ему было около шестидесяти: солидный человек, безупречная репутация, ему все доверяли. Он выбрал себе в жертву дочку лучшего друга. И обошелся с ней чудовищно жестоко. Но Гор, Гор! Он ведь, кажется, работает полицейским экспертом? Нет, нет, это в голове не укладывается.

«Я настоял на частной беседе с господином Стояновским. К сожалению, человекообразное существо, с которым я имел неудовольствие беседовать, лишь отдаленно напоминало того блестящего джентльмена, которого я некогда имел честь знать. Тем не менее, я добился от него подобия обещания не причинять моей несчастной супруге существенного вреда и не подвергать ее чрезмерным унижениям.

Со своей стороны, он выдвинул ряд требований. Одно из них касается финальной церемонии. Марта, что бы она ни перенесла, вряд ли способна исполнить этот отвратительный обряд. Зная ее нежную душу, могу сказать с уверенностью: она не в состоянии причинить вред кому бы то ни было, даже насильнику и мучителю. Я, напротив, готов прикончить мерзавца гальми руками, но он вовсе не горит желанием доставить мне подобное, если здесь допустимо это слово, удовольствие. В конце концов, он предложил Вашу кандидатуру...»

Варлека внезапно поймала себя на том, что губы кривятся в улыбку: Гор польстил, хотя и отвратительным способом, ее женскому тщеславию.

«Итак, я испрашиваю у Вас согласия на роль ассистентки. Разумеется, ваше участие в столь тягостном деле должно быть вознаграждено. Было бы смешно и дерзко предполагать, что вас интересуют материальные ценности. Но у меня есть вещь, которая может отчасти компенсировать Вашу любезность.

Горькая ирония ситуации состоит в том, что незадолго до случившегося я через свои каналы сумел изхлопотать для своей супруги свидетельство о временной неприкосновенности. Я, глупец, собирался преподнести его моей дорогой Марте в качестве подарка на ее день рождения, а потому не завизировал в нотариате. За два дня до торжества случилось то, что случилось. Я никогда не устану напоминать себе о том, что это целиком и полностью моя вина, которая не может быть искуплена никогда.

Так или иначе, у меня на руках непогашенное свидетельство сроком на сто пятьдесят суток. Как мне объяснил наш юрист, перед визированием свидетельства я имею полное право перезаполнить его на любое имя и проставить любую дату. Если только Вы согласитесь оказать помощь мне и моей несчастной супруге, вы в тот же самый день — или любой другой, по вашему выбору — сможете зайти вместе со мной в нотариальную контору и воспользоваться этим свидетельством как пожелаете.

Умоляю Вас о согласии. Если вы примете решение, прошу известить меня об этом. Достаточно позвонить по моему парижскому телефону — он есть в справочнике — и просто сказать «да» или «нет». Также прошу о сохранении полной тайны...»

Госпожа Бурлеска бессильно опустила тонкую руку с письмом, чувствуя, как по шее стекает струйка пота, змейкой пробирается в ложбинку груди, чтобы расплыться где-то на ободке накрахмаленной тряпичной фиалки. Дьявольщина, мы никак не можем перестать украшаться, хотя бы так. Все-таки этот дурацкий цветочек надо бы убрать. Или не стоит: вряд ли такое привлекает маньяков. Хотя кто знает, что делается в голове у маньяка? Что сейчас происходит в голове у Гора? Лучше не думать.

Но если она согласится, она сможет снять черную тряпку на целых сто пятьдесят дней. Сто пятьдесят дней она сможет ходить по улицам любого города спокойно и без страха. Загорать на пляже. Купаться в море. Идти через толпу мужчин и не бояться их взглядов. Сто пятьдесят дней гарантированной личной неприкосновенности. Правда, потом будет еще тяжелее. Но она устала. Она заслужила отдых. И смешная плата за это — убить ублюдка, убить легально и честно. Да, она с ним когда-то была близка. Но теперь их ничто не связывает, кроме нескольких воспоминаний. Которые ей, конечно, дороги, но не настолько, чтобы ради них носить черную тряпку и не видеть солнца все оставшиеся годы — пока она не подурнеет настолько, что никакой сумасшедший не прельстится ее телом... Хотя нет, паранджа — это теперь навсегда. Сумасшедшие бывают разные.

Бурлеска снова склонилась над письмом. Внизу была приписка другим почерком:

«Варлека, зайчик. Это пишет твой старый лис. Извини за повод, ну да тебе не привыкать. Ты крови никогда не боялась, а я тебе давал ее понюхать, и твоей и своей. В общем, валяй, детка. Навеки твой Г. С.».

Варлека машинально кивнула. Да, это было похоже на Гора: с ней он был именно таким. Однажды он дал ей опасную бритву и потребовал, чтобы она резала ему спину во время каждого оргазма. Он вынес то ли девять, то ли десять порезов, под конец они буквально купались в луже крови... Иногда у него в голове что-то переключалось, и тогда он связывал ее... чем? Кажется, какой-то толстой упругой лентой — так, что она не могла пошевелиться, и бил ее кожаной плетью с черной латексной рукоятью в форме конского члена. О, как он ее бил! Потом засовывал эту рукоять в то место, а сам пользовался другим. Тогда ей это нравилось.

Ну, а теперь Гор решил пойти до конца. Червяки в голове выросли и потребовали корма.

Она почесала переносицу сквозь черную ткань и вызывала на экран парижский телефонный справочник.

* * *

— Посадка закончена, — сообщил сладкий компьютерный голос. — Взлет через пять секунд, — добавил он. Переборка между мужским и женским рядом кресел тревожно замерцала красным.

Это было чистой формальностью: в безынерционной кабине транспортного средства ощутить момент взлета было все равно невозможно. Разве что теперь можно было быть совершенно уверенной, что никто не сунется на женскую половину.

Варлека со стоном облегчения освободилась от хиджаба и немедленно протерла лицо влажной салфеткой. Стало чуть-чуть полегче.

На соседнем кресле, пытаясь, разматывала свой платок Райса Ваку, молодая аспирантка, которую Бурлеска решила взять с собой: девушка могла оказаться полезной.

— Ваш завтрак, — вкусно мурлыкнул компьютер.

Вдоль переборки вытянулась серебристая лента, по которой поплыли стайки белых стаканчиков с прохладительными напитками и какие-то огромные черные ягоды величиной с апельсин — что-то из новых сортов.

— Ой, — прощепетала Райса Ваку, протягивая руку к ягоде, — попробуй-ка вот это. Кажется, вишня.

— Я хочу омлет, — буркнула Варлека. — Ты помнишь, что такое омлет? Настоящий?

— Да, пробовала, — неожиданно заявила аспирантка, — я бывала в Монако. Только там все очень дорого. И порция была крохотная. Я ничего не почувствовала.

Госпожа Бурлеска вывернула до предела ручку кондиционера: в салоне транспортного средства было жарко.

— Почему, интересно, гады не запретили какому-то там княжеству кушать яичницу? — поинтересовалась Варлека и недовольно повернулась в кресле. — Если это так оскорбляет их чувства?

— Монако же не подписало Кодекс, — вздохнула аспирантка. — Хитрые ребята. Сообразили, что на этом можно делать хорошие деньги. Всякие европейские шишки туда летают чуть не каждый день: покушать старой кухни, поразвлекаться. Но жить там, конечно, неудобно. Нормальная техника не работает. Разрешили только транспорт и связь. И за это местным пришлось кое с чем согласиться. То есть без платка там лучше не ходить. Ну, если ты не местная, конечно. Местным бабам дали постоянную неприкосновенность. Но только на их территории. Выезжаешь — хоп, на общих основаниях.

— Гады разрешили то, гады запретили это, — раздраженно сказала Варлека, — а мы все это терпим, потому что нам нужны гадские технологии. Это проституция. Мы торгуем собой и своей цивилизацией. К тому же недорого. Что такого дали нам гады, чтобы это терпеть?

— Тш-ш-ш, — прошипела сквозь зубы Райса. — Это смешанный рейс.

— С нами летят наги? — повысила голос Варлека. — Надеюсь, мужских особей на нашей половине нет?

— Нис-сколько, — тихо свистнуло ухом. — Можете с-сами убедиться-ся!

Госпожа Бурлеска недовольно повернула голову на звук и увидела гада.

Точнее, то была юная гадюка: перламутровая чешуя на лице была усыяна золотыми точками, а на висках виднелись маленькие изящные выступы, как у всех молодых нагинь.

— Добрый день, — вежливо сказала змея, чуть опустив голову в знак приветствия. — Меня з-зовут Оффь, — последняя согласная заканчивалась мелодичным щелевым просвистом — этакое звуковое подобие лихого росчерка пера в конце подписи.

— Варлека Бурлеска, — представилась женщина, не скрывая недовольства.

В отличие от осторожной подруги, она не боялась конфликтов с гадами, потому что во время университетского преподавания трижды вела группу студентов с Шссунха. Это научило ее быть смелой, особенно в тех случаях, когда она была права. Однажды она выбросила из аудитории — буквально, руками — маленького нахального гаденыша, позволившего себе болтать во время занятий. Разбирательство состоялось на следующий же день и завершилось полным оправданием. Владычицу гнезда, к которому принадлежал змееныш, заставили принести извинения, которые госпожа Бурлеска приняла. С брезгливостью. Гады становились ей особенно неприятны именно тогда, когда они пытались быть благородными.

Впрочем, сама по себе Оффь выглядела вполне мило: этакая жизнерадостная мордашка. Она еще не производила потомства: за ней тянулся едва заметный, но ощутимый запах. Нагиня пахла чем-то вроде нуги, горячей

карамели и молочного шоколада — особый аромат, оповещающий самцов, что самка созрела и готова стать жертвой.

Варлеке змеиный запах скорее нравился. Но гадов она все равно не любила.

Райса, напротив, обрадовалась попутчице. Она любила молодых змеек.

— Меня зовут Райса Ваку, — затараторила она. — Ягеллонский университет, кафедра сравнительной культурологии. Сейчас на стажировке в аспирантуре Танжерского Центра гуманитарных исследований. Госпожа Бурлеска — мой научный руководитель. А вы впервые на Земле?

Змейка приветливо улыбнулась, вежливо втянув верхние клычки. Варлека почему-то вспомнила, что они заменяют нагам пальцы. Она как-то раз видела, как наг собирает зубами кубик Рубика. Это было красиво — но она все равно не любила нагов.

— Да, в первый раз-з... Я не думала, что з-здесь так холодно, — пожаловалась Оффь.

— Хотите согреться? — тут же предложила Райса. — Если вы, конечно, не против... — она провела рукой по груди, приглашая змейку к себе.

— З-з-з-да! — нагния мгновенно нырнула под сиденье, сверкнув чешуей. Через несколько секунд ее рогатая головка вынырнула между колен аспирантки и тут же скрылась под футболкой. Одежда Райсы задвигалась, будто по телу шарили невидимые руки.

Варлека отодвинулась. Она никогда не позволяла гадам греться у своего тела и тем более обвиваться вокруг него, но Райса относилась к этому иначе.

Оффь, наконец, устроилась удобно и высунула мордачку из декольте девишки.

— Прекрас-сно! — торжествующе свистнула она. — Вы такая горячая, Райс-са... — признательная змейка потерлась нежным рыльцем о шейку аспирантки и лизнула за ушком: мелькнул длинный розовый язык. — А здесь в салоне кто-то с-сделал холодно. Я так мерз-зла...

— Я сделала, — сообщила Варлека. — Не забывайте, мы теплокровные.

— Прос-тите, — змейка тут же смутилась. — Я, конечно, помню... только я з-забыла, что вы не любите тепла... Но ведь вы же с-селитес-сь там, где много с-солнца?

— Существует оптимальная температура, при которой мы чувствуем себя комфортно, это зависит от физического состояния человека, — Варлека поймала себя на том, что сказала это с типичной лекторской интонацией. Н-да, подумала она, преподавание — это болезнь.

— О, как интерес-сно! Я хотела бы уз-нать, — голова нагини чуть наклонилась вбок, как у умной собаки, — каковы приемлемые диапа-з-зоны...

Госпожа Бурлеска вздохнула. Наги, ко всему прочему, были еще и чрезвычайно любопытны. Правда, им никогда не приходилось повторять дважды: память у них была, по человеческим меркам, почти абсолютной.

Варлека, мысленно кляня себя за то, что дала себя втянуть в разговор, принялась рассказывать нагине о пристрастиях теплокровных существ. Змея слушала, внимательно морща рыльце и потягиваясь всем телом. Пишнотелая Райса смущенно хихикала.

— С-спасибо, я вс-се поняла, — наконец, сказала Оффь и устроила голову в прохладной ложбинке меж грудей аспирантки. Золотистые глаза подернулись пленкой.

— А-а... простите... вы на Землю учиться приехали? — проблеяла Райса.

Змея вежливо подняла голову.

— Нет, к с-сожалению. То ес-сть я бы очень хотела учиться-с-я на Земле, конечно. Может быть, потом я с-смогу с-себе это поз-зволить. Но... у меня... как это будет по-вашему... — Оффь на секунду запнулась. Варлека, не понаслышке знакомая с лингвистическими талантами нагов, поняла, что слово отсутствует в актуальном словаре.

— Hochzeits-sreis-se, — наконец, сказала нагиня, почему-то по-немецки.

— Свадебный круиз? — не поверила госпожа Бурлеска.

Она даже почувствовала что-то вроде симпатии к попутчице. Да, она не любила гадов, но иногда им тоже бывает больно.

— Да, да! — обрадовалась змейка новому слову. — Но только не круиз-з... в том с-с-мыс-сле, что мой мучитель не с-собирается далеко ездить. Он хочет пос-селиться в Париже и мучить меня там. Он сказал, что ему всегда хотелос-сь побывать в этом городе перед с-смертью. — Если я выживу и с-совершу кладку, то обязательно посещ-щ-щу ос-сновные европейс-ские города. Мне ужас-сно нравитс-ся Европа... — змея прильнула к бюсту Райсы Ваку, и, похоже, как-то особенно сладко жала ее тело своими кольцами, так что аспирантка порозовела от смущения.

Змейка ощутила легкий прилив живого тепла и закатила глаза от удовольствия.

Варлека некстати вспомнила, что гады ощущают перепады температуры в сотую долю градуса: их предкам это было необходимо для охоты на теплокровных.

— Когда мы доберемся до Парижа, я могу вас-с поз-знакомить, — предложила Оффь. — Мы летим вмес-сте. Только он на мужс-ской половине. Кс-стати, это ужас-сно неудобный обычай. Откуда на З-земле так раз-звилос-сь это увлечение ис-сламом?

— Ислам — традиционная земная религия, — быстро сказала госпожа Бурлеска. — Это признано в Кодексе отношений с Шссунхом. Согласно тому же кодексу, мы имеем право следовать обычаям любой традиционной земной религии.

— Но это же очень неудобно. Везде эти раз-з-деления на две половины, — пожаловалась нагиня, — эти з-з-акрытые лица... Еще недавно вс-се это с-считалос-сь у вас-с ус-старевшим... Очень с-странно...

Варлека промолчала. Змейка растерялась.

— Я хотела только предложить знакомс-ство, — извиняющимся голо-сом произнесла она, — но, конечно, ес-сли его прис-сутс-ствие чем-то ос-скорбляет ваши религио-з-ные убеждения...

— Нет, что вы, — расплылась в подобострастной улыбке Райса. — Конечно, познакомьте нас со своим... э-э-э... женихом, — подобрала она приличное слово вместо та́йссунхского «мучитель».

— Женихом? — Оффь наклонила голову, сделавшись похожей на умную собаку. — Очень мило. Я запомню. А как это будет по-немецки? У нас-с с-сейчас-с с-страшная мода на вапу клас-сику, — призналась она, — ос-особенно на немецкий и клас-сичес-ский арабс-ский. Это так с-стильно...

— «Жених» по-немецки — der Bräutigam, — сказала Варлека, вновь кляня себя за неизжитую академическую привычку к объяснениям. — Bräutigam — в смысле «новобрачный», то есть тот, у кого уже есть женщина, согласившаяся стать его женой. Было еще особое слово Freier — свобод-ный человек, ищущий невесту. В вашей системе понятий Bräutigam — это уже поймавший жертву, а Freier — принявший решение о кладке и ищущий молодую нагиню.

— Как тонко! — обрадовалась змейка. — Когда я была маленькой, — доверительно сообщила она, — у нас-с был в моде язык этих... как их... мол-люс-сков. Он казалс-ся таким крас-сивым... Но по с-сравнению с-с любым земным языком это прос-с-сто примитив!

— А что вы сделали с планетой этих самых моллюсков? — сухо поинте-ресовалась госпожа Бурлеска. Она знала, что.

— Из-золировали, — нагиня высунула язык: Варлека знала, что это был шссунхский эквивалент пожатия плечами. — Они же с-совершенно безнравс-твенные с-сущес-тва! Предс-ставляете, они едят друг друга! С-сильные с-съедают с-слабых, и это с-считаетс-я з-законным! Мы предла-гали им отказ-з-аться от этих ужас-ных нравов, но они убили и с-съели наших пос-сланцев. Что еще ос-ставалос-сь делать? Я с-слышала, что у вас-с когда-то тоже было нечто подобное, — по телу юной змейки пробежала дрожь ужаса, — но вы же ис-стребили людоедов физ-зически! — змейка снова вздрогнула, на сей раз от омерзения. Мысль о насилии, не связанном с гоним, вызывала у нагов именно такое чувство.

— Ну, возможно... — Варлека не стала спорить, — но если моллюски вам так отвратительны, почему вы переняли их язык?

— Он такой крас-сивый! Что же в этом с-скверного? — искренне удиви-лась змейка.

Госпожа Бурлеска промолчала. Спорить с нагами о том, что такое хоро-шо и что такое плохо, было абсолютно бесполезно.

— Так я вас-с поз-знакомаю с-со с-своим женихом? — снова возобно-вила разговор Оффь. — Его з-зовут Рэв. Он очень образ-зованный. Вам будет интерес-сно...

Варлека не выдержала: это было уже слишком.

— Насколько я понимаю, — голос ее чуть дрогнул, — этот интересный и образованный наг однажды вас поймал. И принудил признать своей жертвой. Сейчас вы вместе едете в Лондон, чтобы он там истязал вас в течение трех недель, пока вы от боли не потеряете рассудок. После этого вы, может быть, станете способной к зачатию, а ваш образованный и интересный мучитель распадется до такой степени, чтобы оплодотворить вас. Потом, когда вы придете в себя и убедитесь, что зачатие произошло, вы его убьете... И вы говорите об этом так спокойно?!

— Нет, что вы, я не такая с-самонадеянная, — змейка качнула хвостиком, ловя равновесие, — я, конечно, вз-зяла с-собой друга. Вдруг я не с-смогу убить Рэва с-сама? Кс-стати, он летит с-с нами. Только он с-сейчас-с на мужс-ской половине.

— Он человек или наг? — уточнила Варлека без особого интереса.

— Человек, — змейка извернулась поудобнее. — Мы поз-знакомилис-сь с-с ним с-совс-сем недавно, но с-с-раз-зу подружис-сь. Он даже прос-сил меня побыть с-с ним в мужс-ском с-салоне, но я отказ-залас-сь. Это же нез-законно.

— А зачем? — удивилась наивная Райса.

— Он хотел, чтобы во время полета я с-сделала ему это... то, что вс-се люди любят... — Оффь разочарованно свистнула: видимо, не знала слова. — Как это по-английс-ски... blow up?

— Blow job, — поправила Райса.

Госпожа Бурлеска бросила на нее негодующий взгляд.

— Я поняла. Какая гадость...

— Но почему?! — Оффь широко раскрыла глаза и опустила уголки рта: Варлека против воли чуть было не рассмеялась, до того забавно выглядела мордочка обиженной змейки. — Ведь вам же это очень нравитс-ся! Мы так с-стремимс-ся дружить с-с людьми, делать им приятное... — уголки рта змеи обиженно опустились вниз.

Варлека вовремя вспомнила, что змеи изучают не только земные языки, но и человеческую мимику.

— Есть нравственность, — сказала Варлека, заранее зная, что толку не будет.

— Я з-знаю про нравс-твеннос-ть вс-се, — вежливо сказала Оффь. — Моему з-знакомому больше вос-семнадцати лет. И он не с-сос-стоит в офи-циальных отношениях с-с другим человеком или нагом. Все з-законно.

— Я тоже думаю, что в этом нет ничего плохого, — набравшись смелос-ти, заявила Райса.

Госпожа Бурлеска опустила голову. Она прекрасно понимала, что Райса сама не прочь дать ласковой змейке. Наги тоже получали удовольствие от таких игр, хотя и не сексуальное: им нравилось сжимать в объятиях мягкие и теплые человеческие тела. Объяснялось это рудиментами охотни-чьих инстинктов — когда-то предки нагов в пшсунхских пустынях всюю

охотились на мелких теплокровных, удушая их в своих кольцах. Как выяснилось после первых контактов с людьми, этот полузабытый инстинкт не уснул до конца. Особенно змеям нравился оральный секс — держать во рту или зарываться головой в живое, влажное и горячее. К тому же наги обожали свежий белок.

Варлеке все это казалось мерзким. Райса явно не разделяла ее мнения — и, похоже, готова была стоять на своем.

«Пусть делает, что хочет, но только не при мне, — решила Варлека. — Не в моем присутствии. В конце концов, я ее начальник».

— А вы были раньше знакомы с вашим женихом? — аспирантка решила сменить тему.

— Да... мы з-знакомы очень давно, — нагния осторожно слизнула капельку пота с груди девушки. — Ес-сли бы мы не были з-знакомы, я бы ему не попалас-сь. Мы, с-самки, обычно очень ос-сторожны с-со с-стариками... Но я его з-знала с-с детс-ства. Он был помощником владычицы нашего гнез-зда. Когда была маленькая, он учил меня говорить, — добавила змейка печально.

— Как же он после этого мог?! — возмутилась наивная Райса.

Оффф тихо, печально свистнула.

— Рэв уже с-старый, ему пора думать о потомс-стве, — с-сказ-зала она. — Но мне повез-зло. Он очень умный и ос-сторожный. Он обещал не мучить меня больше, чем нужно для зачатия.

* * *

Варлека Бурлеска хорошо помнила тот жаркий весенний день, когда корабли нагов появились в окрестностях третьей планеты Солнечной системы.

Тогда Варлека была молодой аспиранткой, имевшей два несомненных достоинства: сообразительность и осиную талию. А также три серьезных личных достижения: свежевученный чепский язык, две авторские публикации в престижном международном журнале «Glocub» и вагинальный оргазм. Всему этому она была отчасти обязана красивому седовласому археологу по имени Густав Водичка, которого Бурлеска в конце концов предпочла профессору Рейке, потому что профессор был слишком церемонен и однонавязчив. К тому же ее тогдашняя подруга, Августа Торанс с биохимического, рассказывала, что у профессора имеются некие извращенные пристрастия, а юная Варлека была неопытна и пуглива.

В тот майский день она как раз отдыхала в загородном доме любовника. Она лежала на кровати в ночной сорочке, перечитывала Сэлинджера и слушала, как тихо скулит железная труба в ванной, а хозяйский спаниель молотит по полу авокадовой косточкой.

Сладкая греческая жара распалаяла плоть, но навевала дрему. Она почти заснула, когда зазвонил телефон.

Сначала она не хотела брать трубку, но потом все-таки взяла. Это был Водичка. Не здороваясь, он попросил ее спуститься в подвал, где есть запас воды, сухих галет и лекарств, а также телевизор, который он настоятельно рекомендует включить. Он также велел взять с собой собаку.

Варлека, разумеется, в подвал не пошла, но телевизор включила. Сначала ей показалось, что по всем каналам крутят фантастический фильм тридцатилетней давности: смазанные изображения открытого космоса с какими-то непонятными пятнами среди дрожащих звезд. Дикторский голос монотонно вещал о правительственных заявлениях и биржевой панике.

Посмотрев минут пять, она пришла к выводу, что и вправду случилось что-то серьезное: никакое кино просто не могло быть таким занудным.

Тогда она встала, выключила телевизор, нашла спаниеля, взяла его на руки и отнесла в подвал. Сама вернулась в дом, по дороге прихватив бутылку хорошей красной «Франковки» из личных запасов Водички и стала ждать.

Когда тот вернулся, она уже заканчивала вторую бутылку и хотела только одного: пока нелюди из космоса захватывают Землю, испытать еще один вагинальный оргазм.

Водичка был человеком старых традиций: он сначала удовлетворил Варлеку, потом повел ее в туалетную комнату, усадил в ванну, взял шланг от душа и обливал ее ледяной водой до тех пор, покуда она не пришла в себя. Тогда он дал дрожащей от холода и страха девушке махровый халат и сигарету.

Потом они сидели, обнявшись, и смотрели телевизор, ожидая репортажа о начале вторжения.

* * *

Пришельцы оказались пацифистами и филантропами.

Появившись на орбите, — как выяснилось позже, они находились там уже несколько лет, недоступные для земных средств обнаружения, — наблюдая и изучая Землю, те первым делом обратились ко всем земным правительствам и народам планеты с предложением, которое выглядело весьма заманчивым.

Каждое государство могло подписать с космическими гостями договор, по которому последние в одностороннем порядке делились с данным государством всеми своими технологиями, включая космические. Немедленного установления райской жизни это не обещало, но авансы выглядели более чем солидно: сверхбыстрые компьютеры, мгновенная связь, полностью автоматизированная промышленность, и главное — звезды.

Пришельцы, в свою очередь, хотели простых и естественных вещей: получить право жить на территории стран, принявших их помощь, а также приобретать собственность на этих территориях. Разумеется, они были согласны на разумные квоты: инопланетные гости вовсе не хотели

становиться хозяевами Земли или даже основывать колонии. Напротив, их привлекала возможность жить в окружении людей и земной культуры, вызывавшей у них искреннее восхищение. Наконец, и это было главное, пришельцы просили об участии в работе правительств и коррекции законодательных систем этих государств, дабы земные законы включали их права и обычаи. Со своей стороны, они гарантировали полнейшее законопослушание: звездные гости терпеть не могли насилие и превыше всего ставили гармонию и взаимопонимание. Тем более, устраиваться на Земле они собрались надолго и основательно: Земля им очень нравилась, люди тоже.

Разумеется, никто не собирался оказывать давление на землян. Чужаки гарантировали, что их ноги не будет там, где им не рады. Впрочем, ног у них не было: звездные гости были змеевидными существами, лишенными конечностей.

Население Земли кое-как переварило первоначальный шок где-то за полгода.

Первым согласилось на заявленные условия правительство Республики Чаа: этим терять было нечего: республика к тому времени достигла слишком заметных успехов в области экономического и социального воздержания.

После того, как за три месяца африканский аутсайдер превратился в бурно растущую страну, начали подтягиваться прочие: Малави, Западная Сахара, ЦАМ, Верхняя Вольта... Черная Африка поняла, что ее единственный шанс вылезти из вековой нищеты и отсталости — как можно скорее и на любых условиях договориться с пришельцами.

За расцветающей Африкой по тому же пути последовала разваливающаяся на части Россия, потом — Европа и Северная Америка.

Дольше всех сопротивлялся Китай, Индонезия и почему-то Гондурас, подписавший Кодекс отношений с Шссунхом — так назывался родной мир змеев — последним.

* * *

Лето в Париже стояло жаркое, липкое, неотвязное. Варлека шла по аллейке, засаженной неправдоподобно аккуратными деревьями с гладкой блестящей корой — кажется, какая-то новая мутация, выведенная нагами. Вдоль посыпанной белым песком дорожки — сквозь тонкую сетку лицевого платка песок казался бледно-серым, как табачный пепел — стояли стандартные железные скамейки, выкрашенные зеленым. Краска на сиденьях коробилась, шла пузырями.

Две немолодые женщины, замотанные платками по глаза, сидели на скамейке и играли в шахматы. У той, что играла белыми, не было какой-то фигуры — то ли слона, то ли ферзя, — и его заменяла блестящая гильза из-под губной помады. Бурлеска попыталась вспомнить, когда она последний раз видела в продаже губную помаду, но не смогла.

Других людей не было.

Как всегда в таких случаях, ужасно хотелось откинуть паранджу, хотя бы на минуточку. Госпожа Бурлеска с трудом подавила это желание. Может быть, в ближайших кустах сидит псих и рассматривает ее в инфракрасный бинокль. Сейчас в парках психов просто навалом.

Ну ничего. Очень скоро она прикончит Гора Стояновского и получит за это сто пятьдесят дней свободы. Она сможет всласть гулять по этим аллеям без платка, с открытыми руками и грудью. Пить в маленьких забега-ловках панаше и «танго» — смесь пива с гренадином, модную в этом сезо-не — ничего не боясь. Ходить одна, не нуждаясь в бдительном спутнике.

Тем более в таком, как сейчас.

— Не беспокойтесь, никого поблизости нет, — прошуршало у ее ног. — Можете снять эту штуку.

— С чего вы взяли, будто я беспокоюсь? — неприязненно спросила гос-пожа Бурлеска, в очередной раз подумав, что напрасно связалась со старым гадом. Он оказался полезен, да. Но слишком проникателен.

— Простите за неделикатность, но я чувствую запах страха, — серьезно ответил наг, подняв переднюю часть тела. Теперь серебряная голова гада плавно покачивалась возле ее бедра, в такт шагам. В этом соседстве тел было что-то непристойное. Не как у Райсы с Оффью, а... Варлека задума-лась, но не нашла подходящих слов.

Рэв и в самом деле был стар. Когда Оффь, слегка смущаясь, представля-ла его Варлеке и Райсе, госпожа Бурлеска была поражена размерами этого существа. Наги росли всю жизнь. Рэв был огромен: судя по длине тела, ему было никак не меньше семидесяти земных лет.

Как ни странно, но беседовать с нагом оказалось интересно. У него, в отличие от присвистывающей змейки, была чистая речь и несомненный талант рассказчика. Кроме того, змей был по-змеиному галантен, предупре-дителен и умел брать на себя инициативу.

Знакомство состоялось в аэропорту. Через пятнадцать минут после того, как Оффь церемонно представила их друг другу, Варлека с легким удив-лением осознала, что они, оказывается, сидят всей компанией в закрытом кабинете какого-то дорогого ресторана. Судя по ряду бутиков за окном, на рю де Монтень. Как они сюда добрались, она решительно не помнила, увлеченная каким-то разговором.

Перед госпожой Бурлеска стояло блюдо с охлажденной ежевикой и бокал шампанского. Непочатая бутылка «Вев Клико» дожидалась своей очереди в серебряном ведерке со льдом. Кажется, сообразила Варлека, это уже третья.

Лица женщин были свободны: любезный Рэв заказал гарантии безопас-ности по высшему разряду. Бурлеска попыталась что-то сказать по этому поводу, но старый наг отмахнул все запоздалые возражения легким движением кончика хвоста.

Маленькая компания людей и нагововсю благодушествовала. Простодушная Оффь зарылась мордочкой в крабовый салат, издавая что-то вроде восторженного похрюкивания. Разумянившись от жары и шампанского Райса, отчаянно кокетничая, кормила Рэва с серебряной ложечки мороженым с горячей начинкой внутри. Разнежившийся наг свернулся под столиком, обвивши кончик хвоста вокруг единственной ножки, и блаженно щурился, глотая холодные комочки крема, тающие в горле и обдающие его жаром.

— Благодарю вас, очаровательная госпожа Ваку, — любезничал гад, облизывая ложку длинным раздвоенным языком, — вы познакомили меня с изумительным сочетанием вкусовых и температурных ощущений. Вы бывали когда-нибудь в сауне?

— О да, приходилось, — лукаво склонила голову аспирантка, явно намекая на то, что она там бывала не раз, и отнюдь не одна.

— На Шссунхе есть развлечение, несколько напоминающее вапу сауну: свернуться где-нибудь в глубокой тени, как следует замерзнуть, а потом перекатиться на горячие камни. Так любят играть маленькие змееныши. Эти холодные шарики мне чем-то напомнили детство. Ох, я так надеюсь, у моего потомства будет детство получше. У меня есть что завещать своей кладке. Поэтому они вырастут на Земле, а не среди этих вонючих песков...

— А вам хотелось бы увидеть свое потомство? — ляпнула Райса.

Змей тихо зашипел, как проколота шина, и немного отстранился от аспирантки.

— Вряд ли, — наконец, сказал он. — Даже если бы это было возможно. Мне бы не хотелось... разочаровываться, — подобрал он нужное слово. — Видите ли, мы все мечтаем о том, что наши дети будут чем-то большим, чем мы сами. Большим и лучшим. Это помогает нам жить... и умирать.

— И все-таки это ужасный обычай, — вздохнула Ваку. — Я все понимаю насчет вашего брачного ритуала, у вас такая биология... Но зачем же умирать самому?

Госпожа Бурлеска почувствовала кожей, как тонкая нить беседы с неслышимым звоном лопнула.

Глупая аспирантка с опозданием сообразила, что перешла грань допустимого, и от испуга выронила ложечку с мороженым. Вещица тихо звякнула на полу.

Змей обвел взглядом всех присутствующих. Все промолчали.

— Я не думаю, что это хорошая тема для застольной болтовни, — наконец, заговорил Рэв ко всеобщему облегчению. — Тем более, при нагине, готовящейся стать моей жертвой... то есть, говоря по-вашему, моей невестой, — он бережно склонился над юной змейкой и нежно коснулся рыльцем ее блестящего лба.

Оффь что-то тихо и печально просвистела на шссунхском, после чего доверчиво подставила Рэву свою измазанную в салате мордочку. Тот несколькими быстрыми движениями языка очистил ее от соуса и на секунду

выпустил длинные клыки, как бы приобнимая ими рыльце своей будущей жертвы.

Женщины молча смотрели на эти странные нежности.

— Я боюсь только одного, — признал змей, — что могу погубить Оффь во время гона. Я слишком стар и слишком силен, а она так молода... Но я хотел потомство именно от нее. Придется рискнуть.

Ваку почувствовала, что ее бестактность великодушно прощена, и тут же обнаглела вдвое.

— Простите... — обратилась она к Рэву с напускной робостью. — Я давно хотела посмотреть... У людей это не принято, но мне очень интересно. Как культурологу, — добавила она.

Рэв склонил голову.

— Посмотреть? Что именно?

— Это... Чем вы это будете делать, — девушка еще старательнее изобразила смущение. — Ну, ту самую штуку.

— Мой половой орган? Да, пожалуйста, — змей начал разматываться.

Бурлеска хотела сказать, что не желает на это смотреть, но промолчала. Это было бы неправдой. Ей было интересно.

Змей выпростался, извернулся брюхом кверху и приподнял самую толстую часть тела. Прямо из молочно-белого живота, раздвигая чешуйки, вылез кончик чего-то белого и острого.

Рэв содрогнулся всем телом, и в воздухе сверкнул и закачался кривой костяной клинок с шипами и зуббринами. Лезвие сияло снежной белизной. Зачарованная Райса протянула руку, коснулась дрожащего в воздухе кончика — и тут же, ойкнув, отдернула палец.

Клинок исчез: змей тут же втянул его в себя.

Райса обернула палец в салфетку. На ней проступило красное пятно.

— Поз-з-звольте, — заботливая Оффь склонилась над девушкой и обвила пострадавший пальчик розовым язычком.

— Уже не больно, — улыбнулась Райса. — Извините меня, пожалуйста, я не должна была этого делать, — сказала она Рэву, пристраивающемуся обратно на место.

— Я должен был предупредить, это очень острая штука, — вежливо сказал змей. — Член должен вспороть чешую змеи и войти внутрь. И вообще, осторожнее. Вы можете заразиться шссунхским червем.

— Это что такое? — испугалась девушка. — Люди этим болеют?

— Не беспокойтес-с-сь, — вмешалась Оффь. — Шсс-с-сунхский червь без-ззопас-ссен. Он даже полез-з-ен. Он с-стимулирует умс-ственные с-спос-собнос-сти.

— Не будем вдаваться в детали нашей биологии, это неинтересно, — вежливо, но твердо сказал Рэв.

— Так все-таки, что это такое? — настаивала девушка, с тревогой глядя на пораненный палец. — Я могу заболеть какой-то гадостью?

— Нет, нет, — змей успокаивающе покачал головой. — Ничего страшного. Просто я являюсь переносчиком... определенной болезни. Она совершенно безобидна для нас. Наги даже предпочитают болеть ею. Есть мнение, что пшунхский червь является своего рода нейростимулятором. Но, видите ли, она передается только половым путем. Наверное, человек может заразиться, хотя, конечно, для этого нужно... — он замялся, — более глубокое проникновение, — нашел он слова, — чем просто пальчик уколоть. Но лучше не рисковать, правда?

— Что ж, спасибо за заботу, — девушка чуть надула губки, делая вид, что немного обиделась, но совсем чуть-чуть.

— А зачем эти шипы и крючья? — продолжала интересоваться девушка.

— Вы же понимаете, зачем, — змей ухитрился изобразить на мордочке нечто вроде печальной улыбки.

— Ты обещал, — укоризненно сказала Оффь, — купить для меня эти новые прис-спос-собления. Помнишь, мы о них говорили? Они почти с-совс-сем без-звредные и очень болез-зненные...

— Конечно, конечно, — успокоил ее наг, — хотя, скажем честно, на Земле пыточный арсенал дороговат, и к тому же предназначен в основном для людей. Но я пойду на любые расходы, чтобы зачать и умереть в Париже, — гордо закончил он. — Приятно думать, что последние дни моей жизни пройдут здесь, в лучшем городе лучшего мира в известной нам Вселенной. А я повидал много миров.

— Вы космонавт? — слегка удивилась Варлека.

— В некотором роде... В каком-то смысле... Моей работой является определение правомерности действий. Если угодно, этический контроль. Представьте себе, я был членом того экипажа, который открыл Землю: меня назначили как раз на это направление. Скажу не хвастаясь: я стал первым нагом, который выполз на поверхность нашей прекрасной планеты...

— Как вы сказали? Нашей планеты? — госпожа Бурлеска постаралась, чтобы ее голос прозвучал сухо, но не враждебно.

— Вашей планеты, конечно, — наг легко сдал назад. — Я оговорился. Впрочем, не буду лукавить: мы уже привыкли к Земле как к своему дому. Да, конечно, это, прежде всего, дом людей. Но мы тоже хотим стать его жильцами — о, поверьте, почтительными и благодарными. Люди живут в сущем раю и не подозревают об этом... Не то, что мы. Вам когда-нибудь приходилось бывать на Шссунхе?

— Нет, — вежливо сказала Варлека. — Насколько мне известно, там нет ничего интересного.

— Вы правы, — змей издал непонятный звук, напоминающий вздох. — Шссунх отвратителен.

* * *

Родной мир нагов, Шссунх, представлял собой пустыню, днем раскаленную, ночью ледяную, и всегда смрадную: атмосфера содержала

сероводород. Большая часть территории была необитаема. На севере располагалось крохотное мерзлое море, отравленное сернистыми соединениями. Жизнь ютилась вблизи южного полюса, где была чистая вода и где наги создали свою унылую цивилизацию.

С точки зрения биологии, наги, несмотря на бросающееся в глаза сходство с земными пресмыкающимися, были куда ближе к земным червям. Несмотря на то, что жизнь на Шссунхе развилась до теплокровных, эволюция предпочла сыграть злую шутку, одарив разумом довольно примитивных существ.

Предки нагов жили в песчаных норах, откуда были изгнаны обстоятельствами неодолимой силы: выбросы сероводорода отравили пески планеты, оставив пригодным для жизни только самый верхний слой почв. Переход к наземному образу жизни и освоение навыков охоты за обитателями пустыни оказался переломным в жизни вида: у нагов появились зачатки мышления.

Окончательно же их сформировало второе обстоятельство, предопределившее всю дальнейшую историю и культуру нагов: способ продолжения рода.

В отличие от щедрой Земли, где живым существам достаются не только страдания, но и хоть какие-то удовольствия, жестокая природа Шссунха напоминала буддистский ад. Большинство существ на планете были двуполы, но до женских половых органов эволюция почему-то не додумалась. Оплодотворение происходило так: самец ловил самку и впрыскивал ей свое семя прямо в тело, пронзая его детородным органом — твердой заостренной костью. Боль, испытываемая самкой при прободении тела членом, служила сигналом для выброса белков и гормонов, готовящих тело к беременности. В конце концов, выношенная кладка яиц, выросших внутри тела матери, выбрасывалась наружу через клоаку, вместе с экскрементами, которые и служили им первой пищей.

Разум у нагов появился благодаря случайной мутации, а именно — ослаблению болевого инстинкта у самок песчаных червей.

Что послужило тому причиной, сказать трудно. Во всяком случае, шссунхские биологи так и не смогли понять, какой именно ген и в каком именно месте поломался. Так или иначе, боль, испытываемая при прободении тела самки, стала недостаточной для того, чтобы переключить ее организм в режим вынашивания. Лишь те самцы, которые проводили половой акт особенно болезненно для своей партнерши, получали шанс на продолжение рода.

В конце концов, это привело к тому, что самцы начали причинять самкам боль намеренно. Более того, возникла рефлекторная зависимость между страданиями самки и возбуждением самца. Наг, поймавший нагиню, входил в раж: ему было необходимо видеть корчи несчастной нагини, слышать ее стоны и чувствовать запах боли и страдания. Правда, в пылу

возбуждения он зачастую убивал или калечил оплодотворенную самку. Пришлось научиться умерять пыл, и, причиняя боль, не приносить большого вреда. Постепенно появилась изощренная техника укулов членом в нервные узлы, пережимания сосудов, укусов и удушений, и так далее. Все это требовало ума, сообразительности и своего рода фантазии. Извилины в головах нагов теснились все гуще — пока, наконец, над змеиным родом не воссиял свет разума.

Неудивительно, что древнейшими орудиями, созданными цивилизацией нагов, были иглы для протыкания тела самки. С развитием цивилизации в арсенале самцов появилось множество пыточных приспособлений. Делали их из гуманных соображений — доставлять как можно больше боли, не калеча и не убивая. Даже электрические батареи были изобретены нагами для той же надобности.

Казалось бы, рождение разума из духа садизма должно было сформировать у аборигенов планеты пристрастие к жестокости. На деле все вышло прямо наоборот.

С древнейших времен насилие и причинение боли считались на Шссунхе допустимыми исключительно в сфере размножения. В любых других обстоятельствах это воспринимались как половое извращение. Особенно это касалось самцов, пытающихся применить насилие по отношению к другим самцам — на них смотрели примерно так же, как на Земле когда-то смотрели на мужеложцев, только с гораздо большим омерзением. С ними даже не боролись, просто переставали общаться и совместно охотиться, а при первой же возможности бросали среди песков.

Поэтому система лидерства, основанная на силе, среди нагов так и не сложилась. Не было и войн: даже мелкая стычка показалась бы нормальному нагу чем-то вроде содомитской оргии, а поле сражения — просто бредом извращенного воображения... Для того чтобы заставить змей действовать сообща, существовал один-единственный способ: убедить всех в том, что это и в самом деле необходимо. Поэтому власть на Шссунхе — точнее, ее слабое подобие, если сравнивать с системами господства других цивилизаций, — всегда принадлежала интеллектуалам.

При всем том сколько-нибудь интересной культуры наги так и не создали. Безрукие — в буквальном смысле слова — существа, они были лишены возможности творить для удовольствия. У них не было ни музыки, ни живописи, ни сколько-нибудь интересной архитектуры. Правда, у нагов была своя литература, в основном бесписьменная: уникальная по земным меркам память позволяла им запоминать тысячи и тысячи строчек. К сожалению, бедный язык и отсутствие интересных сюжетов не позволило развиваться каким-либо жанрам, помимо хроники, а также чего-то среднего между героическим эпосом и садомазохистским триллером: речь шла об историях, как умный храбрый самец поймал скрывающуюся от него самку, каким мучениям ее подверг, чтобы ее оплодотворить, и как она его,

в конце концов, убила, укусом (зубы нагинь были снабжены ядовитыми железами) или душением.

Впоследствии журналисты сравнивали убийство мужчины-нага после оплодотворения с нравами земных пауков, у которых паучиха может убить и съесть самца сразу после акта любви. На самом деле убийство самца было чисто культурным феноменом, ответом разума на вызов биологии: разрешение внутреннего конфликта между биологической необходимостью причинять боль и столь же естественным отвращением к насилию над живым разумным существом могло быть только трагическим... Так или иначе, но смерть самца после завершения ритуала оплодотворения издавна считалась обязательной, а попытки уклониться от нее — постыдными и даже преступными.

Неудивительно, что законы о совокуплении были древнейшими в кодексе нагов и соблюдались строжайшим образом.

Любой змей имел право поймать самку, заставить ее признать себя его жертвой и оплодотворить ее. За проведением обряда следили два наблюдателя, которые имели право защитить самку, если самец переходил грань дозволенного мучительства. Самка имела право — точнее, была обязана — после оплодотворения убить самца, сама или с помощью другого нага (как правило, подруги). Имущество самца переходило по наследству потомству, а нагиня должна была заботиться о вылупившихся змеенышах.

Конечно, совокупление было трагедией. Зато никаких других трагедий в жизни змей не было. Возможно, поэтому наги, чья цивилизация была не старше человеческой, вышли в космос раньше людей.

* * *

— Вы позволите мне прилечь у ваших ног? — поинтересовался наг. — Кажется, я съел слишком много этого замечательного лакомства и несколько отяжелел... Только, прошу вас, не наступайте на меня каблуками, — добавил он уже из-под стола.

— Я бы тоже легла, ес-с-ли можно, — Оффь подняла просящие глаза на аспирантку. — Можно положить голову вам на колени, Райс-с-са? У вас-с такой теплый живот...

— Конечно, дорогая, иди сюда, — Ваку заелозила попкой по кожаной обивке, раздвигая полненькие ножки.

Госпожа Бурлеска демонстративно отвела взгляд от сладкой парочки.

— Ну, так вот, я говорил, что принимал участие в экспедиции на Землю, — наг, свернувшись кольцами под столом, приподнял треугольную голову. — Моей задачей было определить, следует ли нашим цивилизациям вступать в контакт. В конце концов, я ответил положительно.

— Почему? — вклинилась Райса. — Хотя да... вы говорили, что вам нравится Земля...

— М-м-м... — змей задумался. — Как бы это объяснить... Дело не в моих личных вкусах. Вопросы такого уровня требуют, если можно так выразиться, взгляда в будущее. Надо точно определить, что именно случится с нами в случае контакта.

— Только с вами? — не удержалась Варлека. — С нагами?

— Прежде всего, с нами, разумеется, — ответил Рэв. — Но мы принимаем в расчет и интересы аборигенов. Необходимо, чтобы контакт не привел к невосполнимому ущербу для нормальной жизни — нашей и чужой. Иначе подобный контакт стал бы бессмысленным и вредным для обеих сторон. Как, например, вышло с теми же моллюсками.

Варлека промычала что-то неразборчивое. Про моллюсков-каннибалов, чья жизнь проходила в непрерывной войне всех против всех, она что-то слышала или читала, но интересоваться этой темой у нее не было повода.

— Они и в самом деле убили ваших послов? — опять вылезла Ваку. — Просто так, ни за что?

— Увы, — Рэв почесал лоб о ее туфлю. Заскрипели чешуйки. — То есть, у них были определенные основания. С точки зрения их этики они были вправе это сделать, но... Не хочу об этом говорить, — решительно оборвал он. — Я принял решение об изоляции планеты, и оно было утверждено на Шссунхе. У нас есть защитное поле, которым можно покрывать целые системы. Что-то вроде кокона, препятствующего преодолению пространства. Эти существа не должны покидать свою звездную систему. Никогда.

— Вы были по-своему добры к ним, — признала Варлека. — Мы, наверное, оставили бы их в покое... или уничтожили.

— Все-таки хорошо, что я знаю вашу расу, — недовольно сказал Рэв. — Люди иногда говорят ужасные вещи... но, к счастью, их не делают. Вы лично могли бы уничтожить живое существо? Своими руками? Думаю, нет.

— Именно это я и собираюсь сделать, — вздохнула госпожа Бурлеска. — Я приехала сюда, чтобы оказать услугу одной женщине... Ее поймал маньяк и теперь собирается воспользоваться этим вашим правом. Но убить она его, наверное, не сможет. Поэтому нужна я.

— Как благородно! — восхитился Рэв. Его серебристая голова сверкнула вблизи колен женщины. — Значит, вы приехали сюда во имя свершения священного обряда? Помочь своей подруге?

— Да. И знайте: я смогу убить этого человека, — твердо сказала Варлека.

— Но это же совсем другое дело! — змей высунулся из-под стола, явно собираясь положить ей голову на бедро, но вовремя вспомнил, что не получал на это разрешения, и, галантно изогнувшись, улегся у ног. — Убить самца, который так долго истязал несчастную жертву, это же естественно. Его смерть удовлетворяет чувство справедливости и восстанавливает равновесие в мире.

Госпожа Бурлеска опустила глаза и увидела, как Райса гладит кончиками пальцев лицо змейки. Та счастливо жмурилась, принимая ласку.

— Хотя, конечно, это тяжело, — продолжал витийствовать змей. — Но умерщвление самца — женский долг...

— Оно не стало бы моим долгом, если бы вы не распространили свои брачные законы на людей, — с горечью сказала госпожа Бурлеска. — Тогда бы я не носила этот мерзкий балахон.

* * *

Люди довольно скоро убедились, что змеинные порядки просты, необходимы, и, в общем, похожи на человеческие. Более того, они были существенно мягче и гуманнее, чем большинство людских законов. К этому пришлось привыкать. Но в большинстве случаев законы нагов оказывались прогрессивнее.

Непонимание возникло всего в нескольких вопросах.

Сначала речь шла о мелочах. Например, очень быстро выяснилось, что змей на дух не переносят вида и запаха жареных куриных яиц, поскольку они пахли так же, как их собственные яйца, сгорающие в раскаленном песке. Стоило нагу учуять запах яичницы, как у него включались древние инстинкты защиты потомства: змей мог броситься прямо на раскаленную сковороду, чтобы спасти зародышей. Поэтому наги почтительнейше попросили людей отказаться от этого безобидного кулинарного пристрастия.

Поскольку альтернативой яичнице было материальное благоденствие, расцвет наук, искусств и выход в космос, большинство людей, голосовавших на референдумах за принятие Кодекса отношений с Шссунхом, на это согласились. Наги отблагодарили щедро, обогатив земную кухню множеством новых кулинарных изысков.

Сложнее было с другими моментами. Так, в традиционном законодательстве змей отсутствовали многие меры наказания, принятые на Земле, в том числе смертная казнь. Змей признавали только одну ситуацию лишения жизни, и использование чего-то подобного в качестве наказания представлялось им извращением естества. Поэтому они вежливо, но твердо настаивали на том, чтобы все государства, принимающие их помощь, отказались от столь мерзкого обычая. К тому же наги ссылались на то, что многие страны мира добровольно отказались от смертной казни, а величайшие нравственные учителя человечества обличали смертную казнь как дикость. Людям пришлось согласиться.

Брачные обычаи жителей Шссунха были, разумеется, тоже внесены в земные законы, но долгое время никто не придавал этому практического значения. До той поры, пока один полоумный американский садист, пойманный во время издевательств над очередной жертвой, не потребовал суда нагов.

На суде он заявил, что хочет совершить совокупление по законам нагов, а поэтому требует, чтобы ему отдали его жертву на подобающий срок, после чего он готов добровольно умереть.

Негодяй, разумеется, получил свои три пожизненных срока. Однако через пару дней змеи выступили с разъяснением, что люди, в принципе, обладают всеми правами, которыми обладают наги, в том числе и таким неотъемлемым правом, как совокупление по законам нагов.

Разумеется, подчеркивалось в разъяснении, речь идет о чисто теоретической возможности, так как человеческие обычаи в этой сфере отличаются от обычаев аборигенов Шссунха по физиологическим причинам. Но даже теоретическое умаление прав недопустимо, а потому необходимо разработать процедуру, аналогичную шссунхской. Любой мужчина должен иметь право поймать женщину, заставить ее признать себя его жертвой и оплодотворить ее, подвергая при этом мучением. За проведением обряда должны следить два наблюдателя, которые имели право защитить женщину, если мужчина переходил грань дозволенного. Женщина получала право — точнее, была обязана — после оплодотворения убить насильника, сама или с помощью подруги. Имущество насильника переходило по наследству потомству, а женщина должна заботиться о ребенке...

Впоследствии — когда, откровенно говоря, было уже поздно — все сошлись на том, что принятие закона можно было бы остановить, если бы все основные политические силы Земли выступили вместе. Однако протестная компания получилась довольно вялой. Зато не было недостатка в разного рода эксцентричных маргиналах, которые по разным причинам начали оправдывать, а то и восхвалять обычаи нагов. Госпожа Бурлеска хорошо запомнила телевыступление известнейшего сорбоннского философа-неомарксиста, плешивого уродца со шрамом на губе и трясущимся подбородком, который рассуждал о том, что человек, согласный умереть во имя права оплодотворить любую понравившуюся ему женщину, заслуживал бы восхищения, «в отличие от обывателя-буржуа, prostituteирующего в уютном мещанском браке» (эта фраза ей особенно запомнилась).

Впрочем, тогда многие позволяли себе такие рассуждения. Никто не думал, что подобным правом кто-нибудь захочет воспользоваться на самом деле.

Увы, люди плохо знали самих себя.

На следующий же день после изменения Кодекса — что означало автоматическое введение в законодательства всех стран, его принявших, «шшунхского брака» — свое право на женщину заявил вполне почтенный немецкий парламентарий, представитель партии «зеленых». Его не остановило даже то, что несчастная была замужней.

На другой день две аналогичные заявки пришли из Мексики. Америка выстрелила через неделю — сразу пятью заявлениями.

Через месяц Варлека впервые в жизни подумала, что ей страшно выходить из дома. Паранджу она надела через полгода. К тому времени это уже был вполне ординарный элемент женской одежды: по правилам, для того,

чтобы подать в полицию заявку на свое право насилловать жертву, насильник должен был показать ее лицо.

* * *

Женщина и наг добрались до скверика с фонтаном и маленьким прудом, в котором плавала тяжелая перекормленная утка. Там стояли не скамейки, а зеленые стулья с железными ногами. Вокруг росли все те же деревья с красной корой.

Никого не было. Где-то далеко играла музыка. В воздухе витали запахи перегоревших углей для барбекю, туалетной воды и молодого вина.

Госпожа Бурлеска нашла самое тенистое место — прямо под деревом. Присела на стул, аккуратно подобрав под себя балахон. Воровато оглянулась вокруг и немного помахала платком, нагоняя чистого воздуха.

— Может, пересядем? Профессор не заметит меня в тени, — рассеянно сказала Варлека.

— Не заметит — позвонит по мобильному телефону. К тому же я его наверняка замечу. У меня неплохое зрение и чутье. Не беспокойтесь, я его не пропущу.

С профессором Рейке она связалась еще в ресторане. У старика оказался неожиданно сильный голос. Не вдаваясь в долгие разговоры вокруг да около, он предложил ей встретиться в местном парке — «знаете, такое место у пруда, там очень тихо», чтобы еще раз убедиться в ее согласии и потом отвезти к себе домой для обсуждения деталей.

Госпожа Бурлеска оценила старомодную деликатность профессора. Однако, подумав, она пожалела об этом: парк был новым, Варлека его совсем не знала. Идти одной в незнакомое место не хотелось. Мало ли какой безумец выскочит из-под скамейки, сорвет с нее платок и объявит своей жертвой? Она собралась было отзвонить, чтобы переназначить встречу в более подходящем месте, но тут Рэв неожиданно вызвался ее проводить.

Немного подумав, женщина согласилась: змеи обладали прекрасным чутьем на теплокровных вообще и людей в частности, к тому же нагов все-таки побаивались, в том числе и психи. Теперь она об этом жалела: перед тяжелым разговором ей хотелось немного побыть в одиночестве.

— Как же здесь хорошо, — блаженно прошептал Рэв, укладываясь у ее ног. — А у меня совсем нет времени.

— Когда вы собираетесь... начинать? — Варлека не нашла лучшего слова.

— Вы про Оффь? Думаю, где-то через месяц. У меня здесь осталось одно довольно серьезное дело... надеюсь, последнее. Ну и, конечно, хочется хоть немного подышать парижским воздухом. Ах, если бы вы знали, как я люблю этот город! Если бы у меня было больше времени, чтобы насладиться им вполне...

— Я тоже люблю Париж, — сказала Бурлеска. — Хотя и редко тут бываю. Знаете, дела, работа... К тому же, — призналась она, — я не могу забыть то время, когда я могла ходить по этим улицам свободно, без тряпки.

— Простите за откровенность, но мне неприятно, что вы пытаетесь защищать себя такими способами, — сказал змей. — Некоторые вещи надо принимать... в вашем языке это обозначается словом «мужественно». На шссунхе это звучит как... — он издал длинную переливчатую трель. — В буквальном переводе — «как молодая самка принимает свою участь». Ее участь — когда-нибудь стать жертвой. Через это надо пройти...

— Мы жили без этого тысячи лет. И этот ваш обычай кажется нам отвратительным. У вас он обусловлен физиологией, но у нас она совершенно другая...

— В таком случае, почему у вас нашлось столько мужчин, готовых следовать нашему обычаю? — парировал змей. — И с каждым годом их число все растет?

— Маньяки были всегда, просто вы разрешили им удовлетворять свои извращенные желания, — начала было Варлека, но змей перебил ее:

— Не все так просто. Насколько мне известно, классическая земная система правосудия была основана на идее наказания. Самым страшным наказанием была, — он едва заметно дернулся, — смертная казнь. Раньше в случае поимки садиста-насильника худшее, что его ждало, — это смерть. Но сейчас она ждет его точно так же. В чем разница? Ни в чем. Значит, дело не в нашем разрешении. В людях есть что-то созвучное нашим обычаям...

— Я думала над этим, — призналась госпожа Бурлеска. — Наверное, вот в чем. Для людей очень важными понятиями являются «можно» и «нельзя». Сейчас истязать женщину и потом умереть — можно. Закон это разрешает. Поэтому...

— Неубедительно, — спокойно сказал Рэв. — Смотрите сами. У людей было темное и кровавое прошлое. Однако, вы, в отличие от других рас, способны меняться. Учиться добру. Когда-то вы ели друг друга, как те моллюски. Но уже в течение тысячелетий вы этого не делаете. Вы воевали. Вы были жестокими и грубыми существами. Но среди вас всегда находились учителя высокой нравственности, чьи ценности люди, в конце концов, принимали. И, заметим, эти ценности неизменно оказались близки нам, нагам...

— Понимаю. Вы хотите сказать, что ваша этика совершенна, а мы только приближаемся к ней, — сказала Варлека.

— Это не я сказал, — заметил Рэв, — таковы факты. Заметьте, мы не подвергаем сомнению достижения землян в других сферах. Ваша архитектура, ваша музыка, ваша поэзия — все это новые для нас миры. Здесь вы превосходите нас настолько, что нет смысла даже пытаться соревноваться с вами. Но в области морали и права...

— Люди, которые мучают женщин — просто ненормальные. — Варлека попыталась незаметно почесать о спинку стула зудящую от пота спину, но у нее не получилось.

— О Сократе и Христе их соплеменники говорили то же самое, — заметил Рэв.

— Ладно. Все равно мы ни о чем не договоримся. Вы считаете себя и свои обычаи совершенством, — госпожа Бурлеска взяла себя в руки.

— В большинстве случаев вы сами это признали, — ответил змей. — Я понимаю, что индукция никогда не бывает полной, но...

— Вот именно. В конце концов, поймите же, что у нас разная физиология. Наш секс и этот ваш ужасный гон — настолько далекие друг от друга вещи...

— Отчасти да. Но мы учимся и этому — насколько нам это доступно. Контакт с человеческим телом нам, во всяком случае, приятен. Это не секс, но... Как вы думаете, чем сейчас заняты Оффф и Райса?

— Ревнуете? — не удержалась Варлека.

Змей тихо хрюкнул, как маленький поросенок. Бурлеска знала: наги так смеются.

— Извините, — сказал он, — это не по поводу нашего разговора... Просто мне пришла в голову совершенно посторонняя мысль. Видите ли... не знаю даже, как сказать... В общем, — наг заметно смутился, — я поймал себя на том, что мне очень хочется забраться на дерево. Понимаю, в моем возрасте это отдает ребячеством... но, скорее всего, другой возможности это сделать у меня не будет, а никакими правилами это не запрещено. Вы разрешите?

Госпожа Бурлеска с облегчением кивнула. Наг свернулся наподобие пружины и через мгновение, с силой распрямив тело, нырнул в воздух за ее спиной. Длинная серебристая дуга сверкнула и пропала.

Варлека еще раз оглянулась, но никого не заметила. Тогда она осторожно просунула руки под мокрый платок и стерла пот.

Мысли в голову не шли. Она попробовала немного подумать о Стояновском, которого должна убить после того, как тот натешится женой профессора. И еще сделает ей ребенка. Закон охранял детей, родившихся таким способом, хотя матери обычно их ненавидели. Вот и Августа, кажется...

Что-то затрещало наверху. Похоже, не вовремя распалившийся змей сломал какую-то ветку. Недодуманная мысль рассыпалась, как сухое печенье, оставив в голове несколько колючих крошек.

Потом она стала фантазировать, как она будет убивать Стояновского. Он же большой, сильный мужчина. Застрелить его? Это было бы как-то слишком... благородно, что ли. Можно, конечно, использовать штучки, которые привезли на Землю гады — электрошокеры, ядовитые лезвия, что там у них еще? Изделиями гадов пользоваться не хотелось. Вообще,

впервые за все время она задумалась, как это будет происходить? Будет ли Гор сопротивляться? Кажется, нет: она видела записи подобных убийств, мужчина всегда был вялый и покорный... Бурлеска вспомнила, сколько садистских фильмов было снято в последние годы. Змен не препятствуют этому, у них самих принято смотреть на подобные вещи, они считают это высоким искусством...

В голове все путалось. Она еще попыталась решить, куда она поедет, когда получит свою охранную грамоту. Может быть, в Америку? Сейчас там развелось особенно много маньяков, в другое время она бы на это не пошла, но почему бы и нет? Нью-Йорк, говорят, сейчас расцвел...

Варлека сама не заметила, как задремала. Ей снилось, что она, связанная, лежит в стеклянном ящике. Ящик плыл по огненной реке. Его заворачивало на стремнинах, и она видела языки пламени, сквозь которые проступали лица людей и нагов. Лица наклонялись к ней и о чем-то спрашивали, и она отвечала, не слыша собственных слов. Она знала, что, когда она замолчит, ящик расколется, и она умрет. Это было так страшно, что она вспомнила латинскую молитву, которой научилась когда-то в детстве, и начала ее читать, путаясь в словах. Тогда лица в пламени сгрудились вокруг нее, пламя поднялось выше, а ей стало жарче. Но она твердо решила, что спасет их всех, и с новыми силами зашептала молитву. Латинские слова вываливались изо рта, оставляя боль в растрескавшихся губах.

Проснувшись Варлека от того, что кто-то осторожно теребил складки платка. Она в испуге распахнула глаза — и увидела сквозь паранджу яблоко: маленькое, неправдоподобно румяное, малиновое. Яблоко раскачивалось перед самым лицом.

Бурлеска почти машинально протянула руку и взяла плод. Тут же в поле зрения появилась довольная физиономия нага.

— Фффух! — по-человечески вздохнул Рэв. — Такие упражнения уже не для меня. Но я не мог удержаться и добрался до самого верха... Представьте себе, это яблоня! Генетически измененная, конечно. Зато я нашел несколько яблок на верхних ветвях. Не желаете попробовать вот это?

Варлека с сомнением покрутила в руке карминового цвета плод.

— Модифицированное... Может быть, оно ядовито?

— Исключено, — змей зашевелился, устраиваясь на ветке поудобнее. На спину Варлеку посыпался древесный мусор. — Модифицированные растения безопасны для людей и нагов. Я сам съел одно такое яблоко — и, как видите, жив.

— «Не умрете, но будете, как боги, знать добро и зло» — усмехнулась госпожа Бурлеска. — Ладно, попробую. Надеюсь, оно не червивое.

— Да, весьма символично, — оценил наг. — Женщина и змей под деревом, библейский сюжет. Не хватает только Бога... Кстати, кто-то идет сюда. Судя по звуку шагов, человек пожилой... Наверное, это ваш друг, о котором вы говорили. Не буду его смущать своим присутствием. Сейчас он,

скорее всего, не в том настроении, чтобы общаться с нагами, — проявил он недюжинную для змея проницательность. — Прощайте, Варлека. Было приятно познакомиться с вами. Жаль, что нам так и не удалось поговорить, как следует. Когда все кончится... и если у вас будет настроение... пожалуйста, навестите нашу Оффь. Ей будет приятно. Впрочем, это уж как знаете. Еще раз прощайте. Я тут, с вашего позволения, еще немного поползаю. Как все-таки хорошо жить!

Голова старого нага исчезла. Послышался шорох, треск и хруст маленьких веточек.

Варлека воровато оглянулась, потом быстрым движением обтерла яблоко о балахон, просунула руку под платок и впиалась в него зубами. Яблоко оказалось чуть кисловатым, но сочным.

В аллейке послышались шаги — тяжелые, неторопливые, уверенные.

* * *

— Прошу вас, уважаемая госпожа, — профессор Рейке церемонным жестом распахнул перед ней высокую дверь резного бука. — Вы — единственная радость в нашем скорбном доме...

Варлека переступила порог и с облегчением услышала мягкий масляный лязг замков за спиной.

— Мучения моей несчастной супруги начнутся завтра, — вздохнул профессор, машинально поправляя воротничок. — Этот мерзавец Стояновский... Я просто не знаю, что думать... и как теперь жить дальше.

За прошедшие годы профессор не слишком изменился — все такой же высокий, тощий, аккуратно одетый. Он отпустил усы, которые ему шли. Углубились морщины около носа и в бороде цвета старого железа завелись сивые пряди. Пожалуй, он был красив — той поздней красотой отстоявшейся породы, проявляющейся именно под старость. И он не казался сломенным. Госпожа Бурлеска поймала себя на мысли, что в других обстоятельствах она могла бы отнестись к Альфонсу Рейке благосклоннее, чем в молодости... Но, конечно, не сейчас. Сейчас об этом думать нельзя.

— По закону Гор не имеет права делать... совсем ужасные вещи, — сказала Варлека, осторожно снимая с себя платок. Кондиционированный воздух был холодным и сладким. — При совершении обряда присутствуют наблюдатели. Наг и человек.

— Ну да. Они не дадут ее убить. Или отрезать руку. Но все, что лечит современная медицина, он имеет право делать. А лечат сейчас многое... почти все. И, конечно, он будет мучить мою несчастную Герду. Причинять боль. Много, очень много боли. А потом нам придется растить ребенка этого ублюдка. Я до сих пор не могу поверить...

Варлека опустила глаза — и увидела ноги профессора. Оказывается, он успел переобуться: теперь на нем были разношенные кожаные туфли.

Из-под коротковатых штанин виднелись толстые серые носки — типично стариковские, для тепла. Мимолетная женская симпатия, которую она только что испытала, испарилась без следа, оставив только легкое чувство неловкости.

«Ничего не было», — напомнила себе госпожа Бурлеска, а вслух сказала: — Насколько я помню, Гор был обеспеченным человеком. Вашей супруге полагается наследство... Кстати, как, вы говорите, ее зовут?

Профессор не ответил, только поморщился.

— Можно, я умоюсь? — попросила Варлека. — На улице ужасная жара.

— Конечно, конечно, — заторопился профессор Рейке, — вон там ванная комната, — он махнул вяло рукой куда-то налево. — И переоденьтесь. Эти ужасные покрывала... не могу на них смотреть.

В ванной комнате женщина с наслаждением стянула с себя потный балахон. Приняла ванну, потом надела привезенный с собой легкий халат.

Она смазывала кремом лицо, когда дверь в ванную комнату распахнулась, и профессор Рейке неожиданно сильно и больно схватил ее за руку и заломил так, что она задохнулась от боли.

— Я объявляю эту женщину своей жертвой, — заявил профессор, глядя в зеркало, — и готов совокупиться с ней по обряду нагов.

С той стороны стекла что-то вспыхнуло и зажужжало — видимо, автоматическая камера.

Рейке отпустил руку.

— Сейчас я вызову полицию и наблюдателей, — деловито сообщил он. — Спротивляться и убегать не советую. Во-первых, тебя найдут. Во-вторых, ты меня разозлишь, а это не в твоих интересах.

— Но как же... ведь вапа жена... — пролепетала Варлека, чувствуя, что ее ноги немеют.

— Еще не поняла, сучка? — госпожа Бурлеска спиной почувствовала, что профессор ухмыляется. — У меня нет никакой жены. И никогда не было. Просто мне нужно было заманить тебя сюда, а ты попалась. Я объявил тебя своей жертвой, твое лицо было отчетливо видно, запись уже переправлена в полицию.

Варлека нашла в себе силы повернуться лицом к своему мучителю — и ощутила что-то вроде удара по глазам: на нее был направлен прямой взгляд, полный ненависти, похоти и жестокого злорадства.

— За что? — эти слова она еле выжала из себя.

Рейке оскалился, показав белые фарфоровые зубы.

— Я ненавижу тебя всю жизнь, гадючка, — сказал он почти ласково. — Я хотел, а ты не дала. Помнишь? Ты была маленькой наглой сучкой с упругими дойками. Я хотел тебя, как никого в жизни. Но ты предпочла меня этому мудаку Водичке. Хер у него граненый был, что ли? Ну, это мы еще узнаем. Ты мне все-все расскажешь, все свои маленькие женские секреты. Когда я займусь твоим розовым мяском, мы славно, очень славно

поболтаем. Я изучал технику пыток. Я знаю всякие смешные штучки, тебе понравится...

Женщина почувствовала, что ее ноги немеют, и рухнула на влажный кафель пола.

Очнулась она от пинка под ребра.

Варлека открыла глаза и увидела перед собой на полу розовую бумажку с казенной печатью.

— Ознакомься, лапочка, — раздался сверху насмешливый голос Рейке. — Это из полицейского управления. Наша славная полиция быстро работает. Я отослал им запись, как я объявляю тебя своей жертвой. Твое лицо опознано, твое нахождение в моем доме подтверждено, факт успешного насилия с моей стороны зарегистрирован. Теперь ты моя на три недели. И я уж постараюсь, чтобы они тебе запомнились на всю жизнь. А теперь, девочка, мы поедем в другое место. Там у нас все оборудовано...

Кожаная туфля с силой опустилась ей на голову, и в голове стало темно.

* * *

— Для меня это неожиданность — сказал Рэв. — Я не знал, что мы встретимся здесь, госпожа Бурлеска. Чтобы вы не подумали чего-нибудь лишнего: я просто согласился быть наблюдателем во время обряда. Признаться, мне хочется посмотреть, как это делают люди.

— Не стоит так распинаться, коллега, — осклабился Гор Стояновский. — Люди, кстати, дерьмо. А вы, наги, их сделали еще дерьмовее. Но мне это нравится. Жаль, конечно, что не я буду ее трахать во все дырочки. Я, кстати, подумывал... но не хочу умирать из-за какой-то сучки. А вот посмотреть на все эти дела — это мне по кайфу. Когда проф меня позвал на этот праздник жизни, я чуть не кончил. Как тебе, красотка, не холодно? Давай нагреватель включу. Подвал все-таки. Вдруг простудишь мохнатку и не залетишь. Надо же оставить тебе на память ребеночка...

Обнаженная Варлека лежала, привязанная к железному столу, навзничь, с резиновым кляпом во рту. Руки и ноги были прикованы железными браслетами к кольцам по краям. Рядом стояла каталка, покрытая клеенкой, на которой были разложены инструменты — лезвия, щипцы, еще какие-то гнусные железки. Поблизости, на столике, зловеще поблескивал электрический пульт с кнопками и тумблерами. От него отходили разноцветные провода, заканчивающиеся иглами и зажимами.

Варлека ничего этого не видела: перед ее глазами кружились красные кирпичные своды подвала, гуляющие вокруг единственной болтающейся на длинном шнуре электрической лампочки. По вискам женщины текли слезы.

— А ведь забавно, — продолжал болтать Стояновский, развалившись в кресле наблюдателя, — мы летели сюда одним рейсом. Правда, в соседних отсеках. Я еще хотел взять с собой твою невесту, мужик, — обратился он к нагу. — Кстати, твоя Оффь классно сосет.

Змей тактично промолчал.

Госпожа Бурлеска пошевелилась — не для того, чтобы проверить прочность своих пут, а в надежде пробудиться от кошмара. Она понимала, что происходящее с ней реально, — но умом, а не сердцем. Сердце хотело одного: вырваться, проснуться.

Варлека попыталась повернуть голову, чтобы разглядеть обстановку, и тут же зажмурилась, наткнувшись взглядом на пыточное оборудование.

Профессор Рейке, голый по поясу, собирал одноразовый шприц.

— Очень хорошая штука, — весело сказал он, отламывая кончик у ампулы с желтоватой жидкостью внутри. — Сейчас мы это заколем нашей девочке в пипку. В самое нежное местечко. Почти безвредно — и очень, очень больно. Мне не хочется, чтобы эта сучка получала удовольствие, когда я ей воспользуюсь в первый раз. Пусть лучше она будет орать как резаная. Но интимный комфорт тоже важен. Не хочу елозить по сухому. Гор, дай-ка мне смазочку.

— Без проблем, проф, — Стояновский ухватил тюбик с вагинальным кремом и бросил его профессору.

— Сейчас, сейчас приступим, — бормотал Рейке, откручивая головку тюбика. — Люблю, чтобы все там было мокренькое и узенькое. Мокренькое мы сейчас сделаем, узенькое тоже сделаем... муфточка сама сожмется, когда будем делать бо-бо... Бо-бо мы будем делать нашей девочке... Ой, как нашей девочке будет болюсенько... — он счастливо, по-детски рассмеялся.

Ампула полетела на пол. Профессор раздавил ее туфлей. Стеклашка хрустнула под ногой, рассыпаясь на мелкие осколки.

Госпожа Бурлеска механически отметила про себя, что у нее началось дежа вю: ей стало казаться, что она уже когда-то была здесь, видела эти каменные своды и даже слышала этот противный стеклянный хруст.

— Согласно закону, необходима проверка готовности женщины к зачатию, — церемонно объявил Рэв. — Вы, люди, почему-то склонны об этом забывать.

— Славненько, — бормотал профессор, стаскивая с себя брюки. — Хо-хо! — брюки полетели на пол.

Варлека невольно покосилась — и увидела боковым зрением тощие ноги и круп с обвисшими мешочками ягодиц, обтянутый спортивными трусиками морковного цвета.

— Необходима проверка готовности к зачатию, — еще раз напомнил Рэв. — Как наблюдатель за обрядом, я настаиваю...

— Так проверяй, чего ждешь, — махнул рукой Рейке, спуская трусы.

Рэв прополз по полу и поднялся над столом. Его тяжелая голова висела над незащищенным лоном женщины.

Варлека почувствовала осторожное прикосновение змеиного рыла и сжалась. Но язык нага с силой раздвинул вход в ее тело и, преодолевая сопротивление, погрузился внутрь.

— Я чувствую запах и вкус созревшей яйцеклетки, — доложилась змей. — Вероятность зачатия достаточно высока. Можно начинать гон.

— Еще виагры... — цедил сквозь зубы профессор, дрожащими пальцами разрывая упаковку таблеток. — Мне нужно, чтобы как камень стоял. У меня всего три недели, чтобы как следует обработать эту сучку. Не тратить зря ни минуточки...

— Кстати, — напомнил змей, — я так и не получил полицейского разрешения на исполнение функций наблюдателя за обрядом. Вы утверждали, что это вопрос времени. Но гон уже начался, а разрешения нет.

— Небось, полицейские бюрократы не почесались вовремя, — пропыхтел Стояновский, с жадностью разглядывая распятое на столе женское тело. — Не беспокойся, приятель.

— Я вынужден остановить начало обряда до получения разрешения, — заявил змей.

— Мне некогда возиться с бюрократическими закорючками! — закричал Рейке. — Гор, ты получил это гребаное разрешение?

— Угу, — подтвердил Стояновский.

— Ну, вот и порядок, — сделал вывод профессор, направляясь к столу.

Варлека почувствовала, как холодный палец дотрагивается до ее тела, движется вдоль аккуратно выстриженной вдоль живота шерстке, тербит незащитные губки. Потом была резкая боль от грубо всаженной иглы, и тут же началось жжение. В ее тело толчками вливалась боль — огромная, красная, страшная.

Тело женщины выгнулось, сотрясаясь в судороге.

— Кстати, — донеслось до нее откуда-то издаലെка, — кажется, говорил Гор, — не забудь ей вколоть противошоковое. А то мало ли, привянет. Все удовольствие насмарку.

Рейке выдернул иглу. Через мгновение косматый клубок боли разорвался внизу живота — так, что перед глазами истязуемой женщины пошли крути. Сквозь кляп пробилось глухое мычание — то, что осталось от вопля, рвущего легкие.

На мгновение показалось, что она видит себя со стороны: белое, обнаженное, беспомощное тело, похожее на замороженное рыбное филе.

— Хорошо, хорошо пробирает, красавица ты моя, умница, — Альфонс оскалился, — сейчас биться будешь, золотце. Главное, чтобы не задышалась, это нам пока ни к чему... ой как хорошо, хорошо-то как... — он опустил руку, чтобы потеревить свое вялое мужское достоинство. — Гор, заколи ей в сиськи. Только не порви дольки, пусть каждую отдельно разъедает, так вкуснее. Сосочки пока не трогай, ими сам займусь...

— Их клещиками раздавливать хорошо, — Стояновский цокнул языком, — особенно если чуть ниже пимпочки прихватывать...

— Наблюдатель не имеет права вмешиваться в гон, разве что для защиты жизни и здоровья женщины, — заявил наг.

— Формализм, — пробурчал Гор, — однако с места не двинулся.

Боль догрызлась до живота Варлеки и начала хозяйничать среди кишок. Это было ужасно — казалось, что сквозь плоть пробирается какая-то тварь — крыса или змея.

Женщина снова попыталась закричать, но не смогла.

— Зажми ей нос, — посоветовал Стояновский. — У нее шары на лоб выкатятся.

— Вот сейчас мы помажемся и будем тебя пробовать... — бормотал голый профессор, натирая свою вялую плоть кремом. — Сейчас, сейчас, моя крошечная, я тебя вставляю, — он по-лягушачьи задрал тощую ногу, пытаясь вскарабкаться на стол.

— Мне очень не нравится отсутствие разрешения. Я разберусь с этим самостоятельно, — Рэв решительно отполз от стола.

— Хватит ломать комедию, — сказал Стояновский.

— Стой! — взвизгнула профессор, опуская ногу. — Не сейчас!

— Ничего, — ухмыльнулся Гор, — потом все поправим. Вычищу из базы этого парнишку, как и не было его.

В толстой волосатой руке сверкнул металл. Хлопнул выстрел, и в серебряном боку змея образовалось отверстие, похожее на птичий глаз.

Рэв, шипя, свился в клубок и перекатился под защиту стены.

— Добей дурака, только быстро, — сказал профессор, — и займемся этой шлюхой по-настоящему.

В эту секунду дверь в подвал, сорванная с петель, с грохотом полетела вниз. Застучали сапоги.

Варлека не могла оторвать глаз от того, как Гор Стояновский медленно оседает под пулями.

* * *

— Для меня это и в самом деле неожиданность, — сказал Рэв. — Чтобы вы не подумали чего-нибудь лишнего, операция была санкционирована земными властями.

Полицейский участок выглядел как самый обычный офис: жалюзи на окнах, стеллажи до потолка, забитые разноцветными папками с бумажными наклейками, серые казенные столы, компьютеры и прочая канцелярская хрень. Кондиционера не было. Вместо него к столу был придвинут вентилятор, лениво жужжащий в спертom воздухе.

Варлека полулежала в глубоком кресле, прикрытая простыней. Рядом на столе лежал пустой шприц, ампулы с противоядием и обезболивающим и окровавленная ватка.

— Вам все еще больно? — заботливо спросил наг. — Этот негодяй вколол вам очень сильное средство. Может, еще анестетик?

— Хватит, — госпожа Бурлеска нашла в себе силы растянуть губы в улыбке. — Вам больше досталось. Вы ранены.

— Это моя работа, — дипломатично заметил Рэв, осторожно устраиваясь на полу так, чтобы не сбить повязку. — Как я уже говорил, я определяю правомерность действий. В переводе на ваши представления, я — страж правопорядка. Комиссар полиции, если угодно.

— Наверное, на Шссунхе это редкая профессия, — сказала Варлека.

— Очень редкая. У нас практически не бывает преступлений. Что касается меня, я занимаюсь иными планетами. Когда меня попросили помочь расследовать дело на Земле, я, разумеется, сразу же согласился. Во-первых, как террафил: я люблю Землю и людей. Во-вторых, речь шла о злоупотреблении шшунхскими обычаями в преступных целях, а это ужасно...

— Почему Стояновский начал стрелять? — спросила госпожа Бурлеска. — Они же не делали ничего незаконного, — последнее слово она произнесла с отвращением.

— Все их жертвы так думали, — печально ответил наг. — Эти два мерзавца были... как вы это называете... маньяки. Им нравилось мучить женщин. Но им не хотелось умирать после этого. Они придумали хитрость. Профессор Рейке заманивал к себе женщину, потом подавал на нее заявку от своего имени и получал разрешение. Господин Стояновский, работая в полиции и имея доступ к базам данных, изобрел остроумный способ вмешательства в полицейскую базу по таким делам. Не буду утомлять вас деталями. Короче говоря, он заменял в ней данные на заявителя.

— Зачем? — Варлека все еще не понимала.

— Ну как же, — змей осторожно пошевелился. — Получалось, что заявка сделана от имени другого человека. Не профессора Рейке, а кого-то еще.

— Бессмыслица какая-то, — начала соображать Варлека. — Наблюдатели должны присутствовать при обряде и докладывать в полицию, что ничего выходящего за рамки закона не происходит. К тому же они должны засвидетельствовать смерть мучителя, не так ли?

— Все правильно. Но одним из наблюдателей обычно был Стояновский. А второй, как правило, ничего не подозревал до самого конца. Дальше его вызывали в полицию и принуждали засвидетельствовать успешную казнь истязателя...

— То есть, как принуждали? — Варлека прикусила язык, сообразив, что вопрос глупый.

— Попытками, — все же ответил наг. — Потом убивали, а Стояновский объяснял полиции, что коллега срочно отбыл — куда-нибудь за пределы Солнечной системы. Полиция заочно штрафовала уехавшего свидетеля за несоблюдение формальностей, и на этом все заканчивалось.

— А как же тот человек, на которого переписывали заявку?

— Они убивали его тоже.

— На кого была переписана я? В качестве жертвы? — у Варлеку перехватило дыхание: ей пришла в голову догадка достаточно отвратительная, чтобы оказаться правдоподобной.

— На некоего Густава Водичку. Вы его знали? Кстати, они перевезли вас в его дом.

— Да, я знала его, — прошептала Варлека, запоздало соображая, почему подвал показался ей знакомым. — Что они с ним сделали?

— Убили. Позвольте мне умолчать о деталях. Кажется, этот Рейке за что-то его ненавидел. Отвратительные извращения, — позволил себе наг моральную оценку.

— Сколько у них было... скольких они? — спросила Варлека.

— Мы еще не знаем всех. Самой первой была некая Августа Торранс. Они ее... давайте без подробностей. Без подробностей. Подробностей. Подробностей, — зачастил почему-то змей, его тело стало вытягиваться и расплываться.

Мир как-то странно перекосялся и перед глазами Варлеки все поплыло. На секунду ей показалось, что она видит красные своды, но все затянуло слезами.

Внизу живота проснулась боль. Она шевелилась внутри тела, как бы раздумывая — улечься спать или снова попытаться вырваться наружу.

— Сделай погорячее, — услышала она, прежде чем провалиться в беспамятство.

II. ДЕНЬ: ВТОРНИК

Варлека Бурлеска очнулась от жары. Ее тело плавало в потной луже. На реснице висела капля пота и она попыталась ее стереть. Но поднять руку не получилось: что-то мешало.

— Ос-сторожнее, — просвистело над ухом. — Вы еще слишком с-слабы, чтобы двигаться.

Женщина с трудом разлепила один глаз, но ничего не увидела: перед глазами плыл какой-то туман.

— Где я? — попыталась спросить она, но из горла вышло только глухое шипение. Тем не менее, невидимая собеседница поняла.

— В гос-спитале. Меня з-зовут Оффь, я нагиня. Вы были очень с-серьез-зно больны, но с-сейчас-с опас-снос-сти нет. Вы что-нибудь помните?

— Смочите ей рот, — распорядился другой голос: низкий, мужской. — И понизьте немного температуру в камере. Этак вы ее заживо сварите.

Во рту Варлеки оказалась прохладная влажная губка. Женщина с благодарностью сжала ее зубами, высасывая капли драгоценной влаги.

— Теперь вы можете говорить? — это был снова мужчина. Голос был немолодой, но сильный и приятный. Варлека где-то его слышала, но не могла вспомнить где.

— Да... — она мучительно соображала: надо было сказать что-то важное. Наконец, она вспомнила. — Меня пытали... Стояновский... — она попыталась изменить положение тела, но не смогла.

— Ус-покойтес-сь, это прос-сто галлюцинации, — ласково зашелестел голос нагини. — Вы ничего не помните? С-совс-сем? Я хотела вам с-сказ-зять, что в с-суде предс-ставители нагов нас-таивают на ус-словном приговоре...

— Какой суд? Над кем? — не поняла госпожа Бурлеска.

— Прос-тите, я с-скажу неприятное... С-суд над вами, Ванес-са, — голос нагини дрогнул. — Вы с-стреляли в с-своего любовника, Гора С-стояновс-ского, и ранили нага Рэва, его... его друга. Когда вы уз-знали, что он з-зараз-зил вас-с пшунхс-ским червем... — в голосе змейки послышалось осуждение. — Помните?

— Бред, бред, — прошептала Варлека, пытаясь отогнать черные видения, поднявшиеся из глубин памяти.

Вот Гор дает ей опасную бритву и требует, чтобы она резала ему спину во время каждого оргазма. Лужа крови, в которой они плавают. Раздвоенный язык, слизывающий кровь. Наг обвивается вокруг ее тела толстой упругой лентой, она пытается вырваться, но не может, и кольца свиваются все туже, сжимают все крепче... а Гор порет ее плетью, потом засовывает рукоятку ей внутрь... или это уже не рукоятка, а зменный хвост? Царапины, порезы, укусы. Наконец, главное: острый, как бритва, костяной полумесяц, сияюще белый. Он пронзает ее выгибающееся от боли тело, крик, лезвие становится красным... Красные своды подвала. Subspace. Наслаждение, которое недостижимо без боли. Червяки в голове растут и требуют корма...

Червяки в голове. А теперь и в теле.

— Вы заразились редкой инопланетной хворью, госпожа Бурлеска, — мужской голос отзвывался коротким эхом, как из бочки. — Такое заражение считалось практически невозможным. Потому что для этого требуется очень тесный физический контакт с аборигентом Шссунха. Ваш любовник использовал своего знакомого нага по имени Рэв как участника ваших постельных забав. Наги не знают, что такое секс, но Гор объяснил ему... Лечиться придется еще долго, но вы будете жить. В отличие от Гора Стояновского.

— Что с ним? — голос женщины стал чуть увереннее.

— Со Стояновским? Вы всадили в него четыре пули. И ранили нага. Это было напрасно. Он все равно не стал бы жить дальше. После того, как ситуация прояснилась окончательно, он покончил с собой. То есть попросил, чтобы его жизнь прервали, у них это принято.

— Я это с-сделала с-сама, — печально просвистела змейка. — Ведь я его з-знала с-с детс-ства. Он был помощником владычицы нашего гнез-зда. Когда была маленькая, он учил меня говорить.

— Я помню, — прошептала Варлека. — Но почему?

— Он принимал участие в грязных извращениях и к тому же стал причиной вашей болезни. Наги в этом отношении очень щепетильны, — пояснил все тот же мужской голос. — Теперь вы вспомнили?

— Я... да... что-то такое, — прохрипела женщина. — У меня, кажется, провалы в памяти.

— Ничего страшного, — мужской голос стал снисходительным. — Кстати, Варлека, вы помните меня? Я профессор Рейке. Альфонс Рейке. Ваш старый, очень старый друг. Помните?

— Дайте еще воды, — попросила госпожа Бурлеска. — Воды... Воды! Жара стала нестерпимой и она закричала.

* * *

— Приходит в себя, — прозвенел в ухе крошечный дюймовочкин голосок.

Женщина разлепила непослушные веки и увидела топорщащийся край накрахмаленной простыни.

Ей было хорошо. Восхитительная прохлада ласкала ее измученное жаром тело.

— Где я? Это больница? — прошептала женщина.

— Да, это госпиталь Перси, под Парижем. Вы здесь уже три недели, — ткнулся ей в уши сильный, с хрипотцой, женский голос.

— Мне говорили... Полиция... Госпиталь. — Варлека попыталась улыбнуться.

— Она бредит, — зазвенело где-то на краю сознания.

— Вряд ли вы что-то помните. Когда вас привезли сюда, у вас были галлюцинации...

— Это бред, — донесся другой голос, совсем тонкий, комариный.

— Я хочу знать, что со мной, — Варлека попыталась говорить громче, но сил не было. — Я больна? Вы говорили, что я заразилась от гадов шссу... — губы не хотели складываться. — Шссухским червем. Что это? Эти черви смертельны? Я буду жить?

— Это бред, Варлека. Никаких червей нет. Вы стали жертвой негодяев, которые вас похитили и хотели убить. Вас вовремя нашли и освободили.

— Что со мной сделали?

— Одурманили. И потом держали в бессознательном состоянии.

— Зачем?

— Это, конечно, ужасно, — в женском голосе послышалось нечто вроде намека на сочувствие, — но вас хотели свести с ума. Сделать сумасшедшей, понимаете? Им это почти удалось.

Больная чуть приподнялась на локте, но все тут же поплыло перед глазами, и она бессильно упала на простыню.

Тонюсенький голосочек за пределами видимости что-то пикикнул раз другой и затих.

— Это сделала Августа Торанс, — продолжала невидимая собеседница. — Когда-то вы были подругами. Она вас ненавидела. За то, что ее муж, профессор Рейке, изменил ей с вами. Помните?

— Нет, — выдохнула женщина. — А разве она жива?

— Насколько нам сейчас известно, — снова вмешался мужской голос, — вы не были инициатором этих отношений. Но ваш постоянный любовник, некий Гор Стояновский, увлекался тематическими играми. Иногда он приводил других мужчин, для остроты ощущений... Однажды профессор оказался в вашей постели, так?

— Не помню, — она сообразила, что голос мог принадлежать полицейскому, и решила на всякий случай ни в чем не признаваться.

— На вас он не произвел особенного впечатления, — продолжал мужчина, — но вы с ним все же встречались какое-то время. Потом расстались. И при расставании наговорили лишнего. Он пошел домой и признался жене во всем. Для нее это была трагедия: она верила мужу, для нее доверие было очень важно. Ее жизнь была разрушена. Она хотела убить вас, но решила, что этого будет недостаточно. Тогда она придумала этот план. Вы помните, что Августа по профессии биохимик?

— Биохимик, — повторила женщина, натягивая на себя простыню: ей сделалось совсем холодно.

— Уже все, — пропищала дюймовочка в ухе.

— Вот именно. Она выманила вас из дома — якобы, чтобы поговорить. Вы встретились в парке. Она дала вам яблоко. Помните яблоко?

— Помню. Красное яблоко. Еще что-то про Еву и змея... «Будете как боги знать добро и зло»...

— В вашем случае это была другая сказка, — продолжал голос. — Ведьма дала падчерице румяное яблочко, в котором был ядовитый червяк. Белоснежка откусила кусочек с червяком и уснула. Августа сделала что-то вроде этого. Мы до сих пор не можем разобраться с тем, что она туда наметала. Вы попробовали этого угощения и, что называется, вырубались. Отключились. Потеряли сознание. Потом они перевезли ваше тело в подвал...

— Кто они? — выдохнула несчастная последние в своей жизни слова.

— Августа Торранс и ее сообщник, — сказал мужской голос. — Профессор Рейке. Она заставила своего супруга, угрожая разводом... Угрожая разводом... Угрожая разводом... Угрожая разводом... Разводом... Разводом... Взводем... Зводом... 3-з... — зудение залило уши.

Она падала куда-то вниз. Очень, очень глубоко вниз.

Внизу не было ничего.

III. ВРЕМЯ: ДЕСЯТЬ БЕЗ ДЕСЯТИ

Госпожа Бурлеска спустила рукава легкого свитера на кисти рук, но они все равно мерзли. В морге работали во всю мощь холодильные камеры.

— Вот, — сказал полицейский эксперт, собственноручно выкатывая из недр огромного железного шкафа металлический пенал. — Это она.

Внутри лежало тело старухи — изможденное, с пожелтевшей кожей и торчащими костными мослами. На лице и руках кожа была черной, пропеченной, со следами ожогов.

— Узнаете? — спросил второй полицейский, в синей форме инспектора, с простым лицом, как-то очень подходящим к этой форме, словно он в ней родился.

— Да, — ответила госпожа Бурлеска. — Это Августа Торанс. Я хорошо ее знаю. Мы были подругами, — пояснила она.

— Но вы поссорились? — полицейский зачем-то заглянул в железный ящик, как будто там мог лежать ответ на вопрос.

— Вообще-то нет. Мы просто перестали общаться. Видите ли, я вышла замуж за Альфонса Рейке, ее бывшего мужа. Она не смогла мне этого простить. Я не считаю себя виновной в чем бы то ни было, — добавила она. — Мы с Альфонсом любили друг друга, Августа была лишней. Она должна была принять реальность. Вместо этого она решила ее игнорировать.

— Вы хоть знали, что с ней происходит? — не отставал полицейский.

— Это нужно для расследования? — поинтересовалась Варлека. — Вообще-то вы не имеете права меня допрашивать. Вы не следователь.

— Ну да, ну да, — полицейский сбавил тон, — но, как бы это сказать... Дело, прямо скажем, деликатное. И запутанное. Я все равно буду принимать участие в следствии. Сидеть, задавать вопросы. Много вопросов. Вы от меня еще устанете, — криво ухмыльнулся он. — Так что давайте какие-то вещи проговорим сейчас. А я вам расскажу кое-что из того, что сам знаю. Облегчим себе жизнь?

— Что ж, если так... — Варлека откинула со лба беленую прядь. — Я была уверена, что у Августы неладно с головой. Профессор Рейке поступил очень благородно, оставив ей часть своего состояния и дом. Она в нем и жила, ничего не делая и постепенно теряя адекватность. Кажется, у нее не было мужчины, вообще никого не было. Последний раз, когда я у нее была, она производила впечатление сумасшедшей. Она долго не хотела меня впускать, а когда впустила, то десять минут держала в прихожей. Потом она рассказывала о пришельцах из космоса, которые ее преследуют и хотят от нее чего-то ужасного... Больше я с ней не общалась.

— И вы в психушку не стук... — полицейский прикусил язык. — В смысле, вы никуда не обращались с этой информацией?

— Нет. Зачем? Я не обязана это делать. Каждый живет так, как сам хочет и как он того заслуживает, не так ли?

— А зря, — задумчиво сказал полицейский. — Вы подверглись серьезной опасности. — Он задумался, явно выбирая выражения. — Эта сумасшедшая считала, что виновница всех ее несчастий — вы. Она даже разработала план мести. Собиралась вас отравить.

— Вот как? Отравить? — Варлека чуть улыбнулась, как будто эта идея показалась ей забавной.

— Да. Не насмерть, а как бы... — полицейский опять задумался, вспоминая нужные слова. — Одурманить и подчинить. Точно. А потом попытаться до смерти.

— Какой ужас, — без интереса сказала госпожа Бурлеска. — А откуда это известно?

— Когда наши рылись в ее доме, нашли ее дневник. Личные записи. Она их держала в своей лаборатории, в подвале. По долгу службы, — подчеркнул инспектор, — мне пришлось с ними ознакомиться. Ужас какой-то. Она медленно съезжала с катушек, и сама не врубалась, что с ней творится. Фантазии всякие, мазохизм, порно... то есть непристойные сцены... в общем, всего хватало. Даже какие-то существа из космоса. Хотя если бы это писал какой-нибудь типчик из модных литераторов, мог бы запросто отхватить Гонкуровскую премию, — неуклюже пошутил он.

— Августа всегда была помешана на сексе, — пожал плечами Варлека. — Но ей не везло. Она была уродливая... я хочу сказать, она не привлекала мужчин, — подобрала она слово повежливее. — Кстати, вы не могли бы закрыть этот ящик, — она показала взглядом на тело. — Вообще, здесь не очень уютно. Надеюсь, опознание закончено?

— Да, конечно, — полицейский с грохотом навалился на железный пенал и задвинул его обратно. — Короче говоря, госпожа Августа Торранс экспериментировала со всякой химией, не имея необходимого оборудования и не соблюдая всех норм безопасности. Тем самым подвергая себя действию этих веществ. Что, так сказать, усугубляло ее душевное состояние... Э-э, дамочка, здесь курить нельзя!

Варлека, не обращая внимания на инспектора, достала из пачки тонкую длинную сигарету.

— Здесь нельзя курить, — повторил мужчина.

— Почему? — поинтересовалась госпожа Бурлеска и щелкнула зажигалкой. — Вы уверены? От кого исходит запрещение, кстати?

— М-м-м... Я ни разу не видел, чтобы здесь курили, — пробурчал ее собеседник.

— Значит, можно, — констатировала женщина и с наслаждением затянулась. — Да вы продолжайте, — разрешила она. — Итак, моя подруга собиралась меня отравить. Очень интересно.

— Яблоком, — полицейский улыбнулся. — Именно яблоком. Она в дневнике про это написала. Но вам повезло, а ей не очень. Ваша Августа сварганила какую-то адскую смесь психоактивных препаратов, галлюциногенов, еще какого-то дерьма... простите, я в этом совсем не разбираюсь. Колба со смесью лопнула. Надо думать, от неудачного нагрева. Она работала в прорезиненном балахоне, маске и перчатках — на это у нее все-таки шариков хватало. Но колба хреново лопнула, в самый тот момент, когда эта баба ее с огня снимала. Стекло разлетелось, порвало перчатки, ну, и полетело на кожу, порезало ей руки. А вещества попали в кровь... Дальше сами

понимаете, что было. У нее в голове все заглохло, она вообще перестала соображать, чего и как. У нее хватило сил отползти от стола. Только вот фигня такая: она поползла в угол, а там стоял нагреватель. Тут она совсем отрубилась. И несколько дней лежала под этой штукой, медленно поджариваясь. Прикиньте, каково ей было. У нее в голове, небось, такой бульон сварился...

— Ужасно, — сказала Варлека, стряхивая на пол пепел. Инспектор с неодобрением посмотрел на нее, но промолчал.

Толстый эксперт повернулся, обвислая щека колыхнулась.

— Вот еще что. Когда мы ее доставили сюда, она несколько раз приходила в сознание. И еще чаще бредила. Так вот, она называла себя вашим именем. Похоже, она воображала себя Варлекой Бурлеской. То есть она считала, что она — это вы. Понимаете? Она пыталась рассказать, что ее хотела убить Августа Торанс вместе с профессором Рейке. Иногда, впрочем, Августа у нее становилась жертвой — то ли прищельцев, то ли маньяков... Наши психологи говорят, что такое отождествление означало ее подсознательное желание убить себя.

— Наверное, — пожала плечами женщина. — Значит, она получила то, чего хотела. Я не пойму другого: зачем вы рассказываете это мне, да еще и здесь? Неужели нельзя было найти более подходящего места?

— Ну и ладно. Извините, мне пора, — эксперт направился к выходу. Варлека устремила за ним.

— Подождите-подождите, — вмешался полицейский, — тут вот что... Строго говоря, мы не должны вам об этом говорить, но вы и без меня скоро все узнаете. Августа Торанс завещание оставила. Нотариально заверенное. Когда она была еще в здравом уме. Короче, вы являетесь ее единственной наследницей. Она жила скромно, так что на счетах осталась кругленькая сумма. А также дом. Что скажете?

— Это мое дело, а не ваше, — заметила Варлека, останавливаясь. — Но я подумаю, принимать это наследство или нет. Посоветуюсь с мужем, конечно. В конце концов, это его дом.

— Деньги — лучшие друзья девушки, так? — не удержался полицейский.

Дверь захлопнулась. Гулкое эхо прокатилось под сводами морга.

— Вы пытаетесь оказать на меня психологическое давление? — госпожа Бурлеска посмотрела на полицейского с брезгливым любопытством, как на вуайериста в общественном парке. — Я — жертва грязной истории, о которой мне хотелось бы как можно скорее забыть. Как именно я распоряжусь принадлежащими мне средствами — не ваша забота. А теперь я хотела бы покинуть это помещение, господин э-э-э... как вас там зовут?

— Стояновский. Гор Стояновский, — полицейский неприятно улыбнулся. — Кстати, я бы на вашем месте не стал бы торопиться. Теперь, когда нет посторонних...

Варлека широко открыла глаза, одновременно кладя руку на сумочку.

— Ну, так давай, — усмехнулся полицейский. — Я знаю, что у тебя там пестик. А у меня ничегошеньки с собой нет. Давай, сучка, спасай свою шкурку.

Госпожа Бурлеска натренированным движением выхватила маленький дамский пистолетик, и, не сводя кургузого дула с полицейского, стала отступать к двери.

— Ай-яй-яй, — полицейский откровенно наслаждался ситуацией. — На меня наставлена пушка. Рэв, дружище, покажись даме...

Ног Варлеки коснулось что-то холодное и скользкое. Она невольно посмотрела вниз и закричала — пронзительно и страшно, как кричат насмерть перепуганные женщины.

Возле бедер Варлеки поднялась треугольная голова с холодными немигающими глазами.

— Сделай любезность, мон шер ами, кусни ее за самый низ, — попросил Гор. — И ядку не пожалей.

Последнее, что она успела услышать по эту сторону жизни — сухой электрический треск: острые белые зубы рвали ее колготки.

* * *

Рэв и Стояновский молча смотрели на скрюченное тело Варлеки Бурлески. Тонкая рука с накладными ногтями последний раз проскребла по грязному линолеуму и замерла.

— Все, — наконец, сказал наг.

— Неприятная смерть, — констатировал Стояновский. — Я, наверное, предпочел бы пистолет. Может быть, я им и воспользуюсь. Если ты, конечно, не передумашь, — с кривой усмешкой добавил он.

— Зачем нужно было убивать эту женщину? — поинтересовался наг. — Насколько я понимаю, она готова была поверить в твою версию.

— Сука, — коротко ответил Гор.

— В таком случае, зачем ты так долго с ней разговаривал?

— Ну... Я, в общем-то, сначала думал ее отпустить живой. Августа, дура набитая, и впрямь считала эту стервозу себе подружкой. И завещала ей свое барахлишко. Я думал озвучить нашу официальную версию событий и отпустить бабенку. Дом и деньги Августы замазали бы ей ротик навсегда. Но когда эта слизь даже не потрудилась сделать вид, что ей немножечко неловко!

— Ты ей сказал, что Августа собиралась убить ее, — сказал наг.

— Я сказал, что она свихнулась после того, как у нее увели мужа.

— Это неправда, — заметил наг. — Неадекватные реакции Августы Торанс были связаны с первой стадией заражения пссунхским червем, когда зараженный еще находится в сознании, но уже не может бороться с видениями...

— И эта дрянь даже не попыталась ей помочь.

— Насколько я знаю земные законы, за это не полагается смертной казни, — заметил наг.

— Не полагается. Это просто подлость. Но мне все равно. Ты хорошо ее цапнул. Мне было приятно.

— Я раскаиваюсь, — серьезно заявил наг. — Я совершил недостойное деяние, пойдя на поводу у твоих извращенных желаний.

— Раскаивайся сколько хочешь, мне-то что... Кстати, ты говорил, что убивать у вас считается извращением? Ты не слишком мучаешься?

— Я? Нет. Убийство нага нагом отвратительно. Но охотиться на существ другого вида можно. Особенно на теплокровных.

— Вот, значит, как... И все-таки. Может быть, ты еще подумаешь немного? Наши расы, в общем-то, совместимы. То, что видела Августа в нашем общем будущем, это, конечно, не очень гламурно... Но к этому тоже можно привыкнуть. К тому же можно заранее принять меры. Не соглашаться распространять пшунхские законы на людей так прямо. Можно ведь что-то придумать.

— Нельзя, — печально сказал наг. — Если она видела это, значит, так оно и будет.

— Н-да... Что это все-таки такое — пшунхский червь? — Гор напряженно рассматривал тело Варлеки. — Как он вообще действует?

— Я же тебе говорил: мы не знаем, — наг вытянулся на полу длинной сверкающей полосой. — Это очень древний симбионт. Он живет в наших телах. Известно, что вещества, выделяемые червем, стимулируют клетки коры головного мозга, повышают интеллектуальные способности, и так далее. Наши достижения, которыми ты так восхищаешься, связаны именно с этим...

— Знаю, знаю, не парь мне мозги. Откуда эта мистическая фигня про будущее?

— Очень редко, — наг уложил свое тело широким полукольцом, — с червями что-то происходит и они начинают пожирать тело носителя. Однако больные ткани начинают выделять что-то такое, что позволяет видеть будущее. Мы не знаем, что это. Но это работает.

— Кстати, а если у людей все не так? Может быть, это самые обычные глюки, без всякого ясновидения?

— Нет, ошибки быть не может. Августа видела наиболее вероятное будущее. Которое наступит через девять лет. Судя по ясности и отчетливости ее видений, в случае нашего открытого появления на Земле оно почти неизбежно.

— Черт, дьявол! Ты так и не объяснил мне, почему вы уходите. Неужели из-за этой идиотской фигни с законодательством и садистами? В конце концов, от этого пострадают только люди, а не вы.

— Нет, я не про то. Я увидел у вашей расы скрытый порок, который представляется мне неисправимым.

— Ты про садо-мазо? Таких, как я, немного, и они ни на что не влияют. Ну, будет их больше. И что?

— Это всего лишь частный случай. Просто случилось так, что древний шссунхский обычай наложился на извращенную человеческую похоть. Я про общий принцип. У вас есть талант приспосабливать все что угодно для удовлетворения низких желаний. Вы можете научить использовать для этого даже нас, нагов. Например, в нас есть остатки охотничьего инстинкта. Нам нравится сжимать в объятиях что-то теплое. Помните, чем это кончится — там, в будущем? Этим, как его... почесыванием... посасыванием... А что будет дальше? Вы найдете способ нас развратить. Мы этого не хотим. Все.

— Этого еще не было! — закричал Гор. — И это можно... ну, я не знаю. Запретить. Высмеять. Мало ли что. Напрягите свои замечательные извилины...

— Это уже было, — наг склонил голову. — Ты же помнишь, каким способом мы заразили Августу шспунхским червем. Нужен был очень тесный физический контакт. Я участвовал в тех гадостях, что ты с ней тогда делал. И мне... и мне это иногда нравилось, — последние слова он произнес очень тихо.

— Чертов ханжа. Извини, это я так. Скажи, а почему Августа в своих видениях воображала себя этой Бурлеской, а не собой?

— Она не должна была дожить до того времени. Помнишь? В самом начале бреда Варлека вспоминала про свою бывшую подругу Августу, которую поймал в ванной комнате какой-то маньяк и долго издевался? Потом она быстро умерла... Так вот, это была ее собственная участь. А Варлека должна была дожить. Но тоже попасться насильникам. Конечно, не тебе с Альфонсом. Другим. Просто Августа их не знала, а поэтому ее подсознание спроецировало их образы на любовника и бывшего мужа.

— Ну да, глюк не телевизор, — пробормотал Гор, — его так просто не переключишь... Кстати, эта ваша девочка, Оффь, ты и в самом деле собираешься ее огулять?

— Раньше я об этом не думал, — признался наг, — она просто моя помощница. Но видения Августы навели меня на мысль, что Оффь и в самом деле может стать хорошей матерью для моего потомства. Пусть только подрастет. Сейчас она еще совсем выполозок, а через девять лет она будет готова к зачатию... А я, наверное, буду готов к завершению жизни.

— Н-да. Бедная девочка, — пробормотал человек.

— Мне пора, — сказал наг. — Прощай.

— Подожди. Что вы сделаете с Землей?

— Скорее всего, изолируем. После моего доклада решение будет утверждено на Шссунхе. У нас есть защитное поле, которым можно покрывать целые системы. Что-то вроде кокона, препятствующего преодолению пространства. Вы не должны покидать свою звездную систему. Никогда.

— Очень жаль, дружище, но никакого доклада ты не сделаешь, — сказал Гор и выдвинул еще один ящик.

Тонкая серебристая дуга просверкала в воздухе и упала рядом со змеем.

Несколько бесконечно долгих секунд два нага, свившиеся в клубок, бились на полу. Потом тяжелое тело Рэва осело. По нему волной прошло несколько судорог, пару раз дернулся хвост.

— Я вс-се-таки убила его, — грустно сказала Оффь.

Змейка была совсем юной, не созревшей. Она лежала на полу, коротенькая, как серебряная сабля.

— Быстро управилась, — одобрил Стояновский.

— Он почти не с-сопротивлялс-ся. Нагу очень трудно убить нага, ос-особенно с-самку. А с-самка может убить с-самца, ос-особенно если нас-строитс-ся... Но мне его жаль. Он был помощником владычицы нашего гнез-зда. Когда я была маленькая, он учил меня говорить.

— Ну да. А теперь он намылился тебя замучить до полусмерти и потом трахнуть, — ехидно сказал Стояновский. — Чтобы ты окотилась его змеенышами.

— Не говори так, — змейка была печальна, — он имеет на это право, ведь это же з-законно. Мы так раз-змножаемс-ся. А я — прес-ступница. Я уклонилас-сь от долга...

—...ради удовольствий, — добавил Гор. — Довольно невинных, кстати. Всего лишь извращенный охотничий инстинкт. Проще говоря, ты любишь обниматься и гладиться. Еще ты отлично делаешь минет. Но тебе же это нравится, да? Тебе вообще нравится Земля? И тебе ведь не хочется отдавать свое тело самцу, который будет тебя мучить, пока ты от боли не чокнешься — и, может быть, станешь способной к зачатию. А этот гад распалится, проткнет тебе пузо своим крючком и оплодотворит. Потом ты его прикончишь... Веселуха-то какая, оборжаться можно!

— Ес-сли я не с-делаю этого когда-нибудь, у меня никогда не будет потомс-тва, — сказала Оффь, сворачиваясь колючком.

— Ну и что? — засмеялся Стояновский. — У меня его тоже нет. И, наверное, не будет. Вот еще, спиногрызов плодить. Я же по этому поводу не рыдаю?

— Это... из-за меня? — голос змейки предательски дрогнул.

— Из-за тебя тоже, лапочка моя, — успокаивающе сказал Гор. — Кстати, тебе не холодно на полу? Не хочешь погреться?

— Ты же з-знаешь, я вс-егда хочу тебя, — прошептала Оффь, разворачивая гибкое тело. — Тебе с-сделать твоё удовольс-ствие? Blowjob?

— Не сейчас, дорогуша, — буркнул Гор. — Ты классно сосешь, но мне еще нужно прибраться. Куда-то этого твоего дружка девать, — он неодоб-рительно покосился на Рэва.

— Не наз-ывай его так! — змейка издала странный горловой звук, подозрительно напоминающий капризный всхлип.

— Еще тут бабских сцен мне не хватало, — вздохнул Гор и стал осматриваться. — А сторож взял нага на па-алку и выбросил нага на сва-алку... Черт, какая еще палка, он здоровенный... Милая, что вообще делают с мертвыми нагами?

IV. МЕСТО: РОДОС

— И что же делают с мертвыми нагами? — спросил профессор Альфонс Рейке, придвигая к себе чашку с молодым вином. Белый с синим саксонский фарфор был украшен изображением пастушка в чулках и камзоле, на обратной стороне трещина проходила через тело куртуазной пастушки в юбках. На ручке можно было различить следы позолоты.

— Их рубят на куски и сжигают в печке, — Гор с наслаждением втянул в себя сигарный дым, подержал его в носовых пазухах и осторожно вдохнул, после чего выпустил из легких клубящуюся струю, сиреневую в сгущающихся летних сумерках. — В морге госпиталя Перси прекрасная печка.

Они сидели на открытой веранде, выложенной черным и белым камнем, и смотрели на лежащий под ногами городок, состоящий из налезających друг на друга беленых домиков. На веревках отдыхало прожаренное за день белье. Птицы устраивались на ночлег в железных пазухах кронштейнов, в которые по праздничным дням крепили синие-белые национальные флаги. Кое-где окна зажелтели слабеньким ранним электричеством.

— Гадос-сть, — капризно сказала лежащая на мраморной плите Оффь, смешно отмахиваясь хвостиком от плывущих над ней табачных вавилонов.

— Ничего-ничего, — покровительственно сказал профессор, облизывая намокшие в вине усы. — Мы тебя еще и курить научим. — Плетеное кресло под ним убедительно поскрипывало, как бы подтверждая каждое слово.

— Кстати, это трудно — рубить нага, — сказал Стояновский, придвигая к себе чашку с вином. — Он твердый.

— Это они сейчас твердые, — невпопад отозвался Рейке, думая о чем-то своем.

Они помолчали. В сонной тишине откуда-то издалека доносился собачий лай и пение скрипки.

— Как хорошо, — змейка заворочалась, перемещаясь на самую нагретую сторону плиты. Глаза ее затянуло желтой пленкой. — Я пос-сплю...

— Вообще-то они не спят, — заметил Гор и отпил из чашки. — Я ее научил.

— Ты ее совсем испортил, — профессор ухмыльнулся. — И разбаловал.

— Бедная девочка, — Гор нахмурился: непонятно откуда взявшийся порыв ветра погасил сигару. — Факин шит... — он зашарил по столу в поисках зажигалки, но не нашел. — Да что за день такой сегодня!

— Вторник, второе августа, — все так же рассеянно сказал Альфонс Рейке и отхлебнул из чашки вино. — Возьми, — он протянул другу

коробок с длинными сигарными спичками. — Н-да, подружка у тебя ничего. А тот наг мне никогда не нравился.

— Кто? Рэв? Угу. Самодовольный типчик, — сказал Гор, безуспешно пытаясь подавить зевок. Потом все-таки зевнул. — Бы-ы-ыл. Мне его не жаль. Очень уж ему хотелось, чтобы нашу планетку заперли в клетку. Как тех моллюсков, о которых он любил рассказывать.

— Ну, моллюски вроде бы съели их послов...

— Фигня. Моллюски никого не съели.

— Что? Наг лгал? Насколько я понимаю, это на них непохоже.

— Погоди, дай сказать. Они действуют на каждой планете по стандартной схеме. Сначала подгоняют корабли на орбиту. Потом на Земле появляется пара-тройка нагов. Они прячутся, потихоньку изучают язык и культуру, вступают в контакт с несколькими аборигенами — вроде нас. Потом находят способ заразить одного из них шссунхским червем и ждут, когда он начнет видеть будущее. Внимательно слушают его бред. И на этом основании делают выводы. С моллюсками они поступили так же.

— И что?

— И выяснили, что в случае контакта моллюски обязательно провели бы расследование предыдущей деятельности нагов на их планете. Они очень подозрительные. Обнаружили бы, что наги заразили и убили нескольких моллюсков для того, чтобы получить нужную информацию. И наказали бы нагов за это, съев их послов. Это у них такой способ наведения справедливости. Моллюски очень мстительные. Ну, вот они и удрали, а моллюсков закрыли, гады. Это мне Оффь рассказала.

— Кого мне по-настоящему жаль, — задумчиво сказал профессор, — так это нашу бедную Августу. Она так мучилась перед смертью... Кстати, спасибо за Варлеку. Я уже просто не знал, куда деваться от этой суки.

— Между нами, дружище, не стоило так уж вестись на свежее мясо. Да и не очень свежее, если уж на то пошло.

— Будешь читать мне мораль? — усмехнулся профессор, подливая себе вина.

— Ну, ты же знаешь, какой из меня моралист, — осклабился Стояновский. — А вот Августа могла бы выжить, наверное. Мы ее просто перегрели.

— Н-да. Рэв все время требовал повышать температуру. Шссунхский червь очень теплолюбив... Мы уже начали охлаждать тело, но было поздно.

— Ну, Августа тоже не ангелом была. Я еще не забыл, как она палила в меня из своего дамского пистолетика.

— Когда узнала, что с твоей помощью заразилась шссунхским червем, — напомнил профессор. — В Рэва, кстати, она тоже попала разок... Ладно, это все в прошлом. Что мы теперь будем делать?

— Придумывать версию о том, как погиб Рэв. А наша маленькая подружка впишет ее в отчет для своего начальства. Отчет будет благоприятный.

После этого наги придут на Землю. И с нами случится все то, что видела Августа. Хотя надо бы все-таки как-то воспрепятствовать введению этого дурацкого закона... Но в любом случае, это можно пережить. Нам нужны их технологии. А мы научим их жизни. Удовольствиям. Мы их *развратим*, дружище.

— Скорее всего, — медленно проговорил профессор, — через какое-то время у них начнутся большие проблемы с продолжением рода.

— Ну да, я про это думал, — ухмыльнулся Стояновский. — Это как у нас со вторым демографическим переходом. Как только люди начинают жить хорошо, они перестают плодиться. Потому что беременность и роды несовместимы с комфортом. Холеная сука в костюме от Диора рожать не будет, разве что разок. А шпунхский гон — это ж ужас кромешный. Сейчас у них все держится на традициях и аскетизме. Но если внушить им ту идею, что можно жить иначе...

— Они вымрут, — закончил профессор. — Рано или поздно — вымрут. А мы станем наследниками великой шпунхской цивилизации со всеми ее достижениями. Естественным образом. Мне нравится такая перспектива.

— Это уже было в истории, — профессор снова приложился к вину. — Рим, захвативший Грецию.

— *Graecia capta ferum victorem cepit et artis intulit agresti Latio*, — процитировал Гор. — Надо же, до сих пор помню! Греция, дескать, побежденная, победителей диких пленила... Обычно делают вид, что это про греческую культуру. Статуи там всякие, музыка, бла-бла-бла. Ага. Чихали римляне на культуру. Было такое слово — *graeculi*. Нехорошее слово. Типа «гречишки». Так называли пидарасов и прочих любителей потрахаться каким-нибудь хитрым способом. Вот на что римляне повелись. На попки. Отсюда и вся грекофилия.

— Грекофил по-латински — *graecor*, — профессор потер висок, пытаясь оживить в памяти остатки классического образования. — В целом ты прав. Завоеватели не столько окультурились, сколько приобрели вкус к утонченным удовольствиям. В которых греки преуспели больше. Катон Старший был прав, когда видел в греках учителей разврата. Но греки пережили своих победителей, да еще и сами стали называться римлянами. Точнее, ромеями, но это уже детали... А вот византийцам нечего было предложить арабам, кроме постов и молитв. В результате от ромеев осталось вот что, — он махнул рукой, показывая на засыпающий городок.

— Нежные попки спасли эллинскую цивилицию, а строгость нравов погубила, — похабно ухмыльнулся Гор.

— Не попки. То есть не только попки. В высокой цивилизации всегда есть нечто извращенное, — задумчиво сказал профессор. — Что такое разврат? Переход границы дозволенного. Неважно, кем дозволенного — законами природы, физиологией или моралью. В таком случае, что такое наука, как не переход границы возможного для человека знания? А искусство?

Истинно прекрасное изображает невозможное, нарисованная женщина может быть желаннее любой бабенки... В основе любой высокой культуры всегда лежит извращение как удовольствие от успешного преодоления природных, инстинктивных и культурных запретов...

— Кстати, об этом, — невежливо перебил Гор. — Яичко готово?

— Я его положил в скороварку. Боюсь, как бы не остыло. Мы тут заболтались, а ты хотел угостить ее тепленьким.

— Тепленькое они любят... Может, новое сварить? Хотя ладно. Чем богаты, тем и рады.

Гор подошел к спящей подруге и осторожно взял ее на руки. Змейка сонно заворочалась, покрутила головой.

— Лапуса, — сказал Стояновский. — Помнишь, я кое-что тебе обещал?

— Ой, — нагния вывернулась из рук мужчины и упала на пол. — Ты об этом? Ну, в с-мыс-сле... помнишь, ты с-каз-зал...

— Именно, именно. Уже все готово, дорогая. Тебе же хотелось попробовать.

— Это ужас-сно, — содрогнулась нагния. — Я, наверное, не с-смогу...

— Сможешь, сможешь. Обвивайся вокруг меня.

Оффь не стала заставлять себя просить дважды. Очень скоро ее голова легла на волосатую грудь Гора. Тот взял треугольную змеиную голову за виски и начал почесывать. Ловкие человеческие пальцы почесывали серебристую чешую, выискивая чувствительные места.

Тем временем Альфонс Рейке вынес на террасу стеклянную кастрюльку. В воде плавало маленькое пестрое перепелиное яйцо.

Змейка задрожала всем телом, когда профессор присел рядом и начал медленно очищать скорлупу. Стояновский закричал: объятия подруги внезапно стали слишком тесными.

— Ужас-сно, — прошептала Оффь. — Это же яйцо! От него пахнет, как от наших з-зародышей. У меня вс-се внутри с-содрогае-тс-ся. Как будто я с-собираю-сь с-съе-сть с-свое потомс-ство.

— Любовь к потомству — всего лишь инстинкты. Наслаждение — в том, чтобы их преодолевать. — Гор принял облупленное яичко из рук профессора, макнул в солонку, капнул острым соусом. — Ну-ка, закрой глазки.

— Это ужас-сно, — повторила нагния, забрала глаза пленкой и открыла рот.

АННА СЕМИРОЛЬ

МАРИ

Ганс, закрой дверь, захлопни ставни. По улице идет Мари — Мари в красных башмачках.

У Мари розовые щеки и маленькие руки. У ног вьются, играют две белые ласки. Взрослые думают, что это не ласки, а снежные волны, расходящиеся из-под красных башмачков. Но дети видят, что это ласки. Маленькие, злые звери.

У Мари шапочка и муфта из белого меха. Ей не холодно, ей никогда не холодно. Ее одежда — из живого тепла. Откуда у нее столько тепла, что ей хватило на шапку, варежки и пушистый воротник на плаще? У кого она забрала его?

У Мари на подоле живые цветы и птицы. Если долго вглядываться, ты увидишь — они действительно живые, они пришиты прочной нитью к платью Мари. Почему цветы не пахнут, а птицы не поют? Мари забирает их краски, их голоса, их запахи.

Руки Мари пусты, но у нее всегда есть то, что кому-то нужно. Все-все-все есть. Что не попроси — все есть у Мари. Она всегда приносит то, чего нет у просящего. Мари добрая. Мари исполняет желания.

Мари не приходит просто так. Ее может позвать каждый. Всего один раз. Одно желание. Мари приходит меняться. Она забирает то, что ей нравится. А иногда уходит, не назвав цены — и тогда случается что-то плохое.

Помнишь соседскую Гретхен? Ее мамаша просила у Мари красоты для дочки. А Мари забрала щенка. И Гретхен все плачет и плачет... Плачет и плачет. И никто не замечает, красива она или нет. Она плачет. От Мари много слез...

Мари никогда не плачет. И пшеничные локоны ее всегда красиво и правильно уложены. И щеки розовые. И башмачки всегда чистые — какая бы грязь не разливалась по улицам. Мари никогда не спешит. Она идет плавно, неспешно и каблучки выстукивают мерный ритм равнодушного сердца. Говорят, добрая Мари бессердечна, и улыбка ее нарисована.

Ганс, Ганс, а ведь Мари идет сюда... Что ей нужно здесь? Кто позвал ее, что попросил? Ганс, у нас же нет ничего, только мы сами... Ганс, почему ты молчишь? Ганс, закрой дверь, захлопни ставни — сюда идет Мари. Мари в красных башмачках...

***

Губы цвета спелой земляники дрогнули.

— Дорого возьму, Якоб. Но не дороже, чем у тебя есть.

Яркие, как у дорогой куклы, глаза смотрели в душу. Мари, ты видишь, как давно я и Марта хотим этого. Мари, ты знаешь, что мы готовы отдать все, что имеем...

— Согласен!

Собственный голос прозвучал хрипло и надломлено. Якоб кашлянул, поправил воротник грязной рубахи и вдруг упал перед Мари на колени.

— Кого только не просили, ты же знаешь...

— Знаю. Вставай.

Зацокали по мостовой маленькие каблучки красных башмачков. Мари уходила. Колыхалась на осеннем ветру пышная юбка, и казалось, вышитые на подоле птицы хлопают крыльями. На перекрестке Мари остановилась, обернулась.

— Иди домой, Якоб, — прошелестел ветер.

До дома бежал, будто за ним гнались. И лишь у двери вспомнил, что Мари не назвала цену.

Ганс родился ровно через девять месяцев, в день летнего солнцестояния. Якоб в честь события не пожалел денег — в трактире пиво лилось рекой, стол ломился от закусок. За шумом плясок и нестройными песнями никто не заметил, как звякнул колокольчик над входной дверью, пропуская маленькую детскую фигурку.

— Добрый вечер, матушка Лизбет.

— Здравствуй, деточка, здравствуй, — заулыбалась сидящая ближе других к двери старуха, близоруко шурясь. И мгновенье спустя, разглядев гостью, отшатнулась, испуганно бормоча.

Задетый старухой Лизбет, грянулся об пол кувшин с пивом. В трактире все смолкло. Темная лужа, разлившаяся по полу, послушно остановилась у самых носиков красных башмачков. Их белокурая владелица приподняла подол пышного, расшитого золотой нитью платья, и шагнула вперед, разбив каблучком блестящую гладь лужи. Посетители трактира попятились, пропуская пришелицу.

— Здравствуй, Якоб! — зазвенел звонкий детский голосок. — Почему ты такой хмурый? Не рад мне?

Якоб поднялся с места во главе стола. Минуты назад счастливо улыбавшийся и горланивший хмельные песни, он ссутулился и помрачнел.

— Здравствуй, Мари. Не ожидал, что ты придешь, — произнес он, цедя слова сквозь зубы.

По толпе пробежал легкий, неприятный шепоток. И будто холоднее стало душной летней ночью. Мари села на край лавки, расправила рукава платья, тронула ленты чепца с пришитыми кружевными розами, обвела присутствующих спокойным равнодушным взглядом.

— С праздником, горожане. С рождением сына, Якоб, — пухлые алые губки на мгновение изогнулись в улыбке. — Будет мне жених! Пусть растет крепеньким, здоровым, красивым.

Ахнула дородная розовощекая тетушка Кох — жена трактирщика. Старуха Лизбет в углу забормотала что-то о дурных знаках и неурожае. Мари спрыгнула с лавки, подошла к понурому бледному Якобу и протянула к нему сложенные лодочкой ручонки.

— Это моему жениху, возьми!

Вложив что-то в подставленную ладонь, Мари поспешила уйти. Народ в трактире вернулся к пиву, мясу и разговорам. Запиликала в углу скрипка, кто-то потащил танцевать рыжую веселую служанку. Якоб разжал кулак и взглянул в раскрытую ладонь.

Горсть стеклышек. Разноцветных, причудливой формы. Обычные стеклышки. Яркие маленькие безделушки.

— Не к добру это, — прошамкала старая Лизбет. — Мари прежде ни к кому сама не приходила. Не к добру...

Комья бурой смерзшейся глины в горсти. Марта... Падают редкие снежинки на грязные, всклокоченные волосы, декабрьский ветер забирается под залатанную рубашу. Жарко мне, Марта, жарко... Горячая ты, родная, даже там, под насыпью из промерзшей глины, под деревянной крышкой. Ярко горела, милая, долго и страшно. Старуха Лизбет, когда одевала тебя в то платье, в котором ты венчалась, так и сказала: «Жар от нее, Якоб, до сих пор».

Якоб оперся руками о камень. Теплый... на холодном, злом ветру — теплый! Присел на корточки, привалился к камню плечом, смежил веки.

— Марта, я с тобой останусь. Согрей, как прежде, Марта...

— Иди домой, Якоб.

Он вздрогнул и открыл глаза.

Мари стояла в двух шагах от него — под тонкой, зябко дрожащей веточками осинной. Белый меховой плащ, пухлистая шапочка, серебром вышитая теплая юбка. В глазах — ни сожаления, ни торжества, ни грусти, сияющая лазурная пустота.

— Иди домой, Якоб, — повторила Мари. — Ганс плачет. Он голодный и мокрый.

Якоб почувствовал, как вскипает внутри ярость, как немеют от ненависти скулы.

— Ты... мразь! Ведьмино отродье... Это ведь ты свела Марту в могилу, ты!

Он встал, подошел, шатаясь от выпитого на поминках дрянного вина, навис над хрупкой детской фигуркой.

— Почему Марта? Почему не я, почему? Отвечай!

Она смотрела на него снизу вверх, а казалось — свысока. И молчала.

— У меня не было большего счастья, чем она! Зачем тебе ее жизнь, тварь?

— Разве не о счастье большем, чем имел, ты меня просил?

— Да как смеешь!.. Я тебя удавлю сейчас!

Ничего не изменилось в кукольном безразличном личике. Налетел порыв ветра, швырнул в заросшее щетиной лицо Якоба:

— Не сможешь.

Мари повернулась к нему спиной.

— Ганс дома плачет. Ты отец. Возвращайся.

Якоба словно кто оттолкнул. Он сел в грязный снег, напарил ком глины, с силой швырнул его в Мари, тут же другой, третий.

— Убирайся! — орал он. — Проваливай! Не смей возвращаться! Дьявольское отродье! Убирайся прочь, тварь!

Бурные комочки отскакивали от подола платья, с сухим шорохом падали на снег. Взвыл голодным псом ветер, взметнув полог колючей снежной крупы, хлестнул Якоба по глазам, заставляя зажмуриться.

— Убирайся! Сколько горя от тебя! Все, что ты несешь — горе и зло! Ты даешь, чтобы отнять больше! Ведьмино отродье!..

— Что такое, Якоб? Почему ты кричишь и швыряешься землей с могилы?

Отец Мартин был удивлен. Он подал Якобу руку, помог встать, отряхнуть от налипшего снега одежду.

— Сын мой, не подобает в таком месте кричать и буяннить... Тут покой. Не стоит мешать уснувшим. Успокойся. Э, да ты совсем замерз... Идем отсюда, идем.

— Марта... — пьяно пробормотал Якоб. — Там Марта.

Священник накинуд ему на плечи поднятую с земли куртку, взял за руку и повел за собой, как ребенка. Ноги увязали в снегу, поземка белым языком быстро зализывала ранки следов. Отец Мартин шел, тяжело опираясь на трость и прихрамывая, и успокаивающе бормотал:

— На все воля Божья, сын мой... Смирись. Марта на небесах, ей хорошо. Не огорчай ее. У тебя есть ради кого жить. Я нашел Гансу кормилицу. Гертруда — добрая вдовушка, ее дочь немногим младше Ганса. Она поможет. Господь посылает нам испытания, но и Господь же утешает. Смирись, Якоб. Это жизнь...

Билась в закрытые ставни метель. Тихо потрескивали дрова в камине. На теплых коленях толстухи Гертруды спал, сыто причмокивая, маленький Ганс — сын зеркальщика Якоба. Гертруда, негромко мурлыча под нос, покачивала в колыбели крошечную Ханну. Якоб сидел за столом и бездумно вертел в руках сделанную для сына игрушку — калейдоскоп.

Разноцветные стеклышки перекатывались внутри калейдоскопа с тихим звоном.

В витражное окно храма с жужжанием билась муха, нарушая монотонное звучание воскресной проповеди. Семилетний Ганс с восторгом следил за насекомым, радуясь неожиданному развлечению.

«Вот муха стукнулась об красное стекло — там горячо, она обожглась. Теперь синее — муха окунулась в реку, — размышлял он. — А вон желтое стеклышко — муха ползет по маслу прямо в лес — зеленый-зеленый...

По пути переползает через угольную яму и дальше по тропинке. А в лесу муху ждут страшные волки!»

Ганс так живо представил себе жутких волков с пылающими глазами и жадными пастьми, что от страха зажмурился, а когда открыл глаза, увидел, что сын пекаря Томас исподтишка показывает ему язык. Гансу очень захотелось отплатить Томасу тем же, но он боялся, что это увидит ффрау Беккер. Она наверняка бы сказала отцу Ганса, что его мальчик плохо ведет себя в церкви. Наказанным быть не хотелось. Ганс нахмурился и принялся воображать, как муха заползает в нос противному Томасу, как она щекочет лапками и крылышками, и лицо Томаса кривится в испуганной гримасе...

За спиной тихо хихикнули. Ганс вздрогнул, обернулся — и встретился глазами с прехорошенькой белокурой девочкой в пышном розовом платье. Незнакомка сидела чуть в стороне от семьи сапожника Карла, на самом краешке скамьи, и с улыбкой поглядывала на Ганса. Мальчик тоже улыбнулся. Подергал за рукав отца:

— Смотри — фея!

Увлеченный проповедью Якоб не отреагировал, и сын оставил его в покое. Тем временем девочка соскользнула со скамьи, и тихонько шурша платьем, пробралась по ряду поближе к Гансу. Остановилась, прижав палец к губам — тихо, мол, — и протянула мальчишке большое блестящее яблоко.

— Благодарю... — прошептал Ганс тихонечко.

«Фея» тряхнула завитыми локонами, украшенными крошечными розовыми бутонами, и вернулась на свое место. Ганс тихо сопел, рассматривая подарок, и думал, как обрадуется Ханна, если он с ней поделится. Его молочная сестренка как раз болела, и сладкое сочное яблоко наверняка развеяло бы ее печаль.

«Она съест его и тут же поправится, — решил Ганс. — А завтра мы пойдем вместе на кладбище за молодой крапивой для щей».

Отец Мартин закончил проповедь, и прихожане начали расходиться. Довольный Ганс поспешил поделиться радостью с отцом:

— Смотри, что у меня есть!

Якоб удивленно уставился на яркий спелый плод в руке сына.

— Откуда у тебя это? Такое яблоко, еще и весной...

Ганс поискал взглядом девочку в розовом платье. Она стояла на площади и с интересом рассматривала часы на башне кирхи. Ганс помахал «фее» рукой и сказал отцу:

— Вон та девочка подарила.

Якоб взглянул — и миг переменился в лице. Выражение удивления исчезло, сменившись яростью, страхом и гадливостью. Он вырвал яблоко из руки сына и с силой швырнул на мостовую. От удара спелый фрукт разлетелся на куски, оставив на камнях влажное пятно сока. Тут же щеку Ганса обожгла крепкая злая пощечина.

— Не смей заговаривать с ней, Ганс! Не подходи к ней, убегай, как только увидишь! — кричал Якоб. — Эта тварь заберет твою душу! Она пришла именно за этим!

На шум начали сбегаться зеваки, из кирхи вышел отец Мартин.

— Якоб, тише, — попытался он успокоить его. — Что произошло? Давай все решим мирно...

— Эта ведьма пришла за моим сыном! Она дала ему яблоко — греховный плод! Она хочет убить его!

Подбежала растрепанная Гертруда, вцепилась в Якоба и запричитала:

— Иди домой, Якоб, люди смотрят, думают, ты лишился ума! Идем, пока над тобой не начали смеяться! Ганс, помоги увести отца отсюда!

Вдвоем они кое-как потащили зеркальщика прочь. Якоб сквернословил и сыпал отборными проклятиями в адрес Мари. Постепенно площадь перед кирхой опустела. Остались лишь отец Мартин и девочка в розовом платье. Священник подошел к неподвижной девичьей фигурке, коснулся ладонью светлых локонов.

— Люди боятся тебя, Мари. Видишь, как получается...

В голубых глазах не было ничего, кроме ясного майского неба.

— Просто яблоко, — сказала Мари. — Почему?

— Потому что для них не просто. Якоб боится тебя. Теперь и маленький Ганс тоже.

— Почему ты не боишься?

— Потому что вижу в тебе дитя Божье, — улыбнулся священник.

Мари вернулась в церковь. Посидела на скамье, болтая ногами в красных башмачках. Отец Мартин прочел молитву, заменил погасшие свечные огарки новыми свечами. Мари подошла, попросила одну. Священник не отказал. Девочка зажгла свечу и аккуратно поставила ее рядом с остальными.

— Зачем ты это делаешь, Мари?

— А разве тебе от этого не светлее и легче?

Отец Мартин задумался. «Если бы бедное дитя жило во времена Святой Инквизиции, ее не миновал бы костер», — сказал он про себя.

— Я это знаю, святой отец. Помню.

Дробинками раскатился по углам кирхи стук каблучков. Мари убежала.

Свечи горели ровным рыжим пламенем. Язычки огня колебались изредка — будто кто-то большой слегка касался их дыханием.

Если весенние лужи грозят простудой, а осенние щедрь на липкую, холодную грязь, то бегать по лужам после летней грозы — огромное удовольствие. Особенно когда тебе десять лет, ты весел, беззаботен и в карманах твоей новенькой курточки звенят несколько серебряных талеров.

— Ханна, эй, Ханна, не отставай! — задорно закричал Ганс, поднимая босыми ногами тучу брызг. — Смотри, я нашел самое глубокое место!

Худенькая темнокосяя Ханна осторожно прошла по самому краю лужи, держа в одной руке чулки и башмачки, а другой приподняв подол платья

так, чтобы его не забрызгать. Девочка хмурилась: прыгать по лужам ей не нравилось, но Ганс пообещал, что купит ей на ярмарке сахарных куколок — вот и пришлось пойти с ним.

— Ганс, я устала, — пожаловалась Ханна тихонько. — И кушать хочется. Может, пойдем уже на ярмарку?

Мальчишка нехотя вылез из лужи, обулся, помог обуться Ханне. Рядом с ней — хрупкой и болезненной — он чувствовал себя большим и сильным покровителем. А с деньгами, подаренными отцом на именины — едва ли не королем.

— Пойдем, — сказал он важным басом и взял ее за руку. — Купим сладостей и свежей горячей выпечки у булочника.

Но до ярмарки дети не дошли. На маленькой площади, у которой не было даже названия, расположился бродячий цирк. Канатная плясунья, шпагоглотатель, старик-фокусник с облезлой обезьянкой, дряхлая гадалка и близнецы-акробаты казались настоящим чудом, ярким, как добрая сказка. Ганс и Ханна с трудом протолкались через толпу зрителей и замерли, глядя на циркачей.

Работали бродячие артисты как-то скучно. Хмуро подбрасывали друг друга акробаты, молча и без улыбки подпрыгивала на струне каната девушка. Обезьянка, делая стойку на ручках-лапках на широкой ладони фокусника, смотрела на людей жалобными голодными глазами. Гадалка, напоминающая одетую в бордовое тряпье ворону, глухим каркающим голосом зазывала желающих узнать свою судьбу. Шпагоглотатель — худой, мускулистый, с бесстрастным лицом изваяния — походил на заправского разбойника. Ганс и Ханна взирали со страхом на то, что он проделывал с клинками.

Представление закончилось, зрители вяло захлопали. Обезьянка стащила с головы фокусника шляпу и подбежала к толпе горожан. Монетки кидали неохотно. Ганс, для которого любое выступление артистов — хорошее ли, плохое — было волшебством, бросил серебряный талер.

— Почтенная публика! Не скупись! Брось монетку в шляпу! — крикнул шпагоглотатель, скользя глазами по зрителям.

Обезьянка описала полукруг и остановилась. Положила шляпу на землю. Села на задние лапки и задумчиво уставилась на красные башмачки стоящей перед ней Мари. По толпе пробежал легкий шепоток.

— Мари? Вот странно... Что ей тут надо?

Ханна испуганно схватила Ганса за руку:

— Ганс, пойдем дальше! Что-то нехорошее будет, раз Мари здесь.

— Трусиха, — фыркнул Ганс. — Дай посмотреть!

Мари присела на корточки, протянула руку и погладила обезьянку. Та чирикнула и отпрыгнула в сторону.

— Добрая маленькая фройлян, прошу — бросьте монетку.

Девочка вскинула голову, рассыпав по плечам завитые пшеничные локоны. Вгляделась подошедшему шпагоглотателю в лицо. Тот старательно изобразил искреннюю улыбку. Мари медленно выпрямилась.

— Ты меня просишь?

— Вас, любезная фройляйн!

— Ой, дурааак... — тихо ахнул кто-то в толпе.

Ханна испуганно уткнулась личиком в грудь Ганса. Тот с интересом смотрел, что будет дальше. Любопытство было сильнее страха — непонятного, необъяснимого, охватывающего мальчишку всякий раз, когда он видел Мари. Страх поселился в душе Ганса после памятной первой встречи в кирхе и последовавшего за ней рассказа отца. «Матушку твою она свела в могилу. И за тобой придет. Помяни мое слово, Ганс! Держись от нее подальше!»

— Олаф, я дам тебе не просто монетку. Если попросишь — дам целое состояние. Удачу. Славу, — голос Мари колокольчиком звенел над притихшей площадью. — Но я беру взамен. Ты человек чужой, меня не знаешь. Правило простое: каждый может попросить у меня все, что угодно. Единожды. Поэтому желание должно быть хорошо обдумано. Я исполню. Но взамен возьму то, что мне нужно. Я готова сделать тебя богатым, Олаф Нойманн. Ты согласен?

Шпагоглотатель облизнул пересохшие губы.

— Да! Что хочешь взамен?

— Проси прощения у Эльзы. Здесь. Сейчас. Перед людьми. Искренне.

Из фургончика на мгновенье высунулась встревоженная канатная плясунья.

— Иди сюда, Эльза, — позвала ее Мари.

Девушка подошла, понуро встала за плечом шпагоглотателя Олафа. Бледная, очень худая, невысокого роста с выющимися темными кудрями и покорностью в больших серых глазах. Ганс почему-то подумал, что Ханна когда вырастет, будет такой же. Красивой...

— Извиняйся, Олаф.

Мужчина побледнел. Оглянулся на Эльзу — та ссутулилась под его взглядом. Мари смотрела на Олафа прямо, сжав губы в прямую линию. Обезьянка убежала в фургон, бросив шляпу. Зрители на площади молчали.

— Ты согласился с моими условиями, Олаф. Проси прощения у своей дочери за мерзость, к которой ты принуждаешь ее каждую ночь.

— Да кто ты такая?.. — в ужасе воскликнул, отплатившись, шпагоглотатель. — Откуда ты?

Мари шагнула к нему. Она более не казалась очаровательной маленькой фройляйн. Взгляд прозрачно-синих глаз жег душу, выворачивал самое больное, страшное, глубокое.

— Кайся. Здесь и сейчас. Или умрешь, — каждое слово будто камнем падало — тяжелое, холодное.

Эльза с отчаянным плачем обхватила отца, закричала, давясь слезами:

— Уходи! Оставь его! Оставь нас в покое!

Губы Мари дрогнули.

— Договор, Эльза.

— Договор?.. Тебя никто не звал! С договором! Никто! Уходи! Это мой ОТЕЦ, каким бы он ни был! Уходи прочь!

— Отойди, Эльза. Кайся, Олаф.

Порыв горячего ветра промчался над площадью. Грянулся о мостовую кусок сорванной с крыши черепицы. Из окна углового дома высунулась хозяйка, захлопнула ставни. Вскликнула Ханна. И стало тихо. Гансу показалось, что он слышит, как отсчитывают минуты часы на кирхе далеко отсюда.

— Эй, Мари!

Сквозь толпу протолкался сапожник Петер — на весь городок известный пьяница, балагур и просто добрый малый. Петер делал лучшую в округе обувь и легко бы стал богачом, не будь он любителем выпить в хорошей компании. Да и сейчас Петер был навеселе — в честь воскресенья, не иначе.

— Мари, я хочу перебить желание! Не откажешь дураку?

Девочка повернулась к нему.

— Имеешь право. Что ты хочешь, Петер?

— Отстань от чужаков! Давай спляшем, а? — рассмеялся сапожник. — Да так, чтобы от души! А собьешь каблучки на башмачках — я поправлю!

Тут же рядом с ним появился скрипач — невысокий, несколько испуганный толстячок. Мари усмехнулась:

— Спляшем, Петер. Только с тебя я возьму удовольствие от этого танца. Играй, скрипач, да веселее!

Запиликала простенький мотив скрипка. Петер рассмеялся, хлопнул себя по худым, мосластым коленям и принялся лихо отплясывать в паре с Мари. Дробно стучали по мостовой каблучки, отбивали ритм ладоши, шуршало пышное девичье платье, смеялся Петер. Мари улыбалась. И чем сильнее распалялись они в танце, тем неувереннее звучал смех Петера — и вскоре умолк вовсе. Про циркачей, спешно запрягающих лошадей в фургончик, все забыли. Смотрели на сапожника. Радость на его раскрасневшемся лице постепенно сменилась страхом. Он делал попытки остановиться, но тело не слушалось.словно подчиняясь чужой воле, хлопали ладоши и выделявали кренделя ноги. И тут рассмеялась Мари.

— Славно, Петер! Пляши! Весело мне! Хорошооооо!..

Когда Петер заорал срывающимся голосом, люди испуганными крысами бросились с площади прочь. Ганс не помнил, куда бежал, и как они с Ханной очутились дома. Ночью обоим снился звонкий девичий смех над площадью и мечущееся в каменных переулках эхо стука копыт лошадей, увозящих прочь бродячих артистов.

— Ганс, хорош бездельничать! Сходи за отцом в трактор, пока он все деньги не пропил.

Мальчишка нехотя оторвался от своего занятия: маленьким кусочком угля он рисовал лицо очередной кукле, сшитой Ханной для театра. Выходить из дома холодным ноябрьским вечером не хотелось, равно как и тащить на себе наверняка набравшегося отца. Пропустить бы слова Гертруды мимо ушей, но... Денег в доме и так немного.

Ганс вздохнул, отложил куклу и поплелся к двери, на ходу надевая куртку. Ханна догнала его уже на улице, повязала на шею теплый шарф.

— Я скоро, — улыбнулся Ганс и погладил тоненькие темные косички Ханны.

В омуте неба стили равнодушные звезды. Часто Гансу снился один и тот же сон: будто вглядывается он в темноту и понимает, что вовсе это не звезды, а гигантские сомы смотрят на него холодными хищными глазами. И впору бы хоть одного из этих сомов бить по голове багром и тащить домой к ужину... да нечем его ударить. А потом Ганс вдруг осознает, что сам он в воде. И размером с лягушку.

Показалось, что где-то недалеко кто-то вскрикнул. Ганс замер, прислушиваясь. Нет, показалось. Поежился, прибавил шаг. Вспомнил, что по ночам по улицам могут ходить привидения, и побежал. В трактор влетел, запыхавшись.

Якоб и Петер, подсев к заезжему купцу, всюто угощались кислым вином и наперебой рассказывали гостю городские байки. Во хмелю Якоб добрей, становился отличным рассказчиком, трезвым же уходил во власть «ртутного безумия», становился злым и замкнутым. Хозяин зеркальной мануфактуры не выгонял зеркальщика с помутневшим рассудком лишь потому, что лучшего мастера в заводе не было. Якобу за золотые руки прощалось многое. Дома тоже терпели его вспышки гнева, во время которых он бросался на домочадцев с кулаками и бранью, кричал, что видит призраков и обвинял во всех горестях злосчастную Мари. Выпивка ненадолго освобождала его разум, он просил прощения у Ганса, пытался помогать по дому Ханне и Гертруде. Его прощали.

— А вот и женишок нашей Мари! — радостно заорал Петер, завидев Ганса. — Присаживайся, парень, добрый господин угощает!

Услышав приставшее речью «женишок», Ганс разозлился. Уже сколько лет он пытался избавиться от этого клейма, скольким сверстникам разбил носы в отчаянных драках... Но оно жило, как проклятье, в которое свято верил и Ганс, и Якоб. «Эта тварь только и ждет, чтобы забрать тебя!» — всплывало в памяти мальчишки раз за разом.

Кулаки чесались ударить сапожника в красное пьяное лицо. Но Петер взрослый, а Ганс пока нет. Нельзя. Да и отец смотрит.

— Не с тобой ли моя невеста так лихо отплясывала два года назад, Петер? Не нужна она мне после этого, забирай ее себе! — зло и насмешливо проговорил Ганс.

Грянул пьяный хохот. Не смеялся только сапожник, неожиданно растерявший весь обычный задор. Он помрачнел и молча опрокинул в себя очередную кружку апфельвайна.

— Идем домой, отец, — обратился Ганс к Якобу. — Засиделся ты тут.

Повернулся и вышел из трактира. Вскоре отец, пошатываясь, догнал его.

— Не простил он ее, сынок. И не надо так с ним больше. Петер и зло затаить может...

— Ему же и хуже! — расхрабрился мальчишка. — От зла ноги пухнут и чернеют. Ежели дурак — пусть зло в себе таскает. Пошли быстрее, холодно. И дома каша ждет.

А на следующий день, когда Ганс и Якоб возвращались домой с охотки-ми хвороста, мимо пронеслась ватага довольных мальчишек:

— Эй, Ганс, Ганс, твоя невеста в старый колодец упала! — радостно сообщил чумазый Фриц, вытирая сопливый нос рукавом старой отцовской куртки. — Пошли, покидаем в нее камешками?

Первая мысль была о Ханне. Ганс похолодел, уронил вязанку хвороста на грязную мостовую. Но когда Якоб захохотал с мрачным торжеством, понял, что речь не о Ханне. С трудом мальчишка донес хворост до дома, и тут же улизнул обратно на улицу, подгоняемый любопытством.

Все! Если Мари умерла, то и проклятью конец! А если нет? А если она живая, и над Гансом просто подшутили?..

Возле старого колодца собралась толпа. Кто-то смеялся, местные сплетницы оживленно болтали между собой. Некоторые, разогнав облепивших колодезный сруб мальчишек, молча заглядывали и уходили. Протолкался сквозь ораву зевак и Ганс. Лег животом на холодные бревна и заглянул вниз.

Пахло сыростью, тянуло холодом. Далеко внизу, в узком темном колодце что-то едва слышно плескалось.

— Я ж говорю — ведьмы сами не тонут! Отравит теперь всю воду! Пропустите с камнем, я кину! — азартно гомонили мальчишки. — Туда бы ведро-другое горячей смолы. Потопим ведьму!

И вдруг сквозь радостные вопли и возбужденное аханье кумушек до Ганса донеслось тихое, хриплое:

— Люди... помогите...

Он отшатнулся — будто его самого ошпарили обещанной смолой. Перед глазами мелькали лица зевак — злорадствующих, удивленных, реже — равнодушных.

— Веревку бы... — вырвалось непроизвольно.

Его со смехом похлопали по плечу:

— Наш Ганс от радости спятил! Иди в трактир, напейся первый раз в жизни — сгинула твоя проклятая невеста!

— Она же живая!..

Его слова потонули в ликовании толпы. Ганс побрел домой, шатаясь, как пьяный.

Вспомнилось, какая холодная в старом колодце вода. Говорят, в ней замерзают даже лягушки летом. Лягушки... Неужели Мари — хуже лягушки?

Дома мальчишка принялся шарить по углам.

— Что ты ищешь? — отвлеклась от помешивания варева в котелке Ханна.

— Веревку. Мари упала в старый колодец.

Ханна ахнула, стукнулась об пол выпавшая из ее руки деревянная ложка. И тут же громыхнул массивный табурет — это поднялся с места Якоб. Навис над сыном, сгреб его за грудки, припечатал спиной к стене.

— Если ты посмеешь помочь этой твари, я насажу тебя на вертел, как поросенка, — грянул голос зеркалащика.

Отброшенный в угол, Ганс упал, увлекая за собой полку с глиняной посудой. Ханна подбежала, принялась резво собирать черепки и уцелевшие миски и кружки. Тайком она утерла мальчишке выступившие на глазах злые слезы.

— Тише, тише... Мы что-нибудь придумаем. Только не перечь отцу, умоляю.

Тянулось время. Ганс ходил сам не свой. Отчаянное, умоляющее «Помогите...» преследовало его повсюду. Даже в кружке с горячим травяным чаем мерещился черный провал колодца. И где-то там — маленькая девочка в ледяной воде под градом камней и насмешек.

Дети с трудом дождались, когда стемнеет, и Якоб ровно засопит во сне. А как только в доме воцарилась сонная тишина, они бесшумно, словно кошки, выскользнули за дверь. Ганс нес веревку и фонарь, Ханна попевала рядом, таща старое одеяло. С неба, хмурищегося во сне, белым пухом падал первый снег. У Ганса мерзли пальцы, и он старательно гнал из головы дурные мысли. «Мари живая, — убеждал он себя. — Мы ее вытащим».

Когда до старого колодца осталось совсем немного, Ханна вдруг резко остановилась.

— Ты чего? Бежим быстрее! — поторопил ее Ганс.

— Послушай... А если она нам отомстит? — испуганно спросила девочка. — Мы ее вытянем, а она нас, как мух...

Ганс взял ее за руку, потянул за собой.

— Скорее. Оставь ты эти мысли! Откуда у тебя они вообще? За что ей мстить?

— Ты же сам рассказывал, как вели себя люди.

Камни, летящие в трубу колодца. Веселый смех, песни... Ганс поежился.

— Сестренка... Возвращайся домой. Давай одеяло, я пойду один.

Он забрал у Ханны ее ношу и помчался к колодцу. Ноги скользили по подмерзшей мостовой, и больше всего сейчас он боялся упасть и разбить фонарь. Вот он и у цели. Ганс положил одеяло на край сруба, заглянул вниз, стараясь осветить темное нутро колодца фонарем.

— Мари!

Она не ответила, но далеко внизу шевельнулось светлое пятнышко.

— Потерпи чуть-чуть, я тебя вытащу! — крикнул Ганс и принялся закреплять веревку вокруг колодезного ворота.

Замерзшие пальцы плохо слушались, узлы не получались. Мальчишка ругался сквозь зубы, начинал заново. Наконец, убедившись в том, что все надежно закреплено, Ганс сбросил веревку в колодезь.

— Обвяжи ее вокруг пояса и держись крепче, я тебя вытяну! Как будешь готова — подай знак, подергай!

Но время шло, а знака все не было. Ганс забеспокоился.

— Мари! Эй, Мари! Ты живая? Ты меня слышишь?

— Не могу... — донеслось слабое, будто шелест.

Раздумывал он недолго. Сбросил куртку, проверил еще раз надежность закрепленной веревки и сам полез в темный сырой провал. «Привяжу Мари, выберусь сам, а следом и ее подниму», — думал он. Глубоко. Стоящий на краю сруба фонарь казался далекой звездочкой. Башмаки скользили по сырým, вонючим бревнам, не давая опоры. Чем ниже спускался Ганс, тем сильнее накатывала волнами духота. «Как же она тут — весь день?» — с ужасом думал мальчишка. Мгновение спустя его ноги коснулись поверхности воды. От холода судорогой свело тело, веревка резанула ладони, и Ганс сорвался. На его счастье, оказалось неглубоко — чуть выше коленей.

— Мари?.. — позвал он в темноту.

Тут же его за пояс обвили маленькие руки. Мари — мокрая, без шапки, в одной лишь облепившей тело рубашке — казалось высеченной из льда. Девочка уткнулась лицом в грудь Гансу и мелко задрожала.

— Холодно? Потерпи. Сейчас...

Он торопливо начал обвязывать ее веревкой.

— Га-анс! — донесся сверху голос Ханны. — Ганс, ты живой?

— Вот и хорошо, — мальчишка провел ладонью по мокрым волосам Мари. — Сейчас нас с тобой вытянут. Ханна! Я тут! Тащи Мари, потом кидай веревку мне!

Он напарил в темноте руки девочки.

— Послушай, держись за веревку двумя руками. Так будет лучше. Двумя, Мари. Что у тебя в ладони?

— Хлебушек, — еле слышно отозвалась она. — Бросили.

— Оставь. Вылезем — покушаем еще. Давай, держись. Тяни, Ханна!..

После колодезной темноты ночь, раскинувшаяся над городом, показалась ослепительной. Ганс перевалился через край сруба, скорчился, дрожа от холода. Ханна тут же накинула на него куртку, заохала, принялась дышать на ладони. Подошел кто-то с фонарем — большой, грузный, плохо различимый от кажущегося ярким света.

— Благослови тебя Господь, Ганс. И тебя, Ханна, — раздался голос отца

Мартина. — Никто, кроме вас... — голос сорвался. — Все побоялись... Поспешим домой. Я заберу девочку к себе.

Ханна взяла у него фонарь, священник прижал к себе завернутую в одеяло Мари обеими руками и тяжело захромал от колодца прочь.

— Что же ты, птаха малая? — бормотал он. — Кто ж осмелился на такое злодеяние? Совсем люди страх потеряли... Не сберег он тебя, спутник твой верный...

Ганс подхватил Ханну под руку, и они помчались к дому.

Наутро Ганс залихорадил. Дрожал в кровати под двумя одеялами, пил травяные чаи Гертруды, слушал ее причитания, и думал о том, что ему повезло, и отец ушел на завод, не заметив мокрых башмаков сына у печи. Ханна к обеду сходила в церковь. Вернувшись, рассказала Гансу, что Мари живая и отогрелась.

— Отец Мартин сказал, что она не сама упала в колодец, — хмуро добавила она в конце рассказа. — Ее туда бросили люди. Отняли одежду и бросили, думая, что она умрет.

— Чужие, — глухо пробормотал Ганс, глядя в окно. — Наши не тронули бы. Все, кто ее знают, боятся... Помнишь, что отец Мартин про спутника говорил? Верно — Мари берег страх. Свои знали, боялись — не трогали. А пришлым разбойникам она — маленькая богато одетая девочка. Одна на темных улицах.

Снег за окном тихо падал, заметая следы, крыши домов и сруб старого колодца на краю города...

Солнце клонилось к закату. Ганс сидел на крыше дома и наблюдал, как растут тени, заполняя собой улицы. Набегавшись за день с поручениями герра Леманна, вечерами парнишка искал уединения. Сидеть дома с полумным отцом и ворчуньей Гертрудой не хотелось, а лавка, где работала Ханна, закрывалась только через два часа. Потому Ганс и коротал время на крыше, тянул время, чтобы можно было встретить Ханну и не спеша, болтая по пути, вернуться домой. Жаль, рано темнеет: с Ханной так уютно рядом стоять и смотреть, как по реке плывут осенние листья.

— Кажется, она единственная, кому со мной рядом хорошо, — сказал Ганс закатному солнцу. — И единственная, кто меня всегда радует и понимает.

После того, как он вытащил Мари из колодца, друзья-мальчишки перестали общаться с ним. Соседи Ганса будто не замечали, отец — так вообще постоянно срывал на сыне становящийся все более дурным нрав. А ему, Гансу, вдруг сделалось все равно до насмешек, слухов и обидных прозвищ, плодящихся за его спиной. И все чаще казалось ему, что люди порой куда страшнее тех, кого они сами так боятся.

Ганс думал о Мари. С тех пор, как он в последний раз видел ее, минуло почти два года. Он решил было, что она ушла из города, но то тут, то там горожане рассказывали, кто что получил от девочки и чем расплатился.

Ганс размышлял о людских желаниях и расплате за них. Фрау Шульц попросила для своей Гретхен непревзойденной красоты. Зачем? Юная Гретхен и так считалась первой невестой города, и кто только не сватался к ней... Ганс видел ее после: может быть, он дурак, но Гретхен не изменилась. Только все время тосковала и плакала о любимом щенке, что Мари унесла с собой. Искаженное горем и слезами лицо дочери старосты не несло в себе небесной красоты. Хотя сватов меньше не стало.

Ивонн Бауэр позвала Мари с просьбой навсегда очистить ее огород от сорняков, мышей и вредителей. Дура Ивонн, смеялся Ганс, услышав эту историю. Тратить единственное желание на то, что можно сделать самой, приложив усилия и потрудившись... Ивонн очень боялась, что Мари найдет на нее порчу или навредит, но девочка взяла себе обычный точильный брусок и ушла.

Ганса долгое время донимал вопрос: а просил ли отец Мартин что-либо у Мари? Он долго маялся, прежде чем решился-таки спросить.

— Просил, — улыбнулся священник. — Я не отвечу, что именно, но предвидя твой следующий вопрос, скажу, что она взяла взамен. Я рассказал ей все, что знал о Всевышнем.

Зачем ей все это, думал Ганс. Откуда она приходит, куда деваает все то, что берет у людей? Кто заботится о ней? Похоже, ответить могла лишь сама Мари.

И как по волшебству, звонко застучали по мостовой каблучки, и из переулка появилась знакомая фигурка белокурой девочки в пышном платье. Ганс поспешно спустился с крыши, перепугав живущую на верхнем этаже старенькую фрау, и помчался туда, где увидел Мари.

Она спокойно шла куда-то, изредка здороваясь с горожанами. Отстукивали по булыжной мостовой красные бапмачки, колыхалось колоколом на ветру темно-синее платье, трепетали в волосах алые лепестки нашитых на чепец розанов. Ганс последовал за ней, стараясь, чтобы Мари его не заметила. Ему хотелось узнать, куда она идет.

Пересекли рыночную площадь, прошли мимо церкви, миновали дом судьи, потом городской сад... Мари шла, не оборачиваясь, и вскоре Ганс перестал прятаться — просто старался ступать тише. Улицы петляли, потом постепенно превратились в темные сырые переулки. Прохожие попадались все реже и реже, и, наконец, совсем перестали встречаться.

«Глупый, глупый Ганс! — вкрадчиво шепнул внутренний голос. — А как ты найдешь обратную дорогу?» Парнишка вздрогнул, принялся озираться вокруг: узкую грязную улочку стискивали с двух сторон мрачные высокие стены. Пахло гнилью и нечистотами. Кое-где на веревках, протянутых между домами, сушилась на ветру нехитрая бедняцкая одежда. Под ногами то и дело попадались гниющие отбросы, сновали крысы. Неужели такая чистенькая и богато одетая девочка может жить где-то здесь?

Очередная крыса выскочила прямо из-под ног, Ганс отпрыгнул, брезгливо посмотрел удирающей твари вслед, а когда обернулся, Мари куда-то исчезла. Парнишка нахмурился, прибавил шаг. Переулок резко сворачивал в тупик между домами, и Ганс не раздумывая, нырнул туда.

Перед ним была единственная дверь. Самая обычная, потемневшая от сырости и времени, чуть просевшая. Ганс осторожно повернул холодную медную ручку и переступил порог.

Прямо за порогом меж двух рядов высоких каменных колонн простиралась галерея. Левый ряд выступал прямо из темноты, справа белые мраморные столбы освещал яркий дневной свет из невидимых Гансу огромных окон позади колонн. Посреди галерей стояло массивное резное кресло с высокой спинкой. Уютно свернувшись среди мягких подушек и положив голову на широкий подлокотник, в кресле спала маленькая девочка в темно-синем платье. Солнечные лучи мягко золотили разметававшиеся по плечам пшеничные локоны, покоилась под розовой щекой изящная ручка. Среди белых кружев нижней юбки виднелись маленькие стопы босых ножек. Красные башмачки, сброшенные Мари, лежали на узорчатом каменном полу.

Затаив дыхание, Ганс замер, завороженный открывшейся ему картиной. Спящая девочка казалась такой незащищенной и крохотной. Хотелось подойти на цыпочках и укрыть ее курткой... Нет! Не спугнуть, не нарушить хрупкого сна, лишь стоять и любоваться ею...

Но чем дольше Ганс смотрел на спящую, тем больше что-то в том, что он видел, казалось ему странным, неправильным. И вдруг его осенило: свет! Яркий дневной свет — в то время, как за дверью смеркалось. Откуда?.. Мальчишка сделал несколько шагов вперед — и практически уперся в преграду. Сморгнул — и только тут понял, что и освещенная галерея, и кресло, и сама Мари выложены на стене искусной мозаикой. А приглядевшись, увидел, что некоторых фрагментов недостает.

Постоял, любуясь мастерской работой, бережно коснулся краешка платья Мари, прошептал: «Спокойной ночи», и ушел, тихо-тихо прикрыв за собой дверь. К дому он вышел неожиданно быстро и легко, будто дорога вывела его сама. Дома ни словом не обмолвившись о том, где был и что видел, поел и, сказавшись усталым, лег спать.

До самого рассвета летала в его снах невесомая ярко-синяя бабочка.

В день Пятидесятницы Ханна была грустна. После праздничного служения в церкви она пришла домой, поставила на стол тонкие веточки березы в кувшине, села у окошка и тихонько расплакалась. Подбежала испуганная Гертруда, подошел Ганс.

— Ханна, милая, что стряслось? Дочка, что с тобой?

Девушка безутешно рыдала, уткнувшись лицом в сорванную с плеч косынку.

— Хорош слезы лить! — рявкнул из своего угла Якоб. — Праздник, а она тут вой устроила!

— Принеси воды, Ганс, — распорядилась Гертруда, и как только парень отошел, затеребила дочь: — Голубушка, да что с тобой? Ханна, доченька! Смотри в окошко — солнечно, тепло, люди друг другу улыбаются, а ты плачешь... Расскажи, что случилось?

Ханна всхлипнула, отняла руки от лица и воскликнула:

— Какой праздник может быть у бедной Ханны, когда ее милый Людвиг объявил при всех о предстоящей помолвке с Гретхен?.. А о любящей его Ханне он и слышать не желает! Матушка, я во всем ему призналась... а он сказал, что не чета ему дочь пряжи, бесприданница! И теперь никто, никто не может меня утешить! Я никому не нужна, совсем никому!

— Мне! Мне нужна! — закричал Ганс. И вдруг отчетливо понял, что она его не слышит.

Ганс застыл, словно истукан. Все слова утешения, что он искал для нее, вдруг смерзлись в груди тяжелым комом. Ханна, без которой он не помнил ни дня в своей жизни, вдруг сделалась ему чужой. Та, с кем спали в обнимку под одним одеялом морозными зимними ночами, с кем бегали по лужам и мастерили кукол для театра, с кем делили пополам все беды и радости, вдруг исчезла. Перед Гансом плакала совершенно незнакомая девушка, и он не мог заставить себя заговорить с этой незнакомкой. Молча подошел, протянул кружку с водой. Поглядел на покрасневшее от слез красивое, прежде такое родное лицо, провел рукой по темным, аккуратным косам и быстро вышел из дома.

Улица встретила шумом, смехом, празднично одетыми горожанами. Ганса тут же обступили девушки, кто-то надел на него венок из полевых цветов. Затормошили, потянули за собой:

— Ганс, Ганс, идем с нами! Идем кататься на лодках!

Он позволил веселым красавицам увести себя, с головой нырнул в атмосферу радости и праздника. Плясал до вечера в компании сверстников, пил, ел, веселился, шутил... Но внутри было пусто. Перед глазами стояла Ханна — маленькая, тонкая, как церковная свечка, плачущая так безутешно. Сердце Ганса ныло от боли, душа наполнялась ненавистью к белобрысому красавчику Людвигу. А тот, похоже, ничуть не переживал: весь день развлекался в компании друзей и прехорошеньких девиц.

Ганс вернулся к вечеру домой мрачнее тучи. Ханна спала в уголке, и ее личико даже во сне оставалось горестным. Ганс присел на край кровати, погладил девушку по плечу и прошептал:

— Что же я могу сделать для того, чтобы ты была счастлива?.. Хочешь, пойду и утоплю этого подлеца в поилке для свиней? А хочешь, подамся в разбойники, награвлю для тебя денег и куплю тебе королевство?..

Якоб, куривший за столом трубку, грустно усмехнулся.

— Все считают спятившим меня... А в самом деле безумцы — это влюбленные. Они глухи и слепы к любому лечению, к любым речам. Здесь разве что чудо поможет, да и то — не всякое. Не трать слова попусту, Ганс.

— Чудо, говоришь? — парень поднялся с места, расправил плечи. — Будет вам чудо!

Он снял с гвоздя самый красивый свой праздничный кафтан, почистил башмаки, водрузил на голову шляпу и ушел. Якоб посмотрел ему вслед бессмысленным взглядом.

На площадях горели костры, горожане продолжали праздновать. В ночное небо летели колючие оранжевые искры, повсюду слышались нестройные хмельные песни. Ганс вышел к городской ратуше и остановился. Плясало перед глазами веселое рыжее пламя, мелькали пышные женские юбки, кто-то смеялся густым, щедрым басом. Как найти ее сейчас? Куда идти?..

— Здравствуй, жених, — прозвенело за спиной колокольчиком. — Радостного дня Святого Духа. Не меня ли ищешь?

Ганс резко обернулся. Вот и она сама — простоволосая, в венке из березовых веточек, с букетом колокольчиков в руках. Все та же, но платье на ней сегодня попроще: темная суконная юбка, простой белый лиф с узким рукавом, зеленая косынка, брошенная на плечи.

— И тебе радоваться, Мари, — поклонился Ганс. — Тебя искал. Верно.

Девочка смотрела на него и улыбалась одними губами. В больших глазах ее отражались, вспыхивая, сполохи пламени. Ганс протянул ей руку:

— Тебя проводить? Я по пути все расскажу.

— Не надо рассказывать, я все знаю. Счастья хочешь, чуда? Все у меня есть. Только ответь, Ганс, готов ли ты за это отдать то, что у тебя есть? Не торопись. Подумай здесь и сейчас. Готов ли ты платить за свое желание?

— Если Ханна будет по-настоящему счастлива, я отдам все.

Мари погрузнела. Улыбка, играющая на пухлых губках, исчезла.

— Твой отец тоже готов был отдать все за твое рождение, — промолвила она. — Ты хорошо подумал, жених? Не будет ли твое решение поспешным?

— Послушай, Мари, — Ганс присел на корточки, смахнул травинку, приставшую к оборке юбки девочки. — Сколько я живу — меня только пугают тобой. Я не слышал о тебе ничего хорошего. Я не знаю, что ты такое на самом деле и в какой ад попадет после смерти моя душа за то, что я попросил у тебя помощи. Но не будет мне ни радости, ни покоя, если Ханна не будет счастлива. И нет для меня ничего страшнее и больнее, чем видеть ее несчастной. Я прошу тебя о помощи. И свое желание назад не заберу. Какую бы цену ты ни назначила за него.

Мари протянула руку, коснулась блестящей пуговицы на камзоле парня. Бросила ему на колени букет.

— Хорошо. Я приду в полдень следующего воскресенья. Жди меня, Ганс.

Порыв ветра заставил Ганса зажмуриться, а когда он открыл глаза, девочки на площади уже не было.

Неделя прошла. Ханна ходила все такая же печальная и безжизненная. Ганс ждал, молчал, а в воскресенье все честно рассказал домашним.

— Я не хочу быть нечестным перед вами, — сказал он. — Я попросил желания у Мари. Она придет к полудню.

Заохала, запричитала Гертруда, испуганно прикрыла ладошками лицо Ханна. Якоб медленно подошел к сыну, посмотрел в глаза. Сейчас он казался Гансу дряхлым стариком.

— Что ты наделал, Ганс? — прошелестел он. — Ты хоть немного понимаешь, к КОМУ ты обратился за помощью? Ты забыл, что она только ждет момента, чтобы забрать твою душу в адово пекло?

Ганса накрыл ледяной страх. Не перед Мари. Он подумал, чего может лишиться за свое желание. Потерять жизнь — не самое ужасное. Вот оно, самое дорогое: Ханна, отец, Гертруда. Какова она будет, цена счастья? Парень на подкашивающихся ногах добрал до стола, осел на табурет.

Снова заговорил Якоб:

— Гертруда, Ханна, уходите к соседям и не смейте появляться здесь, пока я за вами не приду. Ганс, поднимайся. Если эта дьявольская кукла явится в дом, живой она отсюда не выйдет.

Скрипнула дверь, закрываясь за Гертрудой. Ханна с места даже не двинулась.

— Я кому сказал — пошла к соседям! — загремел Якоб и замахнулся на девушку.

Она с плачем бросилась к Гансу, обняла его.

— Никуда не пойду! И Ганса не отдам, не оставляю! — закричала она.

— Успокойся, все будет хорошо, — беспомощно пробормотал он.

Время шло. Молча курил трубку Якоб. Ганс монотонно гладил по спине прижавшуюся к нему девушку.

«Так странно, — думал он. — Счастье — оно ведь совсем простое. Вот это тепло от ее дыхания, звук ее голоса, запах булочек, что она печет в праздники. Вот для меня счастье — то, что наполняет смыслом и светом каждый день. Все это ничего не стоит, но... никаких денег не хватит, чтобы купить эти ощущения. Выходит, счастье дороже денег? Сколько же оно стоит? И какое оно — счастье для Ханны?..»

— Я боюсь, Ганс... Я так боюсь, что что-то случится с тобой! Она не помнит ни добра, ни зла... она равнодушно забирает то, что ей нужно. А ей нужен ты...

— Не плачь, Ханна. Не плачь.

С улицы донесся бой часов, возвещающий полдень. И тут же раздался негромкий стук медного дверного молоточка. Якоб вытащил из-под лавки топор, подошел к двери, распахнул ее рывком.

На пороге стояла Мари в темно-синем платье — в том самом, в котором Ганс видел ее изображение на мозаике. Пшеничными локонами поигрывал легкий ветерок. Девочка улыбалась уголками рта.

— Здравствуй, Якоб, — прозвенело нежным колокольчиком. — Я пришла к твоему сыну. Договор.

Зеркальщик загородил собой дверной проем, склонился к лицу гостьи.

— Видишь этот топор, Мари? Если ты переступишь порог, я одним махом снесу тебе голову.

Мари улыбалась.

— Зеркальщик Якоб, дай мне войти. Страх настолько пожрал твой разум и подчинил себе волю, что ты не сможешь даже коснуться меня. Я пришла не к тебе. И не с тобой буду говорить.

Ганс с ужасом смотрел, как разжимаются пальцы отца, падает на крыльцо топор, а сам Якоб с белым, как мел, лицом пропускает Мари в дом и, пошатываясь, входит следом. Мелькнуло перед глазами воспоминание из детства: разлетающееся сочными брызгами спелое яблоко, солнце, играющее на стрелках часов кирхи. И тут же — безумная пляска Петера, пляска марионетки в маленьких руках смеющейся Мари.

— Доброго дня тебе, Ханна. Здравствуй, Ганс. Я пришла сдержать обещание. Сдержишь ли ты свое? — ее звенящий голос заполнил комнату.

Ханна вцепилась в плечо Ганса так, что стало больно. Парень одной рукой прижал ее к себе, другой вежливо указал гостье на табурет у окна.

— Присаживайся, Мари. Я тебя ждал. Слово сдержу.

— Ты уже знаешь, что я возьму за желание? — она снова улыбалась.

Ганс пожал плечами. Откуда ж ему знать...

— Во сколько ты оцениваешь счастье для Ханны, скажи?

— Дорого, — безжизненным голосом произнес парень. — Бери. Какова бы не была цена — оно того стоит, Мари.

Гостья взобралась на табурет, уселась, покачивая ножками в алых башмачках. Провела пальчиком по стеклу. Откуда-то прилетела божья коровка, опустилась на ладонь Мари — как маленькая капелька крови. С улицы доносились голоса прохожих, прогрохотала по мостовой повозка.

— Что тебе надо, Мари? — глухо спросил Якоб.

— То, что кому-то нужно, — ответила девочка.

— Хватит загадок! — закричала вдруг Ханна. — Я знаю, чего ты хочешь, зачем пришла! Я тебе его не отдам! Мари, я перебиваю желание!

— Ханна, нет! — ахнул Ганс.

Мари подняла руку, призывая к тишине.

— Стоп. Ханна, желание было загадано. И сделка заключена. Ганс согласился с моими условиями. Ты не можешь перебить его желание, потому что сама не знаешь, чего хочешь. И тем более не знаешь, чего хочу я.

Она больше не улыбалась. Подошла к бледным от страха Гансу и Ханне, посмотрела на них серьезно и печально. Долго молчала, потом проговорила:

— Ганс, ты просил для нее счастья. А это — ты сам. Она поняла это сегодня, хотя знала всегда. Пусть так и будет.

Что-то упало в глубине комнаты и покатилося, гремя, по полу. Мари нагнулась и подняла старую игрушку Ганса, сделанную когда-то

Якобом, — калейдоскоп. Перекатывались внутри цветные стеклышки, раз за разом создавая новые, неповторимые узоры. Мари молча прижала калейдоскоп к груди и выбежала из дома.

И стало тихо-тихо. Казалось, замерла даже живущая своей жизнью улица. Лишь горячий солнечный свет лился в дом через распахнутую дверь. Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Ханна тихонечко спросила:

— Все кончилось, да?

Якоб кивнул и подсел к окну набивать очередную трубку. Девушка поднялась на цыпочки и прижалась губами к щеке Ганса. Он зарылся носом в пахнущие летним теплом волосы Ханны и закрыл глаза.

Спасибо, Мари...

Прошло несколько дней, жизнь шла своим ходом. Одна лишь мысль не давала Гансу покоя, и сны его были грустны, как осеннее небо. Хотелось увидеть Мари. Еще раз. Обязательно.

И вот, доставив адресату последнее поручение герра Леманна, Ганс пошел в ту часть города, где ютилась в сырых ветхих домишках беднота. Он очень удивился, когда без труда нашел тот самый переулок, заканчивающийся покосившейся дверью в грязном тупике. Тихо скрипнули несмазанные петли.

Все так же спала в своем кресле маленькая девочка. Лилась на узорчатый пол яркий свет из окон за колоннами. И все фрагменты мозаики были теперь на своих местах.

— Здравствуй, Мари, — негромко сказал Ганс. И понял, что не знает, что говорить.

Подождал ближе, бережно коснулся ладонью мозаики. Почувствовал странное тепло — будто тонкое стекло, словно одежда, скрывало живое существо. И это существо по ту сторону прижалось к ладони Ганса доверчиво и нежно.

— Я хотел просто сказать тебе спасибо.

И на глазах изумленного Ганса тонкие линии, отделяющие друг от друга элементы мозаики, вдруг задрожали... и исчезли. Мари чуть шевельнулась и улыбнулась во сне. Ганс мысленно попрощался и ушел на цыпочках, боясь разбудить девочку.

Через несколько дней пожар полностью уничтожил бедняцкие выселки на краю города. Огонь чудом не унес с собой ни одной человеческой жизни.

Мари с тех пор не встречал никто. Лишь редко-редко тревожил сны Ганса звонкий девичий смех и удаляющийся звук каблучков бегущей по мостовой странной сказки в красных башмачках.

14—28.04.2009 г.

РУСЛАН РЮМИН

ДЕНЬ ШАНГА

Вперед, назад, вперед, назад... Тряпка раз за разом скользит по гладкому каменному полу в терминале космопорта Шартари.

Это движение — практически вся моя сознательная жизнь. Оно мне снится и изучено до мельчайших деталей. Швабра давно стала продолжением моих рук, как у воинов их оружие.

Я невольно вздрогнул при этой кощунственной мысли. Выскажи ее вслух, и первый услышавший воин-юнец тут же воткнул бы мне меч в сердце.

А может, и не воткнул бы (марать оружие в крови шанга, как же!), а попросту свернул шею.

За окном ступила ночь, и я снова поприветствовал ее, как старую знакомую. Я не перестаю радоваться в такие моменты, что работаю не в подземном городе, а на внешних террасах, и хотя бы могу видеть небо со звездами. Говорят, на других планетах есть ночные светила-спутники, но мне кажется, что они бы своим светом испортили прекрасный узор созвездий над джунглями.

Надо сказать, города моей расы практически не выходят на поверхность, покрытую зеленым буйством, и только здесь, на склонах гор, есть обзорные террасы и пути подвесных дорог.

Швабра с чавкающим звуком погружается в мутноватую воду, потом вылезает и плюхается на пол. И снова — вперед, назад, вперед, назад...

Тело все делает само. Я думаю о своем, а руки совершают заученные движения, ноги переходят с места на место, а хвост передвигает ведро.

Я люблю ночные уборки: никого нет, никто не пихается и не орет на одинокого шанга, который просто делает свою работу. Есть только я, небо и звуки ночи, доносящиеся в открытое окно.

С улицы изредка доносится рокот, и вскоре после этого над горами поднимается пламенеющая громада космического грузовика. Ревя плазменными двигателями, он уносит с Шартари груз фруктов или минералов — товаров, что рипторы посылают на экспорт, помимо услуг воинов и наемных убийц.

Я иногда смотрю на звезды и думаю: а каково там? Я видел инопланетян не единожды, в нашем веке это неизбежно, но как они живут, чем занимаются, все это было недоступно мне, простому шангу.

Но ничего уже не приносило облегчения — ни ночь, ни с великим трудом добытая книга о подвигах инопланетных героев, ни подсмотренная через плечи малышни передача про другие миры. Моя жизнь стала настолько ужасной, что я стал близок к тому, чтобы искать смерти.

Меня постиг рок любви.

И, к моему ужасу, влюбился я в великую воительницу из касты сардаур.

Конечно же, я ничего ей не сказал. Мой идеал наверняка за подобные слова убил бы меня на месте.

Рипторы испокон веков разделены на касты, подчиненные строжайшей иерархии. И только для воинов возможен переход из одной касты в другую за заслуги или, наоборот, провинности. Сардаур, Гарзак, Шэрго, Сээри — все они бесконечно выше любого шанга. Ибо сам вид низшей касты отличен от любого, даже самого слабого риптора.

Мы куда мельче рипторов, тоньше в кости, неуклюжие и хладнокровные. Не имеем никаких прав с рождения и являемся собственностью своих хозяев-воинов. По мнению самих рипторов, шанги — признак вырождения, посланного на расу за прошлые деяния, повлекшие раскол на кланы.

И очевидно, что мои чувства не найдут отклика в сердце великой Ши-Арун, сардауры, командира десанта с линкора под торжественным и красивым названием «Хранитель Тингриэль».

Я осмеливался лишь на дозволенную мне малость — изредка лицезреть ее в вестибюле космопорта.

Вперед-назад, вперед-назад... Запахи мыла и хлорки, всегда чуть влажный воздух, сопровождающий меня.

Мои ладони загребели в тех местах, где их много лет касается деревянная швабра: в этой области технологий рипторы не продвинулись ни на йоту с тех самых пор, как построили первый город. Да и зачем облегчать жизнь каким-то шангам? Ведь их труд — бесплатный...

Я сделал свою работу до полуночи, и теперь у меня появилось свободное время. Обычно мои сородичи-шанги в такое время попросту спят, утомленные непосильным трудом. Но я, преодолевая усталость, сел на край открытого окна и уставился на своих лучших друзей — на звезды.

— Доброй ночи, — поздоровался я со светилами иных миров, и мне в ответ подмигнули несколько.

Мой взгляд упирался в черноту Космоса, что нависала над джунглями Шартари, я вполголоса говорил, изливая душу и рассказывая о себе. Увы, мои рассказы были день ото дня похожи один на другой, также как были похожи мои серые бесконечные будни...

Неожиданно мое уединение со звездами было прервано тихими голосами, переговаривающимися ниже этажом:

— Ши-Арун, сардаура, — произнес первый голос, — живет здесь. Сегодня она умрет.

— Как скажете, высокий гарзак, — отвечал ему второй. — К чести Черной Луны будет забрана эта жизнь...

Я похолодел. Со слов рипторов я понял, что это были убийцы клана Ночи — самого таинственного и страшного на Шартари. Его воины унаследовали от предков возможность превращаться в Тень: плоский черный силуэт, способный быть невидимым в темноте и почти для любых приборов, а также проникать в узкие щели.

Например, под дверь комнаты мирно спящего капитана Ши-Арун...

Я лихорадочно соображал. Против воинов у меня не было никаких шансов: оба они потратили на обучение своему искусству многие годы, а я лишь мог изредка видеть упражнения учеников. Они наверняка были вооружены, а у меня в наличии была лишь швабра, ведро и моющие средства.

И они собирались убивать.

Моя возлюбленная принадлежала к клану Огня, одному из самых могущественных на нашей планете, но если убийцы застанут ее врасплох, то ни огненный плащ, ни пламенное прикосновение не помогут ей в борьбе с невидимыми убийцами.

Я подхватил инвентарь и побежал к лифтам. Вызвав все три, я сел лишь во второй и спустился на уровень вниз, где слышал голоса. Я понимал, что, скорее всего, направляюсь навстречу смерти — убийцы, не раздумывая, уберут попавшегося под руку шанга с дороги.

Но жизнь без Ши-Арун не имела для меня смысла.

Когда створки разъехались, я увидел не черный силуэт своей смерти, а обычный зал, как две капли воды похожий на «мой».

С той лишь разницей, что у колонны в луже крови, смешавшейся с мыльной водой, лежал шанг-уборщик, такой же, как я.

Я, гремя ведром, бросился по коридору туда, где располагалась временная резиденция капитана Ши-Арун.

А еще там была кнопка тревоги, и если я до нее доберусь, то убийцы наверняка попадутся проснувшимся воинам.

Свернув в одно из ответвлений, я увидел, что дверь в комнату Ши-Арун открыта, и оттуда доносится звон оружия.

У меня на сердце потеплело: уж если сардаура сопротивляется, то, по меньшей мере, ее не застали спящей...

В коридор вдруг выпрыгнула обнаженная Ши-Арун с тихо гудящим виброромечом в руке. Я от открывшейся мне картины на мгновение остолбенел, но в чувство меня привели две черные тени, ринувшиеся следом за воином.

Замелькали клинки, причем с такой скоростью, что мои глаза видели лишь гудящие дути, отбрасывающие блики от ламп дежурного освещения.

Было видно, что моей возлюбленной приходится несладко: оба Ночных риптора были мастерами своего дела, к тому же Ши-Арун успела спросонья схватить лишь длинный меч, в то время как убийцы использовали весь богатый арсенал: махали клинками, швырялись сюрикенами и кинжалами,

один даже выхватил бластер — бесчестное оружие, убивающее световым лучом. Правда, его Ши-Арун почти сразу разрубила вибромечом, оставив в руках Ночного только бесполезную рукоятку.

Я, едва соображая, что делаю, размахнулся и запустил в убийц ведром. Разбрызгивая грязную и мыльную воду, мой импровизированный снаряд был отбит мимолетным движением, но нога Ночного вдруг поскользнулась на мыле, и тот с коротким ругательством упал. В следующее мгновение меч Ши-Арун привоздил риптора к полу. Второй же убийца, превратившись в черный силуэт, рванулся было в спасительную тень подальше от взгляда сардауры, но я успел криком предупредить ее о таящейся опасности, и спустя полминуты второй убийца отправился вслед за первым.

Ши-Арун убедилась в смерти врагов, и лишь только после этого подошла ко мне. Я, вовремя вспомнив о своем статусе, тут же рухнул на колени и поджал хвост в знак своей покорности.

— Встань, шанг, — сказала Ши-Арун, и я выпрямился.

Моя возлюбленная стояла передо мной нагая, но держалась так, будто на ней был полный боевой доспех. На ее мече все еще был виден след крови Ночного риптора, а вдоль бедра тянулся неглубокий порез — след от вражеского клинка.

— Будь ты воинном, ты был бы возвышен за то, что помог мне в бою с убийцами, — сказала тем временем Ши-Арун, — но ты — презренный шанг и не можешь быть воинном. Однако, учитывая все произошедшее, я в долгу у тебя и должна отдать тебе то, что ты попросишь. Говори.

Я поднял глаза. Воин сардаур мог многое. Например, возвысить молодого сээри вплоть до гарзака, или, скажем, даровать шангу свободу. Правда я, как и все мои сородичи, не представлял, что мне с этой свободой делать.

— Ну, говори же, шанг, — поторопила меня Ши-Арун.

— Я... я... Позволь, госпожа, лицезреть тебя, как и прежде.

Я склонил голову и подавил желание снова опуститься на колени. Дерзость, произнесенная мной, могла стать моим смертным приговором в любую минуту.

Сардаура удивленно посмотрела на меня.

— И это все? Ты, шанг, мог бы стать свободным или даже просить мое тело на эту ночь, и я, по Кодексу, не могла бы тебе отказать...

И впрямь, браки между рипторами и шангами хотя и возможны биологически, но запрещены. Тем не менее, долг Чести для риптора стоит выше закона.

— Но в таком случае, госпожа, ты убила бы себя, — тихо проговорил я.

— Конечно. Что может быть позорнее, чем объятия шанга, от которых никогда не родятся воины, а только рабы? Мой меч прервал бы твою жизнь, а затем смысл бы и мое бесчестие.

Я молча склонил голову. Воительница была права от начала и до конца. Я мог просить о чем угодно, и она не отказала бы. Но я не желал

возлюбленной такой судьбы. Хуже смерти для риптора только смерть с позором, ибо в таком случае воин не мог восстановить погрязшую честь, и проклятие ложится на род.

Объятия шанга — худшее, что может случиться с благородной сардаурой. И смыть такой позор может только последняя кровь.

— Идем, — сказала Ши-Арун и направилась в свою комнату. Ни на тела убитых, ни на мертвого уборщика она больше не обращала внимания.

Я покорно поплелся за ней, семена короткими кривыми ногами. Надо сказать, я не доставал сардауре и до плеча, и вообще был размером с младшего подростка воинских каст.

Когда дверь комнаты за мной закрылась, я бросил мимолетный взгляд на возлюбленную.

Та, ничуть не смущаясь наготы, протерла рану медсалфеткой и положила на место у кровати вибромеч. Еще бы, любой шанг значит не больше, чем простой предмет мебели. После этого показала мне на дальний угол комнаты:

— Ложись там и спи. Или не спи, а «лицезри» меня, коли нравится. А я должна решить, что с тобой делать, благородный шанг, спасший меня и от смерти, и от позора.

С этими словами она легла на тахту, и не прошло и трети минуты, как ее сморил глубокий сон. Словно и не было ночного покушения, а в комнате не находился шанг-уборщик, у которого она даже не удосужилась спросить имя.

Я уселся на циновку и начал любоваться своей госпожой.

Ее мускулистое тело даже во сне было грациозно, от кончика хвоста до вытянутой вперед морды и мощной челюсти. Покрывающая ее изумрудно-зеленая чешуя чуть поблескивала в свете ночной лампы, а когти на руках и ногах отполированы и подкрашены малиновым.

По скуле, спускаясь на шею, вилась огненная татуировка, имевшая, помимо всего прочего, сакральный смысл, а на лбу переливался живым огнем знак Клана — средоточие мистической мощности любого риптора. У Ночных на этом месте был черный круг — символ Черной Луны, у клана Урагана — молния, у клана Шторма — синий круг, у Камня — серый кристалл. Были еще кланы, но мощь их намного уступала этим пяти, и я о них почти ничего не знал.

Я вздохнул в немом восхищении. Никогда мне не стать даже отдаленно похожим на нее или любого другого воина: рипторы делятся на воинов и рабов самой природой, и тут ничего, абсолютно ничего не поделать...

Под утро меня все же сморило, сказалась усталость за день и полночи уборки. Но шангам не нужно много спать — за годы работы у нас вырабатывается норма в два-три часа, которой обычно хватает.

А разбудил меня рассветный луч, коснувшийся сомкнутых век. Я открыл глаза и увидел, что моя госпожа уже проснулась и лежит, смотря в потолок.

— Если хочешь, я сделаю тебя своим мис-таах, — сказала она, едва я шевельнулся. — Ты будешь сопровождать меня в бою с огнестрельным оружием и прикроешь мое тело от вражеских выстрелов.

Я нервно глотнул.

Конечно же, любой шанг с детства слышал о том, что остальные расы редко доводят битвы до рукопашной схватки. Обычно чужое оружие могло поражать на расстоянии, но такие расы презирались рипторами. Техника сделала их слабыми и трусливыми, но все же позволяла им спорить в бою даже с лучшими рипторами.

И тогда появились мис-таах.

Шангам выдавалось похожее оружие трусов, и каждый воин получал возможность под прикрытием их огня добраться до врага.

А один риптор во вражеских рядах или окопах — это смерть десятков или даже сотен стрелков...

Были, конечно, исключения среди чужаков, гордые и стремительные суурги, яростные даглаарийцы и даже некоторые гладкокожие гуманоиды вроде упрямых и выносливых шаани.

Но в службе мис-таах для шанга было мало приятного: гибли такие солдаты сотнями и тысячами, но это даже не считалось за потери. Шангов много, а выжившие получают знак ветерана таах-шо и будут командовать себе подобными...

— Отвечай же, — сказала тем временем Ши-Арун, удостоив меня взглядом. — Хочешь ли ты взять оружие в руки и воевать рядом со мной? Это большее, что я могу сделать для тебя, маленький уборщик.

— Я... согласен... — прошептал я, подводя черту под своей прежней жизнью.

— Вперед, мис-таах, вам что, вздумалось жить вечно?!

— За Ши-Арун! — разносится в горящем воздухе мой крик. Выкрикнув имя возлюбленной в первый раз, я с удивлением услышал, как меня поддерживал сперва взвод, а затем и вся идущая в атаку рота мис-таах.

— За Ши-Арун! — подхватывает еще сотня глоток.

И снова земля дрожит от топота бесчисленных пехотинцев.

И снова заходятся ревом на другой стороне автопушки хессеров, дальних родичей рипторов, но не унаследовавших от Древних Хранителей ничего, а возвышающихся на пьедестал деньги, власть и низменные удовольствия...

И воюют они тоже за деньги.

От нескольких домов к бегущим шангам протянулись трассеры, собирая кровавую дань. Легкий нагрудник и шлем не спасают от разрывных снарядов, каждый из которых оставляет после себя двух, а то и трех мертвых шангов.

Но наши смерти не напрасны. По крышам полуразрушенных домов скользят пламенеющие силуэты — Ши-Арун и ее воины идут, чтобы взять жизни врагов, увлеченных истреблением мис-таах.

На забрало брызнуло кровью: идущего рядом шанга разорвало на куски. Наш огонь не причинял импровизированным укреплениям хессеров видимого вреда, но это не имело значения: когда дело дойдет до рипторов, враги даже не успеют понять, что же их убило.

И точно — вот уже замолчала первая автопушка, а огненный демон с мечом рванулся дальше. Так быстро, что глаз едва успевает выхватывать размытый силуэт из сплошного мельтешения частей тел, оружия, огня...

Когда мис-таах все же добежали до вражеских позиций, из живых там были только рипторы.

Я склонился перед Ши-Арун, что в окровавленной броне возвышалась передо мной:

— Госпожа моя, все сделано, как ты велела.

О потерях я не докладывал: это дело не благородной сардауры — выслушивать о мертвых шангах.

— Вижу. Ты, как всегда, храбр и силен, мой верный таах-шо.

Обычно после такой похвалы следует приказ подняться, но сегодня благородный воин медлила.

— Сегодня я хочу, чтобы ты назвал мне свое имя, шанг, — вдруг сказала она.

Я помедлил, прежде чем ответить:

— Мое имя Сулш, госпожа.

— Возьми вот это, — велела Ши-Арун, и я поднял взгляд. В руке сардауры матово поблескивал... Нет, не меч, как мне вначале показалось, а укиру — кинжал с широким лезвием, оружие детей и подростков до инициации.

Рукоятка удобно легла в ладонь, индикаторы зажглись зеленым: системы виброрезвия работали нормально.

— Благодарю, госпожа моя, — я поклонился.

Зачем она дала мне оружие именно сейчас, я не знал и не осмелился спросить.

— Иди же, и не заставляй меня пожалеть о своем решении, — произнесла тем временем Ши-Арун, после чего развернулась и направилась к командному транспортнику.

В кампании на Шлооме погибло более ста тысяч шангов, и только дюжина рипторов. Хессеров же с обеих сторон практически не осталось. В конце кампании эти трусы начали бомбить города враждебных кланов ядерным оружием, и вскоре Шлоом из развитой планеты начал превращаться в радиоактивную пустыню с оплавленными руинами.

Еще одна планета становилась мертвым миром в горниле бесконечной войны корпораций Сэлта, и армия наемников покидала систему.

Грузились в транспортные корабли рипторы и шанги, заезжала немногочисленная техника, в небе кружили истребители конвоя.

Остовы городских зданий высились вокруг космопорта, подобно скрюченным деревьям и грибам мертвого леса. Отсветы пламени бросали

пляшущие тени на бетонную полосу, и я про себя удивлялся: что еще там могло гореть после вчерашней бомбардировки?

Корабли уже поднялись над землей, когда это произошло. В иллюминаторы хлынул ослепительный свет, а в следующий миг гром небесный поразил нас.

Ракета, миновав на бреющем полете прикрытие, ударила в космопорт ядерным молотом.

Нам повезло: корабли стартовали с самого края необъятного поля, предназначенного для посадки гравилетов-крейсеров.

Но даже на расстоянии многих километров транспорты, защищенные силовыми щитами, раскидало, словно бабочек по ветру, истребители же попросту испарились.

Но в тот момент меня мало интересовала судьба истребителей. Наш корабль кувыркался и разваливался прямо на ходу, от грохота все мгновенно оглохли. Сквозь гром термоядерного взрыва не было слышно ни криков, ни скрежета металла...

Не знаю, сколько времени прошло, но когда я очнулся, то обнаружил вокруг себя нагромождения искореженного металла, а в руке — намертво зажатый укиру.

Внутришлемный датчик горел тревожно-оранжевым: окружающая среда пригодна для дыхания и жизни, но смертельно заражена. Означать это могло только одно: хессеры использовали «грязную» бомбу, превратившую и без того разрушенный город в радиоактивный ад.

При помощи укиру я прорубился на поверхность, где передо мной предстала удручающая картина: оплавленные камни и фундаменты зданий (ни одной вертикальной стены попросту не осталось), на месте взлетного поля — зияющая дыра стеклянного кратера. Даже фильтрованный шлем-маской воздух огнем обжигал горло. Пыль, дым и пепел скрывали солнце.

От транспортов же остались лишь искореженные горы металлолома. Как от первого, полного храбрых воителей Огня, так и от трех других, в которых везли технику и мис-таах.

Отчаянию моему не было предела. В одно мгновение бесцельным оружием был уничтожен целый таоро — большая военная единица Шартари в без малого пятьсот рипторов и несколько десятков тысяч шангов.

Случайно наткнувшись на остатки медотсека, я нашел персональный пакет-стимулятор, в котором оказалась доза антирада, препарата, изгоняющего из крови нуклиды. Пластиковая коробочка заужжала, впрыскивая в организм сложный препарат, придуманный за тысячи световых лет отсюда, на планете людей под названием Земля.

Я долго бродил в поисках выживших, но в лучшем случае наткнулся на скрюченные тела умерших шангов — пепел, висящий в воздухе, был пылью радиоактивной смерти. Мне еще повезло, что под руку попался антирад, иначе смерть моя стала бы столь же быстрой и мучительной.

Через час с небольшим я забрался на гору металла, в которой с трудом угадывался главный транспорт. Несколько раз я чуть не провалился в огненные ловушки, скрытые тонким слоем обломков, расцарапал руку и разбил наשלменную лампу. Но я упорно надеялся найти выживших. Хоть кого-нибудь.

Мой укиро сослужил добрую службу: я вырезал дверь наиболее целого шлюза и проник внутрь. Конечно, надежды найти Ши-Арун не было: судьба просто не сделает второй величайший подарок, после того как оставила меня в живых.

Мне попадались только трупы: если кто и выжил после взрыва, то погиб в течение нескольких минут после взрыва, получив смертельную дозу.

В пылающий отсек рипторов я не пошел: в этом море огня мог выжить только истинный риптор нашего клана, и то недолго — боевой режим пламенеющего воина сильно истощает организм.

Но едва я собрался уйти из пышущего жаром коридора, как боковая дверь вылетела от удара ноги, и в коридор вплыл огромный факел золотого пламени — огненный демон, пришедший за душами смертных... Воин Огненного клана.

Едва риптор вышел в коридор, огонь начал опадать, и вскоре сквозь красные языки проступили очертания Ши-Арун.

Я понял, что судьба вела меня все это время. Сюда, на Шлоом, затем по радиоактивным обломкам в транспорт...

— Сулш... — прохрипела сардаура, после чего осела на пол, так и не выпустив из руки меч.

Я подбежал к ней, на ходу доставая стимпакет. Устройство, едва коснулось кожи сардауры, тревожно загудело: лечения препаратами было недостаточно.

Едва аптечка опустела, я взвалил на себя потерявшую сознание сардауру и поволок наружу. Без своей огненной вуали Ши-Арун стала уязвимой для огня точно так же, как и я.

Не для того судьба свела нас вместе в этой ужасной катастрофе, чтобы теперь сгореть заживо внутри горы обломков.

Первые шаги я почти не замечал тяжести воина, затем пришлось снизить темп: сардаура весила почти в полтора раза больше меня, да еще прибавляла забот броня и оружие. Как ее, так и мои. Бросить же что-либо означало потерять время, да и не хотелось оставаться без защиты на враждебной планете.

Самый опасный участок пути начался, как только я начал спускать сардауру с горы металлолома, в который превратился космический корабль.

Трижды я падал, дважды едва не покатился вниз вместе со своей драгоценной ношей, но, к счастью, все обошлось. Я буквально рухнул на твердую почву, подняв облачко черного пепла, понимая, что не сделаю больше ни шага, пока не отдохну.

Но тут Ши-Арун шевельнулась.

— Сулш... — снова тихо позвала она.

Я наклонился к самому лицу, чтобы лучше слышать.

— Я здесь, госпожа.

Мой голос звучал глухо из-под шлем-маски, но она поняла.

— Пеленгатор... на поясе... За городом есть... резервная зона эвакуации...

Не дождавшись моего ответа, сардаура снова потеряла сознание. Рипторы — крепкий народ. От человека, к примеру, в подобной катастрофе остался бы лишь бесформенный кусок плоти. Ши-Арун же имела реальные шансы отлежаться, если, конечно, удастся выбраться из зоны заражения.

После пятиминутного поиска я нашел на ее поясе небольшой прибор с экраном. Простейший пеленгатор заранее заданной точки, указывающий направление и расстояние.

По всему выходило около ста километров.

По прямой, через эпицентр взрыва. Верная смерть даже с антирадом в крови, да и я еще не выучился летать, чтобы перепрыгнуть воронку глубиной в пару километров.

По дуге, стало быть, больше раза в полтора, а то и в два.

Но там — спасение. И мое, и Ши-Арун.

Рассиживаться было нечего: аптечка опустела, а отдых среди радиационного потока приведет скорее к смерти, чем к восстановлению сил.

Я проверил оружие, с помощью найденной проволоки и пары бронепластовых обломков сделал волокушу, на которую положил бесчувственную Ши-Арун.

Так начался мой путь через преисподнюю: под радиоактивным суховеєм, без воды и пищи, с нелегким грузом за спиной.

— За Ши-Арун, — шептал я время от времени, словно заклинание, и, казалось, навсегда покинувшие меня силы вновь прибывали.

Шаг за шагом.левой, правой. Облачка пыли из-под ботинок. Шорох волокуши за спиной. Однообразная и тяжелая работа, привычная для каждого шанга.

Швабра движется вперед и назад... Звезды за окном, свежий и прохладный воздух ночных джунглей...

— За Ши-Арун...

Не помню, когда потерял винтовку. Может, просто бросил, чтобы не тащить лишний груз. Укиру я положил на волокушу рядом с возлюбленной, чтобы не мешался.

Шаг. Еще шаг. Писк пеленгатора. Периодически подношу его к слезящимся глазам, чтобы не сбиться с пути.

Шлем-маска не спасает от дисперсной пыли, пробивающейся даже сквозь фильтры. Глаза жжет...

Пил воду, тщательно разогнав с поверхности пепел. Конечно,

зараженную, но другого выхода просто нет — фляга потерялась еще в транспорте, а в горло словно засунули моток колючей проволоки.

Потом снял шлем: из-за забившихся фильтров стало трудно дышать. Пыльный воздух обжег горло, но осталось уже немного, чуть больше двадцати километров.

Не помню, как шел дальше. По пеленгатору или по наитию. Только пересохшие губы все шептали имя сардауры, а ноги раз за разом опускались на покрытый пеплом грунт.

В голове мутилось, глаза забило пылью и какими-то выделениями. Потом, уже на другой стороне космодрома, вырвало. Очевидно, радиация добралась-таки до меня.

Когда-то здесь был лес. Зеленый, буйный, полный жизни. Теперь — лишь пепелище да обгоревшие скелеты стволов.

Пепел от взрыва давно отнесло ночным ветром, а прошедший дождь прибил к земле пыль. А после наступила давящая тишина. Безмолвие мертвого мира, принесенного в жертву амбициям корпораций Сэлта.

Ни птиц, ни насекомых, ни шума листвы: деревья стояли голые и обгоревшие, и не было здесь ни одного существа, что нарушило бы тишину. И даже ветер дул как-то осторожно, будто боясь качнуть мертвые ветви...

Вытащив на обугленный пригорок свою ношу, я протер глаза и попытался осмотреться. Пеленгатор показывал, что зона высадки находится в пределах километра. Действительно, на бывшей поляне лежало несколько ящиков и брошенных агрегатов, но никаких признаков челнока не наблюдалось.

— Пилоты, — прохрипел я, и сам удивился, насколько чужим стал голос.

Зоб распух, а язык потерял чувствительность и еле ворочался — верный признак облучения.

— Не двигаться! — прозвучало сбоку, и я медленно поднял руки.

В моем нынешнем состоянии я не справился бы и с шангом-недорослем.

Рядом раздались шаги, и в поле зрения появился молодой риптор в скафандре пилота. На шлеме поблескивало клеймо касты сээри — низайших из рипторов, но все же стоящих невообразимо выше любых шангов. Получившие на Испытании знак сээри становились водителями, медиками, снабженцами, учеными, инженерами, в общем, гражданскими специалистами высшего и среднего звена. Пилотами кораблей, например.

Риптор направлял на меня бластер, хотя на поясе висел короткий меч. Странно. Если бы принял меня за хессера, зарезал бы, не окликаая, а если нет, для угрозы воспользовался бы клинком: слава рипторов как бойцов холодным оружием утвердилась самая пугающая.

Видимо, он просто не видел моих знаков отличия на испарпанной и грязной броне.

— Кто ты такой?

— Сулш, таах-шо. Клан Огня.

— А на волокуше кто?
— Высокая Ши-Арун, сардаура. Клан Огня.
Бластер опустился.
— Живая? — спросил сээри.
— Не знаю... — прохрипел я.
— Выжившие, кроме тебя, есть? Видел?

Я сделал отрицательный жест. Риптор не поднимал забрала, что было мудро с его стороны: радиация после дождя хотя и спала, но все же оставалась опасной для большинства живых существ.

Сила в ногах куда-то делась, и я опустился на колени. В голове мутилось, а в зобу, казалось, раздулся восковой шар.

Я дошел.

Здесь свои. Рипторы.

Мутным взглядом я проследил за пилотом. Он рванулся к нагромождению камней возле самых деревьев, на ходу отключая голограмму, скрывающую челнок.

— Тащи ее на корабль! — крикнул сээри, забегая в кабину.

Я нашел в себе силы подняться.

Последние шаги оказались самыми тяжелыми — ноги стали словно ватными, а волокуша показалась вдвое тяжелее, чем в начале пути. Волнами накатывала дурнота.

Едва я зашел в десантный отсек, послышался звук закрывающегося люка и нарастающий гул двигателей. Видимо, у сээри был приказ ждать только рипторов, а шанги даже если и выжили, их эвакуация не стоила затрат топлива. Это меня взяли за компанию с Ши-Арун. Впрочем, причиной могло быть то, что сардауре требовалась срочная помощь медиков.

Я прилег на лавку, где смог бы разместиться целый взвод мис-таах. Глаза неудержимо слипались: безумная усталость и без малого трое суток без сна делали свое дело...

— За Ши-Арун... — прошептал я и закрыл глаза.

Огонь... огонь во тьме.

Янтарные глаза возникают передо мной, в них отражаются языки пламени.

В голове всплывает имя, словно сказанное низким голосом: «Гингриэль Золотая».

Хранительница говорит, но не словами, а образами.

И потоки огня, входящего в меня.

Он проникает в меня.

Обжигает.

Наполняет меня.

Боль приходит одновременно с наслаждением, в груди разгорается жаркое пламя...

—...Он очнулся, высокая сардаура, — услышал я дребезжащий голос кибермеха-медика. — После произнесения им сакрального имени Хранительницы Тингриэль в организме инициировались процессы, характерные для взрослого риптора.

— Шанга, — голос моей любимой.

— Я не оговорился, высокая сардаура. Риптора, не шанга. Если обратить внимание...

— Заткнись.

Я открыл глаза.

Ши-Арун стояла рядом с медиком перед экраном медкомпьютера, а я лежал на койке медбота, увитый шангами и проводами датчиков.

Врач снова подал голос:

— Не знаю, что и думать. Если бы мои глаза не видели шанга, я бы решил, что в медотсеке лежит риптор.

— Хочешь сказать, медик, что в шанге зажегся Пламень? Ты в своем уме, киборг?

— Проверьте сами, высокая сардаура.

Ши-Арун подошла к кровати и посмотрела мне в глаза.

— Ты выжил, Сулц, и не только. Если только это не поломка медкомпьютера, то пересмотру может подвергнуться вся социальная доктрина рипторов.

Я вздрогнул. Ши-Арун так спокойно говорила об этом, будто рипторы меняют свои обычаи по десять раз в год, а небо периодически рушится на Шартари.

— Вставай.

Я повиновался, но сказать было проще, чем сделать: пока я возился с проводами и шангами медбота, прошло несколько растянувшихся минут. Врач и не подумал мне помочь — отошел куда-то к автодиагностам и делал вид, будто очень занят. Ну и ладно.

Едва последний шанг был отброшен, я поспешил было припасть к ногам своей госпожи, но меня остановил ее голос:

— Нет. Не сейчас. Ты пойдешь со мной, и если все сделаешь верно, то будешь смотреть мне в глаза. Понял?

— Да, госпожа, — прохрипел я, слыша дикое биение собственного сердца.

Все еще слабый после лечения, я старался не отстать от широко шагающей сардауры. Голова кружилась, перед глазами гуляли разноцветные круги, будто я поднял непосильную ношу.

Но все это отошло на второй план, когда я понял, куда меня ведет Ши-Арун.

Алтарь Пламени.

Место последнего этапа инициации воинов, где после ритуала Испытания каждому прошедшему строгий отбор наносят священные рисунки, после чего риптор получает возможность управлять сакральной силой клана.

И шанга могли туда привести только для одного — чтобы напоить свежей кровью священный алтарь.

У меня чуть не подкосились ноги. А я-то уж навоображал себе...

Но когда мы вошли в освещенный факелами зал, тот оказался пуст. Ни жрецов, ни рипторов. И сардаура не приказала мне лечь обнаженным на раскаленную плиту алтаря.

Ши-Арун показала мечом на круг перед статуей Хранителя клана — великого дракона, Пламенеющего Пироларгуса.

— На колени! — ее властный голос эхом отразился от сводов зала.

Едва мои ноги коснулись красного круга света, падающего из глаз, по всему телу пробежала волна жара. Больничная одежда вспыхнула и осыпалась пеплом, а кожу на шее и щеке словно прижгли клеем...

Я не выдержал, вскрикнул. И жар тут же словно одернулся, стал слабее, но к чувству яростного торжества добавилась некоторая досада, будто во мне немного разочаровался кто-то могущественный.

Что-то подталкивало меня к действиям, и я поднял глаза на идола. Движение далось с трудом, но мой взгляд встретился с пылающим взглядом Пироларгуса, и вокруг тут же взвились языки неугасимого пламени...

Страх охватил меня, но я не посмел шевельнуться. К счастью, огонь почти не обжигал — я чувствовал только сильное тепло.

Танцующие вокруг меня алые языки постепенно опали, и зал снова погрузился в полумрак.

За спиной раздался шаг.

Ши-Арун плашмя положила выключенный меч на мою голову.

— А теперь встань, Су-Улш, шэрг! — громко сказала она. — Встань и иди по пути война, пока смерть не остановит тебя!

Я на ватных ногах поднялся, и тут меня ждало новое потрясение.

Раньше я едва доставал моей возлюбленной до груди, сейчас же моя голова возвышалась выше ее плеча.

Я вырос и изменился. Я чувствовал, как во мне горит неугасимый огонь Хранителя Пироларгуса, как в конечностях бурлит непостижимая ранее сила... Неужели рипторы все время чувствуют это?

Наверное, у меня на лице были написаны все вопросы, потому что Ши-Арун сказала:

— Я не знаю, что с тобой случилось и почему. Не знаю, за какие заслуги на тебя снизошла благодать Хранителей. Но о том, кем ты был и как стал тем, кто есть сейчас, ты должен молчать.

— Но почему? — вырвалось у меня. Называть Ши-Арун госпожой мне теперь совсем не хотелось.

— Кто ты такой, и кто я такая, чтобы изменять устои общества рипторов? Ты хоть представляешь себе, мой глупый Су-Улш, что станет со всем нашим обществом, если вдруг все узнают о теоретической возможности превращения шанга в риптора?

Я промолчал. Действительно, распатывать вековые традиции рипторов, даже являясь одним из них — чистой воды безумие.

— Там доспехи и одежда, — сказала Ши-Арун, показав на скрытую тенью дальнюю стену. — Иди и возьми все, что нужно.

Через полчаса я стоял перед зеркалом в закутке зала, предназначенного для инициатов, и не узнавал себя. Мое лицо сохранило прежние черты, но загрубевшие, словно я повзрослел еще больше, а глаза изменили цвет с желтых на ярко-алые, как и положено воину Огня. Я стал выше ростом и раздался в плечах. Ноги и спина распрямились, удлинился хвост, по затылку и шее встопорчился гребень из шипов. Чешуя больше не напоминала простую шкуру ящерицы, а выглядела настоящей броней из мелких и крупных чешуй, под которой перекачивались могучие мышцы.

Риптор.

Не шанг.

Наследник древней расы драконов, что несли свою силу и мощь сквозь Вселенную бесчисленное количество веков.

— Идем, — снова позвала меня Ши-Арун, — пока можно отдохнуть, а потом нам предстоит самое главное.

— Что?

— Вопиющий случай. Ты должен будешь предстать перед Советом Кланов, едва тот соберется.

Я вздрогнул. Сейчас, когда нет войны в масштабе всей Шартари, у нашего народа нет единого правителя. Последний пашмир вернулся в свой клан, и Указующие снова получили власть в свои руки.

И мне, рожденному рабом, предстояло предстать перед шестью самыми могущественными рипторами в Галактике.

— Взмах! Еще! Добивай! — команды уже стали не нужны, но Ши-Арун все равно направляла меня.

Она взялась учить меня владению мечом, и получалось неплохо. Конечно, месяц тренировок не заменит того, чему истинные рипторы учатся с детства. Но и ждать Совета Кланов, сложа руки, сардаура считала ззорным и недостойным воина.

Мой меч с тихим гудением вспарывал роботов-манекенов, что с палками в руках пытались достать меня. Будь я по-прежнему неуклюжим шангом, пластиковые болваны отделали бы меня до полусмерти. Теперь же я стал слишком быстр и силен для них.

Когда последний робот был рассечен гудящим лезвием, Ши-Арун достала свой клинок и встала напротив.

— Теперь — со мной, — сказала она голосом, которым раньше отдавала мне приказы. — Защищайся, Су-Улш.

Я потянулся было к кнопке выключения боевой вибрации, но меня остановило гневное шипение возлюбленной:

— Ты этим хочешь оскорбить меня?

Ее меч с гудением принял боевое положение.

— На касание лезвия.

Мечи очертили гудящие серые дуги, столкнулись раз, другой, третий. Ши-Арун пустила мой выпад вскользь, пируэтом ушла с линии атаки. Я не успевал не то что парировать, а даже точно проследить ее движения.

Холодок вибрирующего лезвия коснулся меня уже трижды: бедра, плеча и основания хвоста. В настоящем бою я уже лежал бы, практически беспомощный, с надрубленными конечностями...

— Очень показательно, — раздался от двери голос.

Мы с Ши-Арун синхронно повернулись, а в следующий миг склонились в поклоне.

Ибо в дверях стоял Сартаг — Указующий нашего клана, дважды сонскатель титула шасмира...

Своим величием он затмевал даже Ши-Арун, мой идеал.

На голову выше взрослого сардаура, благородные черты, мощные челюсти, острый гребень и доспехи, словно сотканые из живого огня. Кожа вся покрыта огненной татуировкой, поигрывающей узором в унисон с доспехами, а в глазах — бешеная краснота Пламени.

И на поясе — ножны с Языком Дракона, Великим мечом клана.

Таких мечей еще три: Ледяной Шип, Каменный Лепесток и Молния. Только у стихийных кланов. Оружие, сделанное еще Хранителями и принадлежавшее наследно Шартгара, великого прародителя Искусства.

— Продолжайте, высокая Ши-Арун, — проговорил Указующий. — До смерти презренного.

— Что? — Ши-Арун подняла глаза. — Но он же...

— Совет не станет собираться по вопросам мутаций шангов, — Сартаг говорил ровным голосом, как о банальнейшем вопросе, — и постановил мне решать этот вопрос в соответствии с законом. Ищущий истинного пути Воина шанг да будет убит.

Я не верил своим ушам. Моя возлюбленная, похоже, тоже. Неужели для моего народа важнее соблюсти традиции каст, чем пересмотреть некоторые постулаты и иметь возможность выставить миллионы воинов вместо десятков тысяч?

— Все материалы по этому делу будут уничтожены, свидетель-кибермех тоже, а ты, высокая Ши-Арун, поклянешься на нашей святыне, — рука риптора легла на рукоять Языка Дракона, — что никому и никогда не расскажешь об этом.

— Но почему, Указующий? — спросила сардаура, нарушая этикет и глядя в глаза собеседнику рангом выше себя. — Неужели...

Сартаг перебил:

— Исполни. Воля кланов — сохранить наши традиции в целостности. Так было, и так будет. До угасания солнца.

Ши-Арун медленно, слово во сне, повернулась ко мне. Поднялся меч.

— Защищайся, Су-Улш, шэрго.

— Нет.

— Что?! — воскликнули в один голос Сартаг и Ши-Арун.

— Не хочу. Хотите — можете убить меня.

— Что движет тобой? — спросил Сартаг. — Хотя, можешь не отвечать, шанг. Рабом ты был, и умрешь, как раб. На коленях, без сопротивления. Что всецело подтверждает мой вывод: шанг не может быть воином, даже превратившись в него телесно.

Я повернулся к главе нашего клана.

— Если хочешь, чтобы я умер с мечом в руке, дерись со мной сам! — меня мучило от собственной наглости. — Но я не нанесу ни единого смертного удара той, кого люблю!

Ши-Арун вздрогнула, а Сартаг воззрился на меня расширенными глазами.

— Вот как, — проговорил он. — Что ж, почему бы нет. Мне не зазорно убить даже тебя, шанг, если тобой движет любовь. Чувство, которого в нашей Галактике осталось непозволительно мало.

Язык Дракона медленно покинул ножны, блеснув в лучах ламп живым пламенем.

Мой меч казался жалкой игрушкой против меча главы клана. Ши-Арун отступила в сторону и преклонила колено, опираясь на меч. Древний жест уважения к поединку Чести.

Сартаг не стал уравнивать шансы. Ни снимать доспех, ни брать более скромное оружие. Честь не в оружии — воин не должен думать о таких вещах.

Я атаковал. Дожидаться молниеносной атаки Указующего — все равно что погибнуть без сопротивления: мне не успеть парировать удар.

В момент атаки я изгнал из головы все мысли о смерти, своей медлительности и прочем. У меня в руке был клинок, способный рассечь полуметровой толщины броню, а перед взором — враг. На клинке вспыхнул огонь: силы стихии нашего клана ответили на внутреннее усилие и зажгли Пламень на средоточии моего духа.

Раньше мне не удавалось выразить Пламень через внешние проявления. Только внутри — восстановить силы, подстегнуть организм, погасить боль... Об Огненной Вуали я вообще пока мог только мечтать.

А тут удалось воспламенить дух клинка.

Но, несмотря на это, моя атака была отбита Сартагом шутя. Меньше двух ударов сердца длился этот поединок...

Раз — и мой клинок остановлен, два — и пируэт отправляет его в полет по широкой дуге. Три — и взрывы обжигающей боли: бедро, рука, живот, грудь... Мир потонул в красном тумане, сквозь который я еще различаю отчаянные крики рипторов:

— Не смей! — голос Сартага.

— Никто не встанет между риптором и Последней кровью! — кричит в ответ Ши-Арун одну из Основ, а я даже не могу увидеть ее, направляющую клинок в собственную грудь...

Я падаю в боль и темноту...

И снова — образы, складывающиеся в слова...

«Видишь, они не готовы».

«Значит, еще рано».

«Они никогда не сойдут с собственного хвоста, Золотая...»

«Еще не время, Пламенеющий. Они достойны и найдут путь. Не сейчас, так через тысячу лет. Если они уже готовы к жертвенности ради любви, то скоро осознают и то, что лишь от них самих зависит, кем им быть...»

«По сути, они остались все теми же ящерами».

«Нет. Уже нет».

«С какого времени, Золотая?»

«С этого часа, Пламенеющий».

ВИКТОР МЯСНИКОВ

ДЕРЕВЯННЫЙ МОЛОТОК

Дядя Саша Адмирал в тельняшке и галошах на босу ногу стоял в луже и, зверски ругаясь, напаяливал садовый шланг на ржавый лом. Пластиковый шланг в его руках, одетых в брезентовые варежки, брезгливо морщился, словно дамочка, которую пытаются насильно кормить пересохшей колбасой в залохматившейся оболочке, и на лом категорически не лез.

Брякнула калитка, во двор животом вперед ввалился Володя-Гонщик с большим деревянным молотком на плече. Он глянул на страдания Адмирала в луже и спросил:

— Что, Санек, тоскуешь по морю?

— По пиву я тоскую, Вован, — искоса глянул на него Адмирал, продолжая пыхтеть. — Вот стерва какая, совершенно не налезает.

— Нагреть пробовал? — заинтересовался Гонщик. — А то пялишь сухую.

— Пробовал, ужимается. — Дядя Саша воткнул лом в лужу. — Это вон железяка расширяется, когда греешь, а эта зараза, наоборот, только еще больше обузилась. Потом срезать пришлось полметра. Ну, что, перекур?

Он бросил шланг, отряхнул брезентовые рукавицы от ржавчины и побрел к скамейке у стены дома, хлопая сваливающимися галошами.

— Папиросы курить — не сосну шкурить! — одобрил и поддержал предложение приятель, направляясь следом.

Адмирал постелил на чистую лавочку рукавицы ржавой стороной вниз и уселся сверху. Рядом развалился Володя, поставив между ног молоток, так что рукоять глубоко воткнулась в живот, выпавший из-под футболки. Они синхронно достали пачки сигарет, угостили друг друга и одновременно дали прикурить. Потушив зажигалки, с наслаждением затянулись, и каждый про себя отметил, что у соседа сигарета слаще. Хотя курили одну марку и покупали сигареты в одной и той же деревенской лавочке.

— Дядь Саш, ты чего над инвентарем измываешься? — спросил Гонщик, кивая на воткнутый в лужу лом...

— Да замыслил, понимаешь, автополив изладить. — Адмирал затянулся и выпустил длинную струйку дыма, пытаясь разглядывая, как она ломается на вечернем сквознячке. — Лом втыкаешь в конце огорода, а воду насосом гонишь по шлангу. В шланге дырки в обе стороны. Понял инженерную

мысль? Не надо бродить среди грядок и шланг в руках носить. А сам в это время забор чинишь или перекуриваешь вот так...

— Ценная вещь, — одобрил Володя. — Хотя я и так свободно перекуривать могу. Одной рукой перекуривать, другой шланг туда-сюда держать. Да и забор у тебя, вроде, еще крепкий.

— Сегодня крепкий, а завтра, глядишь, сгнил и шмякнулся. Так я уже наготове буду. А ты никак в лесничество наладился? — Адмирал кивнул на деревянный инструмент Гонщика. — Долг из Митрофаныча вышибать будешь? Или в крокет заиграл?

— Ни то, ни другое, — помотал головой Володя. — Показать принес. Такая забойная штукация! Вот пощупай.

— Чего тут щупать, чай, не бабская коленка? Что, я киянок не видал? — скептически выпустил табачный дым Адмирал. Но руку протянул, ухватил молоток за рукоят. Взвесил в воздухе и сказал задумчиво: — Оригинальная вещица.

На ощупь молоток был вовсе не деревянный, а словно из теплого бархатистого пластика. И древесный рисунок на нем составляли не годовые кольца, сучки и слои. Это был переплетающийся узор, словно сотня короedов обьела молоток в разных направлениях. Да и рисунок был рельефный, будто и впрямь короeдами выгрызен. А главное, хоть молоток и выглядел массивно, он почти ничего не весил, какие-то граммы.

— Во-о, я знал, что тебе понравится, — обрадовался Гонщик. — Давай пятьсот рублей, и он твой навсегда. До пенсии еще шесть с половиной суток, без лекарства не дотяну.

— Володя, опять ты гонишь? — осудил его Адмирал и даже головой покачал, порицая. — На пятьсот рублей мне каких только молотков не натащат. И таких, и сяких... А уж разных киянок-деревянок — целую поленицу.

— Да это же особый молоток, дядя Саша, специальный, — голос Володи сделался проникновенным и душевным, как в рекламе финансовой пирамиды. — Ты его сразу к делу приспособишь, еще потом спасибо скажешь. Благодарить будешь. Это такая мощная штукация! Вот, скажем, надо тебе табуретку разобрать. Ты ее молоточком — тюк, и она тут же рассыпалась по досточкам.

— Кувалдой въехать — любая табуретка рассыплется, — предъявил контраргумент Адмирал.

— Этак ты ее разломаешь, да и все. А тут она разбирается на составные с полной очисткой от клея. Почувствуй разницу. Ну, хочешь, проверим? — Володя выжидающе уставился на приятеля. — У тебя на веранде, вроде, стояла табуретка. Вот совсем чуток, вот так вот, — Гонщик чуть махнул в воздухе молотком, — тюкнешь, и готово, рассыпалась на деревянныешки.

— А ты еще обижаешься, что тебя Гонщиком зовут, — вздохнула Адмирал. — Гонит и даже не засмеется.

— Да я правду говорю, — Володя обиделся. — Ну, хочешь, помажем на пол-литру, если не рассыплется? А если рассыплется, ты у меня молоток берешь за «пятикратечную».

— Ладно, годится, — неожиданно быстро согласился Адмирал и протянул руку. — Только тюкать я буду, а не ты. Договорились?

Володя радостно схватил его руку и тут же разделил рукопожатие рукоятью молотка.

— Все — помазали! Держи. Сам так сам.

Дядя Саша Адмирал в деревне Крутиха был первым шутником и мистификатором. Многие пострадали от его розыгрышей, поэтому Адмирал всегда был настороже, ожидая ответных ходов. Поскольку Володе Гонцику нередко перепало от его шуток, сейчас он напряженно пытался понять, в чем подвох. Еще раз оглядев молоток и помахав им в воздухе, он отправился на веранду в сопровождении подозрительно ухмыляющегося приятеля.

Коричневый табурет, раз сто отремонтированный и перекрашенный, скрипучий и шатучий, стоял на веранде с таких давних времен, когда еще и деревни, небось, не существовало. Такой он был старый. Недоверчиво прищурясь одним глазом на Володю, а другим на табурет, Адмирал вывесил на руке молоток и легонечко пристукнул по сиденью. Раздался хрустальный звон, словно дружно сошлись несколько новогодних фужеров.

Табурет рассыпался. Причем бесшумно, словно невидимка на лету подхватил деревяшки и быстрым неуловимым движением сложил на полу. Все детали оказались прибраны аккуратным штабелечком — ножки, поперечины, досочки от сиденья. Лежали кучкой гвозди и деревянные штырьки — шипы, насквозь скреплявшие ножки и поперечины. О них, скрытых краской, Адмирал и не подозревал.

Он стоял с легковесным молотком в руке и тупо смотрел на результат эксперимента. Результат в голове не укладывался, и на лысинке промеж седой поросли начинал выступать пот, как побочный продукт закипания мозга. Процесс съезжания шифера с башни прервал Володя, хлопнув Адмирала по спине.

— Гони бабло, дядя Саша!

По-прежнему пребывая в задумчивости и не выпуская из рук молоток, хозяин вышел из веранды в дом и тут же вернулся с сизо-пурпуровой пятисоткой. Володя удовлетворенно крикнул, почесал живот под футболкой и спрятал купюру в карман брюк. Двигающийся механически, словно робот, Адмирал остановился и так же механически спросил:

— Ну, и как оно работает? Принцип какой?

Следует пояснить, что дядя Саша Адмирал к морю отношение имел косвенное. А был он кандидатом физико-математических наук и сорок лет оттарабанил в оборонном КБ. Периодически ездил в командировки на флот, испытывая и сдавая некие изделия и заказы. Эти поездки так тронули его душу, что он мог часами рассказывать о выходе в море на подводной

лодке и пережитом трехбалльном шторме на борту ракетного корабля «Стремглавый». «Эх, душа у меня морская», — частенько говорил он после второй бутылки, когда брался за баян и запевал какую-нибудь старинную матросскую песню. За что и получил уважительное прозвище Адмирал.

— Я не знаю, дядя Сапша, как оно работает, но табуретки разбирает исключительно замечательно, — сказал Володя. — Ладно, потом разберешься с принципом. Пошли в лесничество, я угощаю.

Но Адмирал его не слышал. Он снова уставился на разукомплектованный табурет и растерянно произнес:

— Ничего не понимаю. Это противоречит...

— Точно, противоречит, — подтвердил Володя. — Я первый раз по табуретке хлопнул, тоже ничего не понял. Чего, думаю, с ней стряслось? Жить надоело? Взял, вторую хлопнул... Оба-на, думаю, что-то тут не так, хлоп — третью... У тебя еще табуретки есть?

— Не, одна всего, — помотал головой Адмирал. — Это у тебя стульев нет, одни табуретки. Вечно из-за стола все падают — никакой опоры в жизни, спину откинуть некуда. Сколько их у тебя, штук шесть?

— Восемь, — сказал Гонщик и вздохнул: — Было...

— А теперь сколько?

— А теперь ни одной. Слышь, Адмирал, может, ты их отремонтируешь обратно, а то даже в гости никого не позовешь. И самому не присесть.

— Ну, рублей за пятьсот можно и собрать, — вышел из транса дядя Сапша. — А ну-ка, пойдем.

Он вышел во двор и направился к сараю. Там возле стенки стоял пустой деревянный ящик. Адмирал отставил его на ровное место и тюкнул молотком. С хрустальным звоном ящик разложился по планочке и гвоздику. Хмыкнув, дядя Сапша положил молоток на плечо и деловито сказал:

— Тут, вроде, кто-то в лесничество приглашал? Так пошел!

И первый направился вокруг дома к задней калитке, потому что лесничество было через дорогу прямо напротив, но со стороны огорода. Кирпичная контора Крутихинского лесничества Порежского лесхоза была вторым каменным зданием Крутихи после железнодорожной станции. И одну половину конторы лесничий Митрофаныч сдавал в аренду под магазин. Магазин «Елочка» жестко конкурировал со станционной лавочкой «Экспресс», демпингуя ценами на алкоголь. «Экспресс» в ответ демпинговал сигаретами.

На выходе из магазина затаренные друзья встретили Митрофаныча. В кирзовых сапогах, в форменном зеленом кителе и фуражке с дубовыми листьями, но при этом в синих семейных трусах, крутихинский лесничий стоял перед конторой и внимательно глядел в сторону леса.

— Чего там видишь? — спросил Володя.

— Да вот гляжу, нет ли где дымка. Сушь такая стоит, того и гляди... А я смотрю в окошко, знакомые, вроде, идут. Дай, думаю, надо выйти

поздороваться. Быстренько оделся да и пошел. Машина опять на ремонте, в лес не поедешь. Сижу дома...

— Здорово, Митрофаныч! — пожал ему руку Адмирал. — Пойдем, что ль, в конюховку, пообщаемся.

Они обогнули здание лесничества и прошли в бывший конный двор. Кони в лесничестве давно не водились, уступив место двигателям внутреннего сгорания. Зато остался навес от непогоды, летом укрывавший от солнца, а под ним несколько чурбаков, на которых очень удобно закусывать и разговаривать. Еще имелась панцирная кроватная сетка, тоже поставленная на четыре чурбака, — для сильно уставших. Со стороны деревни конный двор абсолютно не просматривался, зато в противоположную сторону открывался чудный вид на опушку леса, поросшую мелкими елками.

На самый большой, метрового размаха, чурбак выставили и выложили приобретенное в магазине, а сами уселись на чурбачки поменьше. Адмирал прислонил молоток сбоку к своему чурбаку и принялся открывать консервную банку. Открывашка, как и стаканы, и несколько липких ложек и вилок, всегда находилась на импровизированном столе. Годы! И даже лесничиха не смела отсюда ничего убрать. Потому что — народное!

Первую оприходовали быстро, чтобы просто освежиться на жаре. Хотя некоторые утверждают, что водка для этого мало пригодна. Но это от непонимания специфики жизни среди природы. В магазине «Елочка», где специфику понимают, водку держат в морозильнике. Потому освежает она исключительно.

Достигнув градуса дружеской непринужденности, но еще не дойдя до братского, друзья закурили и поговорили о жизни. Потом в их компанию вторгся Клинтон — старый кобель лесничего. Так повелось со времен американского президента Никсона, когда молодой выпускник Свердловского лестеху Митрофаныч прибыл по распределению в Крутиху. Назвав щенка в честь американского президента, впервые совершившего визит в СССР, он тогда основал традицию. С тех пор были у него и Картер, и Рейган, и Буш — еще старший. А вот младшего Буша пережил Клинтон, появившийся в конце правления одноименного президента. Это весьма радовало Митрофаныча.

— Я с тем прошлым Бушем намаялся, — жаловался он сейчас. — Почти два президентских срока. Прикинь? На крыльцо вечером выйдешь, крикнешь этого оглоуда: «Буш!» Поддеревни мужиков уже бежит: «Буду!» А с Клинтоном никаких забот. Раньше конечно, имел кобелиную привычку: увяжется за какой-нибудь сучкой деревенской — неделю не доищешься. На цепь посадишь — тоже не ладно: воеет всю ночь, как саксофон несмазанный. А сейчас остепенился, никаких с ним забот.

Насчет «остепенился» Митрофаныч беззастенчиво врал. От старости Клинтон, наоборот, впал в щенячий маразм. Теперь он делал лишь три дела — жрал, дрых и развлекался. На охоту ходить бросил, лесничество

не сторожил и даже перестал гонять соседскую козу, постоянно забирающуюся в огород.

В данный момент Клинтон жизнерадостно прыгал вокруг накрытого чурбана, норовя одновременно пошпартать с гостями и что-нибудь сожрать со стола. Он стремительно облизал ноздри Володи-Гонщика, выбил только прикуренную сигарету из руки дяди Саши Адмирала, почти стащил трусы со своего хозяина Митрофаныча и после всех отвлекающих маневров мгновенно схватил едва початую банку шпрот. Отбежал к ограде, аккуратно поставил баночку в траву и принялся неторопливо смаковать содержимое, облизывая морду и весело поглядывая на лесничего с гостями. При этом дружески махал им хвостом.

— Митрофаныч, — сказал Володя, — я хочу дать тебе два полезных совета. Во-первых, переименуй Клинтона в Роберта Фицджеральда Кеннеди.

— Ага, — кивнул лесничий понимающе, — это длинно, но красиво. Хотя с утра и не выговорить. А во-вторых?

— Пристрели его, скотину, из карабина промеж ушей прямо в затылок.

Митрофаныч задумался. В задумчивости стащил кирзачи, пошевелил пальцами несвежих ног, внимательно их разглядывая. Потом сказал:

— Совет, конечно, дельный, но нельзя. И не из собачьего гуманизма, а чисто практически. Мне ведь тогда следующего кобелька придется звать Барак Обама. А это никак не годится.

— Очень даже годится, — запротестовал Володя.

— Для негра, может, и годится, — не согласился лесничий, — а для русского кобеля — ну, никак. Вот представь, встану я на крыльце конторы и крикну: «Барак!» Что люди подумают? Вот ты, дядя Саша, чего подумаешь?

— Тут аналитически надо подходить, — сразу посерьезнел Адмирал. — Получается, либо ты на контору свою ругаешься, либо команду ей даешь. Навроде: «Барак! Смирно! Шагом марш!»

— Вот именно так все и обстоит, — подтвердил Митрофаныч. — А Обама — вообще не имя для собаки, опять же для кобеля.

— Да чего тебя клинит на Клинтонах этих? — развел руками Володя. — Назови ты его нормальной кличкой. Бобик просто. Бобка! Нормально же, вон послушай. Бобка, Бобка, ко мне!

— Володя, ты ей-богу, как нерусский, — вмешался Адмирал. — Ведь совершенно понятно и очевидно, что если собак называют в честь американских президентов, то никакого Бобки в принципе не может быть. Вот когда изберут президентом какого-нибудь Боба Смитэндвессона, тогда будет тебе Бобка. А пока — ни-ни.

Прекрасно понимая, что говорят о нем, Клинтон, зализав банку, мелкими пажочками стал осторожно приближаться к компании, часто помахивая хвостом и сделав невинные глаза. При этом в любую секунду был готов отпрыгнуть в сторону и пуститься наутек, поскольку соображал, чьи шпроты слопал.

Но разговор о нем уже кончился, а Володя выставил на стол вторую бутылку. Он уже вознамерился свернуть ей жестяную голову, но Адмирал тормознул.

— Погоди-ка, — сказал он. — Сейчас проверю одну гипотезу: откроется или нет.

И тут же тюкнул по пробке деревянным молотком.

Открылась. Металлический колпак снялся целиком и оказался на чурбачке. Там же оказались и пол-литра нормальной, заводской, ледяной водки. Растекающейся к тому же в разные стороны. И в эти разные стороны плавали этикетки и акцизные марки, которые обычно оторвать от бутылки целыми невозможно.

Митрофаныч среагировал мгновенно, накрыв большую часть лужи какой-то тряпкой. И тут же поспешно принялся промокать. Володя успел только обругать дядю Сашу. А тот поднял палец и с ученым видом заметил:

— Полный демонтаж объекта приложения.

— Приложить бы тебе этим молотком, — с обидой сказал Володя. — Ставь теперь пузырь.

— Мужики, не ругайтесь, — тут же урезонил их лесничий. — Я все собрал, сколь смог.

И он отжал насквозь мокрую тряпку в свой стакан, наполнив его доверху бурой жидкостью.

— О, как! — сказал с гордостью. — Двести пятьдесят, как в аптеке. Сейчас на всех разолью.

— Ты погоди разливать, — остановил его порыв дядя Саша. — У нас водка была, насколько помню. А тут явный коньяк. Ну-ка, дай нюхнуть. — Он потянулся всем телом, махнул ладошкой, подгоняя аромат к носу. — Хм, нет, не коньяк. Пахнет не клопом. Хотя запах дюже ядреный.

— Гнилью пахнет, — уточнил Володя, тоже сунувший нос в стакан. — Не, я чего-то опасаясь такое пить.

— Да нормальная водка, — пожал плечами лесничий. — Мы в лесу такую воду пьем. Зачерпнешь из какой-нибудь болотины и пьешь. А тут — водка!

Он поставил стакан, попробовал еще что-нибудь выжать из скрученной тряпки, но не сумел. Расправил ее бережно, прямоугольную, повесил на лошадиную загородку за спиной. Рядом повесил вторую.

— Митрофаныч, это же портянки! — воскликнул Адмирал.

— А мне не жалко, лишь бы водка зря не пропадала, — сказал лесничий. — Тебе отлить?

— Не, я этот тост пропускаю, — Адмирал тут же открестился от предложения.

— Тогда за ваше здоровье, — пробормотал Митрофаныч и немедленно со вкусом выпил.

Адмирала и Гонщика передернуло так резко, что Клинтон, подобравшийся под самый стол, поджав хвост, сиганул через весь конный двор и пропал в дыре забора.

— Володя, одолжи на пузырь, — попросил Адмирал. — В следующий понедельник отдам.

— Не могу, дядя Сапа, — развел тот руками. — У меня все посчитано. Ровно до пенсии осталось. Иначе не доживу.

— Митрофаныч, у тебя в кассе деньги есть? — Адмирал вопрошающе уставился на лесничего.

Тот медленно перевел взгляд, как стрелки в ходиках. Глаза его не выражали ничего, и ничего не отражали, как перегоревшие лампочки. Потом он крикнул и протяжно выдохнул. Отломил кусочек хлеба, помакал в чурбан рядом с банкой сардин и, напавив рот, положил туда. Сказал, направив глаза между Володей и Адмиралом:

— Деньги в кассе есть всегда. Но, — тут он сделал паузу и продолжил, тщательно выговаривая каждую букву, — исключительно для трудящихся в соответствии с выполненными работами, согласно оформленного наряда.

— Митрофаныч, я знаю, что ты казенные деньги из кассы не берешь даже пятнадцатого января с после новогоднегo бодуна, — продолжил Адмирал.

— И даже после Дня лесника, — перебил его лесничий.

— И потому не боишься никакой ревизии, — подсказал дядя Сапа.

— Вот им! — Митрофаныч потыкал вверх кукишем. — Никогда! Пусть хоть каждую неделю внезапную устраивают.

— И это правильно! — одобрил Адмирал. — А вот скажи, сто сорок семь рублей за разборку трелевочника так и лежат?

Трелевочный трактор, красный не от краски, а давно уже от ржавчины, стоял за лесничеством в бурьяне еще с советских времен. Двигатель из него был украден пятнадцать лет назад, но сам трактор, списанный в металлолом, оставался на месте. Просто за сто сорок семь рублей двадцать шесть копеек его никто не захотел разбирать в ту пору, когда бутылку легко можно было взять за тридцатник, а уж когда она доросла до семидесяти пяти, то и подавно. Наряд на разборку ржавел полтора десятилетия вместе с трактором, пожелтел весь. Хотя попытки случались неоднократно. Когда нехватка денег припекала кого-нибудь из деревенских до самой крайности, он подходил к этой горе металлолома и даже пробовал пару гаек отвернуть. Быстро понимал, что это работа, непосильная для человека или даже для двоих-троих, и отваливал. Приезжал из города один спец с газовой горелкой. Сделал надрез, посчитал на калькуляторе, плюнул и сказал: «В сто сорок газ и дорога обойдется, а за двадцать шесть копеек в смену только крепостные у Демидова работали».

Махнув утвердительно рукой, мол, наряд лежит и деньги хранятся, Митрофаныч принялся разглядывать, с какого конца у сигареты фильтр. Дядя Сапа ему подсказал, как друг, поднес огоньку и сказал:

— А ведь я трелевочник-то развинтил вчера. Ага, до последней гайки. Пойдем, проверишь.

И он попытался поднять лесничего с чурбана, но тот сидел, как присмоленный.

— Вот кто у нас гонщик! — чему-то обрадовался Володя. — Решил пьяного Митрофаныча на бабло развести.

— Я не пьяный, — заплетающимся языком пробормотал Митрофаныч, сползая на землю. — Это меня со вчерашнего колбасит.

— Все нормально, — успокоил его Адмирал. — Ты ногами ходить можешь или тебе помочь?

— Да я что хошь могу, хоть балет сплясать. — Лесничий поднялся, широко расставив босые ноги. — Только бензопилу дай. Вжик — и все лежат. До последнего деревца — вся делянка.

— Тогда вперед! — подхватил его сбочка Адмирал. Другая рука была занята деревянным молотком. — Тут близко.

— Мужики, вы далеко? — окликнул Володя. И решил тоже пойти узнать, в чем там дело.

Трактор ржал в трех десятках метров от бывшего конного двора, почти по крышу укрытый крапивой и репейником. Но в эти лешевы кущи Адмирал босого лесничего не потащил, хотя мог бы — тот все равно ничего не чувствовал, пребывая в углубляющейся анестезии. Проторив галошами тропу, растолкав в стороны ядреную поросль, пробился к трелевочнику с тыла и легонько шлепнул его молотком по косой плите.

Вслед за хрустальным звоном раздался сухой треск, словно перемешивали костяшки домино на гладкой фанерке. Трактор резко осел, плита сползла на землю, отпали дверцы, попадали звенья гусениц, потом отвалились зубчатые колеса, что крутили эти гусеницы...

Когда Володя добрался до Адмирала, все было кончено. И даже трос свит с лебедки, и сама лебедка разобрана подетально. Осталось только присвистнуть и удивиться:

— Вот я не сообразил. Надо было сперва агрегат этот сокрушить, а потом тебе молоток продавать.

— Этим и отличается кандидат наук от простого водителя — соображаловом, — назидательно произнес Адмирал. И добавил: — Хотя, как правило, отстает в практичности. Митрофаныч! Иди потрогай!

Пришлось все же одолжить лесничему галоши, крапива, как-никак...

— Надо срочно ремонтировать грузовик и вывозить, пока никто не узнал, — шепотом сказал Митрофаныч, когда вылез из бурьяна. И прислонил растопыренные пальцы ко рту. — А то растащат, моргнуть не успеешь. Кто же у меня траки гусеничные спрашивал, какой-то леспромхоз? Нет, не леспромхоз, с рыбацкой базы на озере. Две штуки — бутылка, четыре — литр. В лодки на якоря. А лодок у них...

— Ты по наряду заплати, начальник, — оборвал его рассуждения Адмирал, — а то нарушаешь конституционное право на оплачиваемый труд. А это не по-нашему, не по-капиталистически. И галоши покинь.

Всей командой направились в контору, где отбили нападение лесничих, пытавшейся загнать мужа домой.

— Ты видишь, я на работе? Наряды закрываю, — строго сказал Митрофаныч, фокусируя взгляд на источнике звука.

— А почему ты в трусах наряды закрываешь?

— Это шорты, мадам, — пояснил Адмирал. — У нас, на военно-морском флоте, при температуре атмосферного воздуха свыше тридцати градусов по Цельсию полагается надевать тропическую форму одежды — шорты цвета морской волны и рубашку с очень коротким рукавом и открытым воротом. В связи с глобальным потеплением все министерства и ведомства ввели на случай жаркого лета аналогичную форму. С какого числа? Уточни, Володя, — повернулся он к Гонщику, скромно присоседившемуся на крайнем стуле у дверей.

— С тринадцатого, — ляпнул тот.

— Вот, еще с тринадцатого июня, а сегодня у нас уже фактически июль через день-другой. Кстати, на трассе гаишники с позавчерашнего дня в шортах дежурят.

Адмирал многозначительно посмотрел на Володю.

— Точно, — встрепенулся тот. — Вчера еду. Что это еще, думаю, за клоун меня тормозит с голыми коленками. А у них летняя форма новая, оказывается.

Лесничиха оторопело примолкла. Но тут же снова ехидно заверещала:

— А чего ж у него шорты синие, а не зеленые? Лесникам зеленый цвет положен.

— Положен — будет, — внушительно заверил Адмирал. — Цвета еловой хвои, с дубовыми листьями и желудями. А пока форменные не выдали, всем разрешено в матросских ходить. Даже инкассаторам. Митрофаныч, покажи циркуляр из главка.

— Шас все брошу, начну искать, — сказал лесничий, но даже с места не встал. — Дядь Саш, распишись вот тут.

Посрамленная лесничиха сгинула, а друзья отправились через магазин на конный двор, где Клинтон, поставив передние лапы на чурбак и задорно помахивая хвостом, заканчивал с закусками.

— Митрофаныч, — укоризненно заметил Володя, — ты бы дал своей старухе совет кормить лохматого друга.

— Вчера давал, — возразил лесничий, ощупывая чурбак на предмет усесться. — Она ему таких щец наваляла целый тазик! Бесподобные! Я таких и не едал! Наваристые, как вот, — он покрутил руками, подыскивая слово, — как солидол. Гаечный ключ стоит. Понял?

— И что? — полюбопытствовал Гонщик.

— Сожрал к хренам, — лесничий безнадежно махнул рукой и уронил голову на грудь. — Потом тазик облизал, — Митрофаныч приподнял голову, — и куренка в кухне свистнул.

— Вот, — поднял мозолистый палец Адмирал, — животные должны попадать на кухню только в разделанном виде.

— Жара — несуетливая, — с трудом, но выговорил-таки лесничий. — Все двери-окна враспырку. Он в дверь зашел, в окошко вышел. Уже с куренышем. Я в него табуретки бросал, чайник бросал. Я сам в окошко бросался, понял? Беспольный бес-по-лез-няк...

Клинтон стоял рядом, опавшись хвостом. Протирал длинным языком счастливую морду и внимательно слушал.

— Помянем куренка, — сказал Адмирал, разливая. — Как мы, он был двуног. И жизнь любил, как мы. Но посулил, знать, бог — он там, мы — тут, стал быть, сидим.

— Настоящая хорошая поэзия берет за сердце, как обширный инфаркт, — отчеканил Володя Гонщик, разломав по-братски на троих горбушку черного, не замеченную Клинтоном, и торопливо занюхал. В инфарктах он разбирался гораздо лучше, чем в поэзии, потому что сталкивался однажды.

Воспользовавшись моментом, когда все от него отвлеклись, Клинтон подкрался к деревянному молотку, приставленному к чурбаку Адмирала, схватил поперек рукоятки и кинулся бежать. Ему хотелось, чтобы с ним поиграли, побегали, повалялись. Но дядя Саша только схватился за чурбан и приподнял на полметра. Выше не смог и вернул на землю. От возмущения даже выругаться не получилось, не то что догнать и отобрать.

Но Клинтон сам налетел молотком на деревянную бочку с водой под стеной лесничества. Дождей не было давно, и воды в бочке осталось едва до половины, и та насквозь зеленая.

С хрустальным звоном взлетел обруч. Бочка раскрылась, как деревянный цветок, раскинув солнышком темные клепки. Клинтон словно окатило зеленкой. Точнее, славно окатило. Он даже бросил молоток и, сразу похудев вдвое из-за слипшейся шерсти, рванул за ворота. Только там отряхнувшись, окутавшись радужным облаком мелких брызг. И, склонив голову налево, стал наблюдать, как дядя Саша Адмирал идет подбирать молоток. И как потом идет обратно.

Тут Клинтон не выдержал и помчался вдогонку. Он вцепился зубами в рукоятку молотка и повис, потому что Адмирал был начеку. Пес с добычей расставаться не хотел, дядя Саша тоже. Поэтому взял Клинтон за шкуру, приподнял одной правой и извлек из ослабшей пасти едва не похищенный инструмент. Потом слегка раскачал обмякшего кобеля и отправил в густой подзаборный бурьян. Клинтон там повизжал, побарахтался, выбрался и крупными скачками ударился в поля.

— Вот ведь — безмозглая скотина, а постоянно норовит, — это Володя Гонщик ударился в философию.

— Не такая уж и безмозглая, — возразил Адмирал. — Я тут по «ящику» слушал, англичане проверили собак на детские тесты. Так самые умные по интеллекту равны детям двух с половиной лет. Понимают до двухсот пятидесяти слов и жестов, считают в пределах пяти, в том числе складывают и отнимают. Названный предмет достают из кучи вещей. Могут объяснить, когда хотят есть, гулять, и играть.

— Если они такие умные, почему мы их на цепь сажаем, а не за стол переговоров? — спросил вездливо Володя.

— А ты с внуком своим двухлетним переговоры ведешь или просто кричишь: «Фу! Брось эту дрянь!» — у Адмирала нашелся неотразимый аргумент. — Лучше скажи, где ты этот молоток выцепил?

— На поле, где инопланетяне тусуются, — махнул рукой Гонщик, и взялся разливать по стаканам.

— Володя, не гони, — попросил Адмирал дружески. — Я тебя как друга спрашиваю.

— Да я и не думаю, — обиделся приятель. — Их пол-Крутихи видело, ты один не в курсе.

— И ты видел? — недоверчиво спросил дядя Сапа.

— А что я — хуже других? Сто раз видел. Они чуть не каждый день на поле садятся. Лазят там...

— А чего ж не сфотографировал? — сощурился Адмирал. — Тебе бы знаешь, сколько бабла за снимок отвалили?

— А то не знаю! Не выходят они на снимках. И на видео не выходят. Прозрачные, как стекляшки! Понял?

— Не понял, — помотал головой Адмирал. — Стакан тоже стеклянный, а нормально на снимках выходит.

— Да этих вообще не видно без пол-литры. А когда зрение улучшишь, тут они и проявляются. Прямо из воздуха.

— Ну-у, с пол-литры чего только не проявится, — разочарованно протянул дядя Сапа. — И черт с копытом, и ангел с балалайкой. Митрофаныч! — он толкнул неподвижного, как чурбан на чурбане, лесничего. — Ты инопланетян видел?

— Вот как тебя, — ожил лесничий и взялся за стакан. — Те же медведи, только стеклянные. Давай за дружбу и здоровье! — быстро выпил, не морщась, и снова замер.

— Понял? — торжествовал Володя. — Живой, можно сказать, свидетель. И молоток я там же в поле подобрал.

Они выпили, и Адмирал решительно поднялся:

— А ну пошли. Поглядим, какие это инопланетяне.

Гонщик покосился на опустевшую бутылку и тоже решительно поднялся:

— А и пошли! Может, еще чего ценного надыбаем.

Клинтон в проем забора с великим собачьим сожалением наблюдал, как Адмирал уносит на плече молоток. Оцепенелый Митрофаныч что-то невнятно бормотал. Во сне он говорил страшно неразборчиво.

В поле за деревней, влево от станции, стояла высокая трава, уже слегка тронутая по метелкам желтизной сухого жаркого лета, но еще вовсю расцвеченная лиловым клевером, голубыми колокольцами, белыми ромашками, мелкими красными гвоздичками и желтыми одуванами на проплешинах. Стеклянные инопланетяне не наблюдались.

— И что? — спросил Адмирал, опуская молоток на землю.

— И все, — развел руками Володя. — Тут они обычно пасутся. А то можно на станцию сходить, купить чего-нибудь хорошего.

— У этих хорошего быть не может, — со знанием заметил Адмирал. — Они в морозильнике не держат. А нам лишний сугрев ни к чему. Давай покурим.

И они сели в траву на пригорочке. Покурили, лениво косясь расфокусированным взглядом на подлетающих пчел, стрекоз и разных прямокрылых. Потом Гонщик резко толкнул Адмирала в бок локтем и зашептал возбужденно:

— Смотри! Смотри! Прилетели.

Принялся тыкать перед собой окурком. Адмирал сперва, насколько мог, внимательно посмотрел в лицо приятелю, потом лениво перевел взгляд в поле. Он все еще ожидал розыгрышей и подвохов. Поэтому изрядно удивился, когда в самом деле увидел нечто прозрачное, слегка искажающее перспективу и преломляющее траву. Оно двигалось, но растения под ним даже не прогибались.

— Хищник! — прошептал потрясенный Адмирал.

— Да ну, дядь Сап, какой хищник? — Володя обиделся за инопланетянина. — Совершенно мирные ребята. Даже травку не щиплют.

— Фильм, говорю, «Хищник», — пояснил Адмирал, не отрывая взгляда от прозрачного существа. — Сперва прозрачный, а потом такая образина...

Тем временем пришелец сделал резкое движение, и на траве обозначился квадрат метров пятьдесят на пятьдесят. Словно на поле постелили невидимый ковер. Трава под ним слегка приплюснулась и пригнулась. И по этому коврику замельтешили сразу несколько стеклянных существ. Теперь Адмирал видел, что они в самом деле напоминают вставших на дыбы медведей — мешковатые, толстолапые, сутулые, большеголовые. Они ходили кругами по квадрату, а потом там обозначилась какая-то стеклянная громадина.

— Во, корабль ихний уселся, — прокомментировал Володя.

— Ладно, — поднялся Адмирал и вскинул на плечо молоток, — пошел на контакт. Двум цивилизациям найдется, о чем покалякать.

Пока Гонщик соображал, что к чему, Адмирал уже ступил в прозрачный квадрат со словами:

— Привет участникам галактических путешествий!

Но тут же что-то мягко, но напористо, толкнуло его в грудь. Да так, что он вылетел за пределы просевшей травы и плюхнулся задом в непросевшую. От этого она просела до самой земли и больше не распрямилась.

Тут же рядом оказался один из стеклянных пришельцев и грубо вырвал чудесный молоток из рук Адмирала. Швырнул инструмент в центр квадрата и бесшумно перелетел следом. Молоток тут же стал медленно исчезать прямо на глазах, становясь бледным и полупрозрачным.

Пренебрежительное выталкивание с ковра было обидным, но молоток отняли просто в оскорбительной манере. Нет бы поблагодарить за принесенную потерю, которая, кстати, обошлась Адмиралу в полновесные полтыщи рублей. И дядя Саша, поднявшись с родной земли, словно набравшись природных сил от контакта с ней, любимой, решительно шагнул вперед. Раскачивающимся подвыпившим вихрем ворвался на невидимый ковер, преодолевая силы отталкивания, пробился в самый центр и схватил молоток, сквозь который уже можно было увидеть ромашки.

Он почти добежал до края ковра, когда один из стеклянных метнул вдогонку что-то вроде мотка целлофана, только бесшумного. Прозрачный рукав настиг Адмирала и мгновенно обмотался вокруг поясицы. Потом резко притянул к прозрачному пришельцу.

— Мы же оба разумные! — успел крикнуть Адмирал.

Молоток у него отняли тут же. А потом он взлетел и закружился в воздухе. Стеклянный крутил его на едва заметной широкой ленте, словно дохлую крысу на веревке. А, раскрутив, как следует, метнул.

На глазах у изумленного Володи Гонщика Адмирал пролетел метров двести и врезался в траву. Покатился, оставляя примятую дорожку, словно окутанный невидимым мягким коконом. Метров через десять кокон распался, а дядя Саша шмякнулся в заросли лопухов, иван-чая и пустырника. Забарахтался. Выполз на четвереньках, обиженно шмыгая носом. Подбежал Володя, присел участливо:

— Ты как, дядь Саш? Не побился?

— Я, между прочим, кандидат технических наук, — всхлипнула Адмирал. — А они меня, как собаку!

— Ты не волнуйся, лучше вот закури.

Володя вставил ему в рот сигарету, поднес зажигалку. Сам тоже закурил и уселся рядом. Адмирал продолжал стоять на четвереньках, только попыхивая сигареткой. Потом вынул ее изо рта, оставшись стоять на трех точках, спросил с обидой:

— Они нас что, за людей не считают?

— Думаю, считают, — ответил Володя и уточнил: — За людей. Конкретно.

— А в чем же дело тогда? Где контакт?

— Так им, наверное, не надо, — предположил Володя. — Ну, не хотят они. А чего? Имеют право.

— Нет, пусть объяснят, — Адмирал поднялся на ноги. — Почему они так со мной. Я так же разумен, как они. Я физику знаю. И высшую математику.

— Не ходил бы ты, дядь Саш, — сказал Володя с тоской в голосе и глазах. — На третий раз могут вообще...

Адмирал внял голосу близкого разума, дальше не пошел. Только вглядывался в стеклянные тени, мелькающие в поле. Вот донесся прозрачный звон, и квадрат буквально засыпало горой стекла. Потом снова звякнуло, и гора снова превратилась в стеклянный агрегат.

— У них, конечно, мощная цивилизация, — оценил Адмирал, — так и мы не вчера с елки слезли. Они что, не видят, сколько у нас телеканалов? Хотя, — он безнадежно махнул рукой, у них, небось, и аппаратуры такой тыщу лет нет. Радиосигнал распространяется не выше скорости света...

— Да мы им просто по барабану, — поддакнул Володя.

— Но почему? — возмутился Адмирал. — Ведь если бы меня где-нибудь в Африке окружили аборигены, я что, внимания бы не обратил?

— А если собаки?

— Чего собаки? — не понял Адмирал.

— Ну, сломалась тачка, ты вылез ремонтировать, а собаки сбежались. Ты бы стал на них внимание обращать?

— Ты чего это хочешь сказать? — еще больше посерьезнел Адмирал. — Что мы для них вроде собак?

— Ну, не собак, — пошел на уступку Володя. — Обезьян. С интеллектом, как у ребенка двух с половиной лет...

— Ты соображай, что говоришь! — возмутился Адмирал. — У нас самолеты, ракеты, атомная бомба!

— Может, как раз поэтому, — предположил Володя. — А еще мы водку пьем, курим вот...

Адмирал задумался. Погладил ладошкой припеченную солнцем лысинку.

— Может, ты и прав, — сказал со вздохом. — Действительно, с точки зрения нормальной цивилизации, это бред — атомные бомбы, армии, тюрьмы, воровство, коррупция, чиновники... Да еще водка, наркотики всякие. Самоуничтожение сплошное. Примитив.

— Я про что и говорю, — оживился Володя. — То они здесь и тусуются постоянно, что нас за умных не держат. Зато и не обижают. Вон, кинули подальше и по новой за свои дела.

Меж тем стеклянный агрегат исчез с квадрата, а затем и сам невидимый ковер пропал. Адмирал это не столько увидел, сколько почувствовал — как-то так травка зашевелилась. Он достал из кармана оставшиеся от лесхозовского наряда деньги:

— Володя, может, пройдемся до «Елочки»? Что-то я чувствую, надо голову поправить. Стресс снять...

— Дело такое, — сочувственно кивнул Володя. — Ты посиди, я мигом, как на реактивном.

Но Адмирал сидеть не стал, а отправился туда, где его обидели прищельцы. Он внимательно вглядывался в траву. И нашел, что искал. В траве лежал

небольшой деревянный брусок. Неровно обструганный, он сам ложился в ладонь, а пальцы уютно укладывались в неровности. На ощупь бархатистый и теплый. И практически ничего не весящий. Что касается древесных узоров, то они были слегка выпуклыми, словно короеды постарались. Кончик бруска скошен.

Находка слегка скрасила плохое настроение, но не подавила горечь, сжигавшую душу Адмирала. Он провел бруском по травинке — ничего. Собрал целый пучок травы, слегка скрутил в жгут. Провел бруском поперек. Отпустил. Часть растений оказалась будто склеена друг с другом. И тогда, уже соображая, что делает, Адмирал положил рядом два листочка випритык и провел бруском вдоль. Листочки срослись. Буквально. Хотя и принадлежали травам разного вида. Без шва...

— Ясненько, — сказал Адмирал, пряча инструмент в карман.

Тут и Володя подоспел.

— К тебе или ко мне? — спросил, запыхавшись.

— У тебя сесть не на что, — напомнил Адмирал. — Так что ко мне. Э, смотри! Еще что ли летит?

Он вытянул руку к горизонту.

— Кто? Эти опять? — всполошился Володя. Приставил руку козырьком ко лбу, вперился в даль.

И тут Адмирал аккуратно и незаметно провел брусочком по ширинке Володиных брюк.

— Показалось, — сказал облегченно. — Пошли.

Настроение у него резко восстановилось. Главное, горечь пропала.

СЕРГЕЙ ПАЛЬЦУН

ЯВЛЕНИЕ Л'АУРЫ

(из цикла «Золотая крыса»)

Крысе Осе

Аспирант Института Нейрофизиологии Андрей Шмуляк, которого, впрочем, чаще называли пока просто Андрюхой или Шмулем, сделал себе кружку кофе покрепче и уселся за лабораторный стол. Предстояла еще одна бессонная ночь. Руководитель поручил Андрюхе наблюдение за важнейшим подопытным животным, и аспирант был исполнен решимости оправдать доверие. Конечно, это было бы проще сделать, отоспавшись после предыдущего дежурства, но днем нашлось множество других, более интересных, чем сон, дел. Теперь организм стремился наверстать упущенное, но Андрюха привычно надеялся на кофе и второе дыхание.

Покончив с кофе, аспирант откинулся на спинку стула и зашел. Песня всегда помогала «строить и жить», но прибегать к ее помощи удавалось не часто. Слух и голос у Андрюхи были так себе, и окружающие активно противились попыткам его вокального самовыражения. Сейчас, однако, противиться было некому. Лишь колбы на соседнем столе тихо дребезжали при особо ударных пассажах.

— Стальная крыса может спать спокойно. И видеть сны, пока стоим на страже мы! — памятью на стихи Андрюха тоже не блистал, но ничуть этим не тяготился и пел в акынской манере — обо всем, на что падал взгляд. Тут, однако, аспирант явно отступил от принципа «что вижу, о том пою»: подопытное животное отнюдь не было стальным. Стальной была клетка, в которой оно, словно насмехаясь над Андрюхой, беспробудно спало уже вторые стуки подряд. Сама же крыса была золотой. И не только в плане своей ценности для науки, но и самом прямом смысле — животным с золотой шерстью.

Андрюхин руководитель, самый молодой в стране доктор наук, профессор Клест, мечтал вывести лабораторное животное, которое не приходилось бы заменять новым после каждого эксперимента. Животное, у которого можно, не прибегая к вивисекции, в любой момент измерить потенциал любого нервного окончания. Над Клестом за глаза посмеивались, но он продолжал подбирать особые диеты и конфигурации полей, пока золото,

поглощаемое подопытными крысами с пищей, не стало накапливаться практически только в шерсти. К сожалению, достичь нужной концентрации металла не удавалось — организмы выросших в тепличных условиях лабораторных крыс-альбиносов ее не выдерживали.

Профессор оценил вероятность выживания хоть одной из следующих ста подопытных особей и задумался. После чего велел аспиранту поймать обычного серого пасюка, предки которого на своей шкуре испытали все прелести естественного отбора.

Ловлей крыс Андрюха не занимался даже в детстве, а потому направился не на помойку и не в подвал запущенного дома, а на птичий рынок. Где прямо у ворот и наткнулся на забуддыгу, пытающегося всучить всем входящим и выходящим трехлитровую банку со здоровенной серой крысой. Стоило Андрюхе остановиться, как забуддыга тут же протянул банку ему и принялся рассказывать, что крыса очень ласковая, ручная, выкормленная забуддыгой чуть ли не грудью, и если бы не крайне стесненные обстоятельства... «Домашняя...», — разочарованно вздохнул Андрюха, и забуддыга тут же громким шепотом признался, что крыса самая что ни на есть дикая, и стал плести небылицы про заброшенный секретный объект, где он ее поймал.

Небылицы аспирант пропустил мимо ушей, но крысу купил, поскольку вид продавца свидетельствовал, что, какая бы версия не оказалась правдивой, животное выросло отнюдь не в тепличных условиях. Купил и не пожалел, поскольку именно у Золотухи, как прозвал крысу Клест, удалось, наконец, превратить каждый волосок в нечто вроде проводка в кератиновой изоляции.

Последним шагом стало подключение этих проводков к нервной системе. Приборы показали, что подключение произошло, но говорить об успешном окончании эксперимента было рано — крыса впала в кому и выходить из нее не торопилась. Пропустить пробуждение Золотухи было совершенно недопустимо, и Клест установил круглосуточные дежурства у ее клетки.

Андрюхе, как самому молодому и неженатому, досталась ночная смена, и теперь он начинал склоняться к мысли, что в этой жизни надо что-то менять. Может, выполнять указания шефа и отсыпаться днем. А может, жениться и тем самым избавить себя от ночных дежурств и других малопривлекательных заданий — обычного удела холостяков, считавшихся людьми, которым и так слишком повезло в жизни.

— Решил я раз расстаться с жизнью холостою! — завел аспирант новую песню, но тут голова у него закружилась, так что он стал падать навзничь вместе со стулом; колбы, казалось, продребезжали «заткнись»; а мир вокруг стал нерезким и поплыл. Впрочем, продлилось наваждение всего пару секунд, и Андрюха успел, резко взмахнув руками и уцепившись за край стола, удержать равновесие. «Нет, все-таки отсыпаться необходимо!» — аспирант, наклонившись вперед, зажмурился и осторожно покрутил

головой. Головокружение отпустило. Андрюха медленно открыл глаза и обнаружил, что крыса уже не спит, а сидит, глядя на него ощутимо изучающим взглядом.

Аспирант потянулся к телефону. «Постой!..» Андрюха озадаченно оглянулся в поисках произнесшего это приятного женского голоса, но слово прозвучало, похоже, прямо в голове. «Заснул все-таки!» — от этой мысли бросило в холодный пот, но додумать ее аспирант не успел. Голос, чертовски похожий на голосок Андрюхиной школьной учительницы литературы Ларисы Петровны, предложил: «Давай поговорим».

Андрюха вновь оглянулся. Ларисы Петровны в окрестностях не наблюдалось — он, как и прежде, был в лаборатории один. Впрочем, не совсем — из клетки на аспиранта продолжала внимательно смотреть крыса, и в глазках ее мерцали искорки ума и даже иронии. «Да, да, это я», — вновь раздалось в голове, и крыса по-собачьи приветливо вильнула хвостом. Андрюха, забыв о возможном головокружении, помотал головой, потер кулаками глаза и стал ожесточенно растирать уши. «И долго ты тут будешь изображать “Утро кавалера”?» — скушаяще поинтересовался голос, и крыса демонстративно зевнула.

Выбор у Андрюхи был невелик: звонить в психушку или признать факт телепатического общения с крысой. Первый вариант был логичней, но второй казался гораздо более привлекательным. Аспирант еще раз пристально взглянул на крысу, и решил:

— Это ты, что ли?

«Ну, наконец-то. А я уж начала думать, что ты так и будешь всю ночь заниматься ободряюще-отрезвляющими процедурами».

— Так это действительно ты! — воскликнул Андрюха. — Нужно срочно звонить шефу!

«Нужно ли? — усомнилась крыса. — Ну, позвонишь ты шефу, ну похвалит он тебя... А дальше? А вот если ты меня выпустишь, я смогу предложить тебе кое-что гораздо более интересное. Например, исполнение желаний».

— Вроде как золотая рыбка? Любых желаний? — спросил Андрюха, подумывая, что, похоже, психушки ему все-таки не миновать.

«Практически любых. В рамках законов природы», — заверила крыса.

— Слушай, а почему ты предлагаешь это мне, а не шефу?

«Его главное желание — исследовать меня как феномен. Меня лично это не устраивает».

— А как я ему объясню твое исчезновение? — продолжал сомневаться Андрюха.

«Не надо ничего объяснять. Спрячь клетку, сотри файлы, сожги записи. Памятью шефа я займусь сама. В худшем случае он будет думать, что видел дурацкий сон».

— А почему бы тебе, в таком случае, просто не внушить мне, чтобы я тебя выпустил? — в последний раз усомнился Андрюха.

«Ты такой забавный, — загадочно ответила крыса. — Такой молодой, жизнерадостный, непосредственный. Твои желания так просты и естественны. Ты будешь моим любимчиком — а с любимцами нужно быть честной и ласковой... И, кстати, не называй меня больше ни Золотухой, ни Экземой, ни какой-нибудь еще Заразой. Я — л'Аура. Просто л'Аура».

Андрюха отбросил последние сомнения, и открыл дверцу клетки...

Утром все прошло, как и обещала л'Аура. Шеф даже не поинтересовался, что это аспирант всю ночь делал в лаборатории, и Андрюха, который так и не придумал никакой правдоподобной версии, облегченно вздохнув, отправился домой.

В аспирантском общежитии он тщательно запер за собой дверь комнаты, и, вынув крысу из кармана, торжественно объявил:

— А вот и мои апартаменты! Сосед на пару месяцев отправился на родину погреться, так что разместимся в лучшем виде...

«Да уж, апартаменты... — проворчала, оглядываясь, л'Аура. Комната, казавшаяся Андрюхе после шести лет студенческой общаги барскими хоромами, явно не вызывала у крысы ни малейшего восторга. — Кто тут у вас главный? Немедленно идем к нему».

— Ты что! — содрогнулся Андрюха. — К нашей комендантше? Она же ненавидит все человечество — особенно его мужскую половину. Да ее просто в коридоре встретишь, поздороваяешься — так глянет, что потом целый день в себя приходишь. А если еще и слово поперек сказать, не говоря уж о том, чтобы права качать... Да мы вообще отсюда вылетим! В парке ночевать будем...

«Лучше в парке, чем в этой задрипаной конуре! — решительно заявила л'Аура. — Мой любимец должен жить в просторном светлом помещении. И соседи нам не нужны. Работать мешают, да еще и заразу могут занести. А у этой вапшей Хозяйки Грязной Дыры наверняка припрятана пара заветных золотых ключиков».

Суrowая мужененавистница, которую аспиранты-биологи прозвали Черной Вдовой, а психологи — Зубастой Вагиной, окинула робко протиснувшегося в комендантский кабинет Андрюху тяжелым оценивающим взглядом маньяка-расчленителя. Аспирант судорожно сглотнул, и чуть было не дернул обратно дверь, но л'Аура напомнила: «Я с тобой», — и на Андрюху снизошло безмятежное спокойствие. Он ощутил, что жизнь прекрасна и удивительна, что будущее светло, что комендантша, в сущности, неплохая тетка и, вообще, нет таких крепостей, которых они с л'Аурой не смогли бы взять. Похоже, подобное произошло и с комендантшей: взор ее смягчился, и плавно полившие из уст Андрюхи слова были выслушаны вполне благосклонно. В конце прочувствованной речи о величайшем значении для будущего науки жилищных условий аспиранта Шмуляка, комендантша даже пустила слезу. После чего, угостив Андрюху чаем с вареньем, выдала ему ключ от однокомнатной гостинки.

Рассовав нехитрые пожитки по шкафам и полкам, Андрюха восторженно закружился по комнате, напоминая щенка, гонящегося за своим хвостом. Л'Аура ласково взирала на него со стола.

— Надо позвать ребят — отметить новоселье! — воскликнул Андрюха.

«Нет, нет, — возразила крыса. — Мы устали, нам надо отдохнуть. Завтра мы идем к Клесту насчет твоей научной карьеры. Мой любимец не должен мыть пробирки и стеречь по ночам всяких крыс. Так что, поешь и спать...»

Андрюха был убежден, что небольшая гулянка никогда и ничему помешать не может. Но разве мог он сегодня огорчить Л'Ауру возражениями?

Несмотря на ошеломительный успех в решении жилищного вопроса, Андрюха сомневался, что с научной карьерой все пойдет столь же гладко. Согласно классификации Клеста, аспирант Шмуляк относился к крепким середнячкам. Крепкому же середнячку для начала как минимум полгода надлежало доказывать свою преданность науке, ведя журналы наблюдений и бегая с бумажками. Потом — годика два под неусыпным контролем руководителя заниматься первичной обработкой результатов и оформлением статей. И лишь затем середнячок мог попытаться проявить некоторую самостоятельность мышления и засвидетельствовать сей факт написанием диссертации.

Андрюха лишь приближался к началу второго этапа и отнесся к рисуемым Л'Аурой перспективам скептически. Одно дело комендантша, которая при всей своей мизантропии любила животных, и могла под влиянием Л'Ауры увидеть в молоденьком аспирантике бездомного щенка. Совсем другое — язвительный и не признающий авторитетов Клест, всякие попытки давления на которого приводили обычно к прямо противоположным результатам.

Однако отговорить Л'Ауру от задуманного не удалось, и Андрюха, тяжело вздохнув, посадил крысу в карман и направился в институт. Шел прогулочным шагом, разглядывал прохожих, витрины и бродячих собак, зашел в магазинчик выпить кофе, переходил улицы исключительно на зеленый свет... Однако не прошло и двух часов, как оказался перед дверью лаборатории. Представив, какой поток сарказма обрушится на него через несколько минут, Андрюха сделал глубокий вдох и рывком распахнул дверь.

И тут его неспешный эволюционный научный рост сменился бурным карьерным взлетом. Отругав аспиранта за опоздание, Клест без всякого перехода заявил, что тому давно уже пора браться за диссертацию. Андрюха, как раз начавший мямлить что-то про испорченный будильник, утратил дар речи, да так и застыл с открытым ртом. Между тем руководитель, подробно объяснив аспиранту, какие материалы нужно включить в диссертацию, в какие журналы следует послать статьи, и даже где и как лучше всего организовать банкет, закончил совсем уж неожиданным предложением взять домой один из лабораторных компьютеров.

Последнее окончательно выбило Андрюху из колен, и л'Ауре пришлось совершенно по-крысьи куснуть его за палец. Выйдя из ступора, аспирант ткнул укушенным пальцем в самую лучшую машину и быстро, пока шеф не передумал, побежал к завхозу за разрешением на вынос техники.

Оставшись один, Клест недоуменно посмотрел на свое отражение в темном мониторе выбранного Андрюхой компьютера, пожал плечами, и вернулся к обдумыванию новой статьи.

Андрюха взялся за дело. Мучимый стыдом, он поклялся себе, что напишет такую диссертацию, которая покажет шефу и всем остальным, что аспирант Шмуляк вполне готов к серьезной самостоятельной работе. А работать пришлось действительно серьезно. Остро ощущавшуюся нехватку пары лет неусыпного руководства и натаскивания, первоначально намечавшихся шефом, приходилось компенсировать почти круглосуточным сидением за компьютером и литературой. Л'Аура поначалу наблюдала за своим любимцем с умилением, но потом заскучала и стала капризничать.

Прежде всего, она заявила, что безвылазно сидеть целыми днями дома крайне вредно для здоровья, и Андрюхе пришлось два раза в день не менее получаса прогуливаться с крысой в кармане. Во время одной из таких прогулок л'Аура увидела на книжной раскладке шикарно оформленный том «Домашние любимцы». По требованию крысы том был куплен, и теперь Андрюха каждый вечер должен был читать ей о дрессировке собак и уходе за кошками. Чтение это вгоняло его в сон, однако л'Аура слушала всегда с неослабевающим интересом и даже порой просила повторить то или иное место. В конце концов, Андрюха не выдержал и, жалуясь на поджимающие сроки, взмолился об освобождении от прогулок и чтения. Л'Аура выслушала его стенания и заявила, что им нужно еще раз посетить Клеста.

Клест встречался с Андрюхой по утрам в понедельник. Обычно он быстро просматривал наработки за неделю, делал замечания, давал советы и отправлял аспиранта трудиться дальше. На этот раз Клест, однако, надолго задумался, бормоча под нос что-то вроде «Совершенно невозможно!», а потом резко отодвинулся от стола и встал:

— Вот что, Андрей, обстоятельства требуют, чтобы ты защитился как можно скорее, а ты работаешь хорошо, но недостаточно быстро. Думаю, нынешние наработки ты используешь потом, а пока возьми-ка вот это... — Клест подошел к шкафу и извлек из него средней толщины папку. — В свое время у меня были недоброжелатели в Совете, и я на всякий случай написал сразу две диссертации — по разным специальностям. Естественно, одна из них так и осталась невостребованной. Бери. Изучай, оформляй, и вперед — на защиту...

Защита состоялась через два месяца. Благодаря ли хорошей Андрюхиной подготовке, или авторитету шефа, или л'Ауре, сидевшей в старом дипломате с аккуратно проделанными соискателем дырочками, но прошла защита без сучка без задоринки. Все присутствующие, включая оппонентов, были

настроены более чем благожелательно, и только необходимость соблюдения все формальности препятствовала немедленному переходу к банкету. Однако формальности, наконец, закончились, все нужные слова были сказаны, и радостно возбужденные коллеги увлекли Андрюху в банкетный зал. О л'Ауре он вспомнил, лишь увидев у дверей своей гостинки принесенный кем-то дипломат.

Андрюхе стало безумно стыдно. Хотелось немедленно броситься к дипломату, выпустить из него бедную крысу и на коленях просить у нее прощения, но он не мог этого сделать. Андрюха был не один. Вместе с ним к дверям его холостяцкой обители, поцокивая каблучками, двигался объект эротических мечтаний всего мужского населения института — лаборантка Леночка.

Каким ветром занесло это чудное творение природы, безумно боявшееся мышей и крыс, в Институт Нейрофизиологии никто не знал, да и знать не хотел. Никому и в голову не могла прийти бредовая мысль заставить Леночку мыть пробирки или готовить препараты. Ведь стоило ей в своем спитом по спецзаказу мини-халатике зайти с какими-нибудь бумагами в директорский кабинет, как присутствовавшие там несговорчивые заказчики или суровые представители контролирующих организаций тут же смягчались. Они охотно соглашались выпить приготовленного Леночкой чаю, и без возражений подписывали все заранее подготовленные документы, которыми как раз и оказывались принесенные ею бумаги.

Естественно, когда владычица грез на банкете вдруг стала уделять виновнику торжества повышенное внимание, Андрюха забыл обо всем на свете. И уж, конечно, ему даже в бреду не могла прийти в голову мысль открыть при Леночке чемодан с крысой...

Решив, что с л'Аурой он объяснится утром, Андрюха открыл дверь, включил свет и галантно склонился, приглашая даму войти. Но тут Леночка издала совершенно неэстетичный вопль и, теряя туфельки, бросилась прочь, а за спиной ошалевшего и слегка оглохшего кавалера раздался слаженный многоголосый писк. Андрюха оглянулся — весь пол в коридорчике был покрыт крысами, вполне членораздельно исполнявшими: «К нам приехал, к нам приехал...».

Андрюха в прострации опустился на тумбочку для обуви, и в голове его раздался упрекающий голос л'Ауры: «Что же ты, Андрюшенька, мы так старались, готовились...» В этот момент Андрюхе показалось, что крысиные ряды, хищно оскалившись, сделали шаг вперед, и он, содрогнувшись, вжался спиной в стену. «Все свободны», — сказала л'Аура, и крысы, мгновенно умолкнув, начали разбегаться. «Как же ты мог, Андрюшенька, — продолжила упреки л'Аура, — привести такую девушку в свою грязную берлогу? На продавленный диван, к пустому холодильнику? А шампанское, свечи, средства предохранения? Или ты собирался сыграть с ней партию-другую в пашки? А как же твое будущее? Или ты думаешь, что директор будет в восторге от твоих невинных шалостей со своей?..»

Тут Андрюха не выдержал и зарыдал. «Ну, ничего, ничего, маленький, — утешила его л'Аура. — Открой чемоданчик, ляжем спать, а утром подумаем, как жить дальше».

Утром л'Аура предложила Андрюхе попросить у Клеста недельку-другую отпуска, чтобы прийти в себя после напряженных трудов. Мысль об отпуске пришлась Андрюхе по душе — он давно уже мечтал поваляться на теплом песочке и поплескаться в соленой водичке. Правда, Клест исповедовал принцип, что лучший отдых — смена решаемых задач, а потому находил бессмысленное лежание на песке тягостным отупляющим занятием и не поощрял подобных устремлений в своих аспирантах. Но л'Аура уже доказала, что для нее не решаемых проблем нет, и Андрюха с готовностью распахнул перед крысой давешний дипломат. Л'Аура, однако, отказалась туда лезть, заявив, что после полученной вчера душевной травмы пребывание в дипломате может вызвать у нее тяжелую депрессию и даже психоз.

Больших карманов в одежде Андрюхи по летнему времени не нашлось, и он заметался по квартире в поисках чего-нибудь пригодного для транспортировки крысы. В конце концов, л'Аура, поломавшись, согласилась отправиться в институт в обувной коробке, но по дороге Андрюхе пришлось купить модный в этом сезоне пластиковый чемоданчик, больше похожий на сундучок с ручкой на крышке.

Сундучок был отдан институтскому умельцу Василичу и к вечеру под незримым руководством крысы оборудован системой принудительной вентиляции, баллоном с водой и аварийным люком. Дно сундучка Васильич выстелил чем-то очень мягким и при этом упругим, а замок снабдил рычажком, позволявшим отрывать и закрывать сундучок только изнутри.

Л'Аура осталась довольна приобретением, и Клест отпустил Андрюху на целый месяц.

Курортный сезон был в разгаре, но Андрюха с л'Аурой легко сняли за символическую плату отдельную квартиру недалеко от моря. Крысу море не интересовало вовсе, и Андрюха быстренько сбегал на пляж, оставив л'Ауру наедине с телевизором. «Окунись, и сразу обратно», — заверил он крысу, но, дорвавшись до моря, вспомнил о своем обещании только к вечеру, когда о бледнолицем утреннем прошлом напоминала только узкая полоска кожи, скрытая под плавками.

Охая и расканываясь, Андрюха поплелся домой. Он ожидал выволочки от л'Ауры, но та была на удивление тиха и задумчива, и только попросила показать ей, как выключать «этот мерзкий ящик». Пораженный пробелом в крысином всемогуществе, Андрюха, упиваясь внезапным превосходством, снисходительно объяснил, как пользоваться дистанционкой, но торжествовал недолго. Л'Аура не только моментально освоила новую технику, но, немного поэкспериментировав, стала переключать каналы без всякого пульта.

Устыдившийся Андрюха ретировался в ванную, но вскоре со стонами вышел оттуда и направился к постели, призывно манящей прохладными

простынями. Правда, простыни показалась обожженной коже раскаленными сковородками, но по сравнению с расплавленным металлом теплого душа это было просто раем. Андрюха попытался устроиться поудобнее, но, похоже, ему каким-то образом удалось обжечь практически все. Л'Аура, наблюдала за его страданиями со злорадным ворчанием: «Что, отрицательное подкрепление не нравится? Ничего, зато рефлекс закрепится надежней», — но потом сжалась, и Андрюха провалился в глубокий сон.

Пару следующих дней Андрюха вел исключительно правильный образ жизни. Встав с рассветом, шел на пляж. К одиннадцати, закупив по дороге продукты, возвращался домой. Л'Аура к тому времени заканчивала просмотр утренних передач и погружалась в раздумья. Андрюха принимал душ, ложился на диван и до самого обеда вел с крысой неспешные обстоятельные беседы.

Л'Аура и раньше любила в свободные минуты послушать Андрюхины детские воспоминания, особенно о юннатских экспериментах на кошках, но теперь круг интересующих ее вопросов заметно расширился. Крысу стали занимать отношения Андрюхи с родителями и другими родственниками, со школьными учителями и институтскими преподавателями, с друзьями и начальством. Она докапывалась до подоплеки поступков, стремилась понять исходный смысл обычаев и негласных правил, дотошно выясняла весь спектр значений, которые люди вкладывают в двусмысленные слова и выражения. Андрюха искренне пытался удовлетворить Л'Аурино любопытство, но от непривычки к столь углубленному анализу быстро утомлялся, а иногда просто не знал, что ответить. Л'Аура, впрочем, результатами бесед, похоже, была довольна.

После обеда Андрюха часок дремал, затем вновь отправлялся на пляж, а с закатом возвращался домой и ложился спать.

Здоровый образ жизни не замедлил принести плоды — Андрюху потянуло к вечернему курортному разгулу. Он даже подготовил аргументированную речь о необходимости светской жизни, но произнести ее не успел. Включив как-то утром телевизор, Л'Аура через пять минут выключила его и сердито заявила: «Это совершенно невозможно! Когда я общаюсь с тобой, то чувствую всю естественность и биологичность людских поступков. А когда смотрю этот ящик, мне совершенно очевидно, что вид, состоящий из таких дегенеративных особей, просто не мог бы выжить. Нам обязательно нужно побывать в местах большого скопления людей. Мне нужно больше данных!»

Вечером Андрюха осел в одном из многочисленных открытых кабачков на набережной и, попивая пиво, лениво наблюдал за гуляющей публикой. Сундучок с крысой стоял под столом, и до Андрюхи изредка доносились обрывки Л'Ауриных размышлений: «... вполне биологичны... любопытный экземпляр... стоило бы заняться отдельно... ну и бред...». Возможно, Л'Аура ожидала от Андрюхи отклика, но тот был слишком занят

созерцанием статистически неправдоподобного количества сногшибательных, красивых и просто чертовски симпатичных девушек, фланирующих по набережной. Его все больше тяготила явная мизогиния крысы, стоящая между ним и этими дивными творениями природы и макияжа. На фоне этого препятствия даже ров финансовой недостаточности с каждой минутой казался все мельче и незначительней... И тут Л'Аура потрясла Андрюху в очередной раз: «Самочка, на которую ты уставился, готова на все и без каких-либо обязательств. Хочешь? Вперед! Встретимся утром».

Утром Андрюху разбудил звонок в дверь. Чрезвычайно вежливый бомж, рассыпаясь в извинениях по поводу столь раннего визита, протянул ему сундучок с Л'Аурой и поспешил откланяться.

Жизнь Андрюхи приняла совершенно эфемерный характер. Просыпаясь далеко за полдень, он шел освежиться на пляж. Потом прогуливался с крысой по набережной, где она, руководствуясь какими-то своими критериями, выбирала кабачок. Андрюху сажали за лучший столик, кормили и поили за счет заведения, а потом Л'Аура указывала на жаждущую тесного общения девицу и расставалась с Андрюхой до утра, когда крысу доставлял домой очередной бомж. Бомжи, как и девицы, каждый день менялись, но уже через пару недель разгульная жизнь стала казаться Андрюхе однообразной и утомительной. Еще немного, и он вслед за Клестом пришел бы к идее тягостности бессмысленного отдыха, но тут Л'Аура закончила свои исследования, и следующую ночь Андрюха безгрешно проспал в поезде.

Пара визитов с Л'Аурой к руководству института закончились тем, что новоиспеченный кандидат занял вновь созданную должность заместителя директора по связям с общественностью. Теперь у него был свой кабинет с табличкой на двери, и обращаться к нему следовало не Андрюха, и тем более не Шмуйл, а исключительно Андрей Борисович.

Оставалось показать, что Андрей Борисович владеет всеми этими атрибутами по праву. Обязанности нового заместителя были сформулированы директором просто: «Фильтровать общественность и устанавливать тесные связи с ее золотоносным осадком». Однако как это сделать без содействия крысы, Андрюха представлял плохо. Л'Аура, между тем, содействовать не торопилась. «Я не для того обеспечивала тебе кабинет с кондиционером и умывальником, чтобы сидеть целыми днями в тесном ящике, — заявила она. — Раз уж ты собираешься убажать, можешь потренироваться на мне».

Андрюха задумался, и вспомнил о макете нового лабораторного корпуса, который институт собирался строить лет пятнадцать назад. Примерно тогда же возникли проблемы с финансированием, и макет из вестибюля перекочевал на склад, где мирно пылился в дальнем углу, ожидая списания.

Макет был извлечен со склада и, благодаря умелым рукам Васильича, снабжен открывающимися дверями, электроосвещением, вентиляцией и даже фонтанчиком перед входом. Обновленный и сияющий макет, в котором Андрюха лично оборудовал мягкую лежанку и кормушку, занял

почетное место рядом с замдиректорским столом, и был представлен Л'Ауре как ее личный кабинет.

«Что ж, Андриюшенька, — сказала довольная осмотром крыса, — теперь можно заняться и общественностью». Обрадованный Андриюха тут же изложил свой план: посетить ушедших в бизнес выпускников биофака и поговорить о любви к брошенной ими науке. «Боюсь, Андриюшенька, их любовь к науке окажется недостаточно сильной, чтобы жертвовать ради нее деньгами. Люди, готовые на такие жертвы, сами сидят по институтам вроде нашего. А мои летние исследования показали, что подавляющее большинство особей вашего вида интересуется любовью совершенно иного плана. Да, ты и сам это, наверно, заметил». Андриюха покраснел, а крыса продолжила: «Встречаются, конечно, весьма любопытные исключения, но ими я займусь позже. А сейчас нужно собрать брифинг и сообщить, что ваш институт стоит на пороге создания потрясающе эффективного средства от импотенции, но для его доработки и выпуска пробной партии нужны деньги...»

— А поверят? — перебил Андриюха.

«Поверят, — заверила Л'Аура. — Во-первых, там буду я, а во-вторых, мы подберем таких журналистов, для которых данная проблема весьма актуальна. Телевизионщиков я назову прямо сейчас, а газетчиков позже, когда ты считаешь мне их статьи. А уж они приложат максимум усилий, чтобы поверили все».

Спустя примерно месяц после брифинга, когда о новом чудо-препарате заинтересованно заговорили даже приподъездные бабушки, Андриюху вызвал директор.

— Поздравляю, Андрей Борисович. Начало великолепное. Нами заинтересовались весьма серьезные люди. Пока, конечно, на уровне прощупывания, но, думаю, через месяц-другой могут поступить конкретные предложения. Надеюсь, с переговорами по этим предложениям вы справитесь столь же блестяще, — директор оглядел Андриюху критическим взглядом. — А вот солидности вам надо бы добавить, Андрей Борисович. Завтра же выпишем премию, пройдитесь с Леночкой по магазинам... Бороду отпустите... Ну и, конечно, нам нужно срочно браться за докторскую.

Андриюха дернулся возразить, но директор жестом остановил его, и продолжил:

— Я не оговорился, Андрей Борисович. Не вам, а именно нам. Институт должен и будет заботиться о своем обращенном к общественности лице. Любой отдел сочтет за честь. Соревноваться будут, в надежде на приоритетное финансирование.

Директор на миг задумался, видимо представляя себе формы и размах соревнования, и слегка нахмурясь продолжил:

— Вот только, если будет финансирование, придется и препарат представить. Инвесторы шуток не любят... Впрочем, — директор вновь

посветлел лицом, — у нас ведь есть Клест! Ему, гению, это раз плюнуть. Правда, проблемы наши его волнуют мало — грантами перебирает. Но я уж постараюсь уломать. В ножки упаду, пообещаю все, что захочет... В крайнем случае... В общем, не волнуйтесь, Андрей Борисович, о препарате я позабочусь.

Планы директора успешно воплощались в жизнь. Бородка, стильный дорогой костюм и купленные по настоянию Леночки фотохромные очки придали Андрюхе вид человека, к словам которого стоит прислушиваться. Под руководством той же Леночки, походка его приобрела вальяжность, а манера выражаться стала веской и неторопливой. Сотрудники одного из отделов опережающими темпами писали докторскую, а несколько потенциальных инвесторов созревали для серьезных переговоров. Подготовка к переговорам тоже шла полным ходом. Составлялись списки напитков и закусок, Леночке шили новый, еще более сногшибательный, халатик, сама она изучала японскую чайную церемонию и бесконтактный массаж... И только Л'Аура снова забастовала. «Отечественные инвесторы — люди подозрительные, даже самим себе не верят, — заявила она. — А я не робот — у меня обмен веществ имеется. И сейчас концентрация золота в моем организме ниже, чем необходимо для работы с такими сложными объектами. Так что, утром — золото, вечером — переговоры, вечером золото — утром переговоры».

В принципе, удовлетворить Л'Аурино требование было несложно — Андрюха прекрасно помнил, где хранилась банка с составленным Клестом порошком, который тот лично подсыпал в крысиный корм в ходе эксперимента. Нужно было просто пойти и взять эту банку, вот только стояла она в лаборатории Клеста, а отношение Андрюхи к бывшему шефу стало в последнее время более чем прохладным. Внешне Андрюха был вежлив и даже приветлив, но неприязнь в душе росла с каждой встречей.

При этом встречного охлаждения со стороны Клеста не наблюдалось. Он, конечно, был в ярости, когда из-за пущенного кем-то слуха, что новым препаратом занимается именно Клест, инвесторы весьма грубо навязали ему разработку «костылей для умственных инвалидов, застрявших на биологическом уровне развития», но Андрюху в этом не винил. Слишком уж молод и неопытен был, по мнению Клеста, бывший аспирант для таких комбинаций, хоть и занимал теперь солидную должность. К новому замдиректора Клест, единственный в институте, продолжал обращаться по имени и на «ты», а при встречах смотрел на него, скорее, с жалостливым недоумением, как бы говоря: «Угораздило же тебя, парень».

Андрюху эти взгляды приводили в бешенство, доводя неприязнь чуть ли не до ненависти, и он совершенно не желал ощущать их на себе лишний раз. Однако встреча с инвесторами неумолимо приближалась, и Андрюха, стиснув зубы, пошел за кормом. Клеста, к счастью, на месте не оказалось. Андрюха схватил банку и, забыв про вальяжность, побежал к Л'Ауре.

Получив требуемое золото, крыса смягчилась, и обработка инвесторов пошла весьма успешно. С каждым новым финансовым поступлением на счет института отношение сотрудников к Андрею Борисовичу становилось все восторженней, и даже сам директор, зайдя как-то по-свойски в Андрюхин кабинет, сказал, что еще немного, и можно спокойно уходить на пенсию. Институт не пропадет, есть надежные руки, которые не дадут ученым стать дипломированными базарными торговцами. Тем более, Клест уже практически создал обещанный препарат.

Впрочем, Андрюха и без директорских слов не сомневался в своем светлом будущем. Докторская диссертация была готова, а ее защита — делом практически решенным. Удачно решился и квартирный вопрос — мэр города в рамках предвыборной кампании решил поддержать популярную в народе разработку, и выделил институту несколько квартир.

Вскоре после получения ордера Андрюха прихватил сундучок с л'Аурой и направился в новую квартиру.

Комнаты пока пустовали, если не считать огромного надувного матраса, занимавшего угол будущей спальни. В кухне, однако, уже стояли пара табуреток и стол. А на столе розовел тайно приобретенный Андрюхой сюрприз: самый большой кукольный домик, какой удалось найти. «Что это за розовый бред? — удивилась л'Аура. — Ты что, Андрюшенька, решил впасть в детство? Или... хочешь меня в этом поселить?» Андрюха, ожидавший совсем другой реакции, залепетал, что домик, конечно же, еще будет отдан на доработку Васильичу, а если надо, то и перекрашен, но крыса перебила: «А почему это, Андрюшенька, я, находясь у себя дома, должна скрываться в этом порождении инфантильного воображения?»

— Ну, ко мне же могут заходить гости...

«С кем надо ты вполне можешь пообщаться в рабочем кабинете или в ресторане. Средства позволяют», — возразила л'Аура.

— А женщины?

«Любопытные самочки, которые будут совать свой нос во все щели, и думать, как бы они тут все переставили? С ними вполне можно встречаться на их территории».

— Ну, хорошо! — уже раздраженно сказал Андрюха. — Но ведь кто-то должен здесь убирать, стирать. Мне нужна хотя бы приходящая домработница.

«Может, сразу повесить на двери табличку «Осторожно злая крыса!»? — съязвила л'Аура. — Не лучше ли купить пылесос, микроволновку и прочую технику?»

— Купить-то я куплю! — вспыхнул Андрюха. — Но ведь всем этим кто-то должен орудовать! Я уже не мальчик-аспирантик. Я солидный человек, скоро стану доктором, а там, глядишь, и академиком, и у меня нет ни времени, ни сил, ни желания...

«Академиком ты не станешь, — перебила крыса. — Я же говорила, что могу совершать чудеса только в рамках законов природы. Твоего бывшего шефа я могла сделать академиком, впрочем, он, если захочет, станет им и без меня, но тебя... Ты Андрюшенька достиг потолка».

Андрюха ошеломленно замолк, а Л'Аура, между тем, продолжила: «Что-то ты, Андрюшенька, становишься скучным. Боюсь, я начинаю в тебе разочаровываться. Похоже, пора передавать тебя в другие руки. Плодись, размножайся, наслаждайся карьерой и домашним уютом, а я, пожалуй...» Андрюха хотел возразить, что Л'Аура неправильно его поняла, что он...

«Что за странные мысли могут прийти в голову. Какие крысы могут быть в новой, еще даже не обставленной квартире? Привидится же такое. Совсем заработался», — Андрюха потер виски, достал мобильник и позвонил Леночке, чтобы пригласить ее помочь подобрать обстановку...

Аспирант физмата Егор Максютин откинулся на стуле, и зажмурил уставшие от многочасового взглядывания в монитор глаза. Страшно хотелось спать, но завтра выступление на семинаре, а доклад еще не готов. Егор со вздохом открыл глаза, и понял, что все-таки заснул. На коврике для компьютерной мыши, внимательно разглядывая аспиранта, сидела золотая крыса...

Киев, 5 октября 2003 г. — 17 января 2004 г., 7 марта — 25 апреля 2010 г.

СЕРГЕЙ КАРЛИК

ОТЕЛЬ «ДОМ ФАРАОНА»

Тот, кто изобрел мобильный телефон, очень хорошо знал, что делал. Хорошая такая штука для босса, который решил держать подчиненных в зоне своей досягаемости. Для того очень богатого босса, который может даже подарить подчиненному машину только для того, чтобы тот не ездил на метро и всегда был под рукой. Да чтоб оно все горело синим пламенем!

Стою в пробке, из которой не могу вырваться уже минут сорок, и тут начинает орать дурным голосом Хоя мобильный.

— Возвращайся в офис.

— Влад, ты обалдел, я уже в отпуске. Ты меня отпустил в него всего минут сорок назад.

— Вот и чудненько, совместишь приятное с полезным, за хорошие премиальные. У тебя это хорошо получается.

Я почувствовал, что у меня на висках появилась влага. Черт возьми, ненавижу потеть и вонять. Душ в связи с этим принимаю раза по три в день, если, конечно, не на слезке. Машины пахнут бензином и маслом, кожаный салон — кожей. Город пахнет бомжами, пылью и помойками. Одежда и тело впитывают это в себя, как губка, а если еще и вспотеть...

— Влад! Ты же отпустил меня в отпуск.

— Конечно, отпустил. Ты куда собирался?

— В Индию.

Машина впереди сдвинулась вперед, и я аккуратно переместил свой Форд на пару метров. Ездил бы на метро — был бы уже дома.

— Поедешь в Египет.

— Но я же, черт возьми, уже был в Египте! Я же только что оттуда вернулся!

— А мне плевать. Семен, чего ты мне мозг парить? Две недели, все включено, четыре звезды. И дело почти не стоит выеденного яйца.

— Почти?

Я физически почувствовал, как чья-то волосатая задница заерзала в шикарном кожаном кресле от ощущения, что под обивку насыпали гороха. Не стояла выеденного яйца моя последняя поездка в Египет, от которой еще и загар не прошел. Собирали обеспокоенному отцу компромат на зятя-египтянина, который оказался почти ангелом во плоти. Два высших,

христианин, не женат и не был. Родители-крестьяне, которые на сына нараводаться не могли, сами неграмотные, зато сыночек вон какой! Пришлось папе дочку отдавать замуж за бусурманина.

— Почти, — обреченно подтвердил Влад. — Но ты знаешь, это надо видеть, возвращайся в офис, покажу.

— Влад, я сейчас на МКАДе.

— Я подожду.

— В пробке, до ближайшего съезда километра полтора, а мы тут двигаемся как зомби вброд против течения.

— Я подожду.

Тут у меня не просто намокли виски, а по спине пробежали мурашки.

— Влад. Какого черта?

— Много денег.

— И все?

— Нет. Еще кое-что.

— Мафия?

— Упаси господь. Что-то очень-очень странное. Я вчера весь вечер в Интернете фотографии собирал, клел глаза на монитор до часу ночи. А сейчас подумал и решил, что в отпуск ты поедешь позже.

Виктория улыбнулась мне своей самой дружелюбной улыбкой. Дела мои явно были плохи, раз уж эта стерва мне улыбается, значит, что-то очень грязное мне хотят поручить. Вообще работа детектива — это изначально что-то грязное, потому что чужое нижнее белье — наш рабочий материал. Иногда, в прямом смысле этого слова, по трусам можно сказать больше, чем по лицу их владельца.

Проходя мимо зеркала в коридоре, я поглядел в него и слегка подправил волосы расческой. Хотя перед кем я собрался красоваться? Перед Владом? Он мужик, чего ему до моей внешности? Он пусть и с заурядным лицом, но более успешен, чем я. Никто и никогда ему не шепнет в спину «красавчик», но зато он точно может позволить себе любую женщину. К тому же на пять лет меня младше, работодатель чертов. А я беру внешностью и опытом. Сто пудов дело будет в женщине.

На стол мне хлопнулась пачка фотографий.

— Отель называется «Фараон Хоум». Даму зовут Вероника Ерофеева. Официально считается пропавшей без вести.

На фото блондинку с кучеряшками и в розовом платье обнимал подвыпивший мужик в синей футболке. Он явно годился ей в отцы. Парочка радостно скалилась в камеру, причем, судя по дате в углу, было это на прошлой неделе.

— Безутешный отец хочет, чтобы ему вернули дочку?

— Да.

— Много платит?

Влад назвал сумму, и повисла тягостная тишина.

— Да-да, именно столько. Тут есть еще один нюансик: он сам только что оттуда, пытался сделать это сам. Безуспешно. Тупо не нашел ее в отеле.

— Как это?

— А вот так. Нету. Как выписалась, так никто ее там, кроме приезжих туристов, и не видел.

— Влад. В чем косяк?

— Посмотри внимательно на фотографии, их много.

Минут пятнадцать я перебирал фотографии, Влад явно наковырял их из сети. То, что я в них засек, мне не понравилось.

— Когда она типа пропала без вести?

— Почти пять лет назад. Кофе?

— Тут без ста грамм не разберешься. Да, кофе.

— Вика! Два кофе! Пропала пять лет назад, в отеле. И теперь она регулярно появляется в нем.

— Девушка легкого поведения?

— Не то слово. Слаба на передок чуть не с младенчества. Выпить тоже любит. При этом во всем остальном вполне вменяемая. Выспее, язык, и внешностью бог не обидел.

— Мужики чего-то уж больно странные, сплошь забулдыги.

— Точно. А жених был — красавец, два метра ростом, и собирался ей квартиру подарить.

— И платье везде одно и то же.

— Совершенно верно. И сама ни капли не изменилась за пять лет.

— Мистика!

— Самая настоящая. Я когда понял, что тут что-то странное, то начал рыть дальше, — передо мной хлопнулась еще одна стопка. — Смотри, еще пара пропавших.

Свежеотпечатанные на струйном принтере листочки пахли чернилами и поражали яркими цветами африканской страны.

— В этом нет никакого смысла.

— Совершенно верно. Первый, тот, что с бородой, в кепке и с красным лицом — забулдыга и алкаш каких мало. Ерофей Станиславович. Шабашил на частных квартирах, руки золотые, первый раз в жизни поехал за границу, всем хвалился, что у него там все включено, и он там будет пить, пока у местных водка не кончится.

— Судя по всему, он там не только сам пил, но и спаивал всех подряд.

На фотографиях бородач держал в одной руке стакан, а в другой счастливого собутыльника, изредка собутыльницу. При этом синяя футболка, красная кепка и белые шорты были неизменными на всех картинках.

— Зачем отелю в четыре полноценных звезды алкаш и шлюха?

— Они ему не нужны.

— Тем не менее, если верить фотографиям, они довольно весело проводят там время, никто их оттуда не гонит, а их родственники не могут их найти, даже проживая на территории этого отеля неделями.

— Дело нечисто.

— Вот и я о том же. Так что ты отправляешься в Египет за счет фирмы.

— Что хоть за отель? — чувство обреченности захлестнуло меня с головой. Честно говоря, у меня была мечта перед отъездом за границу добраться до дачи и первым делом просто полежать на траве. Посмотреть в синее небо. Протушить так часик, и только после этого заняться хозяйством, которое после смерти отца медленно, но верно приходило в упадок. Я уже так свылся с мыслью, что это будет скоро, что облом в виде поездки в Египет за счет фирмы не был чем-то равноценным по стоимости. Вот ни Индии тебе, ни дачи. Обычный Египет. Индия была как-то предпочтительнее, и плавать, что там скоро сезон дождей.

— Отель четыре звезды. Вот фотографии. На третьего персонажа внимание обратил?

— Да. Мужик лет сорока. Полгода уже там, почему-то все время со стаканом и все время в номерах.

— Василий Спиридонович, ему под пятьдесят. Было. Очень хороший сантехник.

— Ты это к чему? Я про отель спросил.

— Я это к тому, что на отель нет никаких бытовых жалоб. Подозрительное количество довольных людей. То есть жалобы вообще есть, но при этом нет вот этого вот: мол, посуду плохо помыли, нахамили, пляж грязный.

— Хозяин не иностранец?

— Египтянин, долгое время учился в России, в совершенстве знает русский язык. Отель — твердая «четверка». Твердая. Без проблем.

— Думаешь, этого слесаря реальнее всего отловить?

— Правильная мысль!

— Это ведь не будет считаться отпуском?

— Нет. Это будет работа на благо фирмы. Фиг с ними, со всеми остальными. Главное, найди эту сучку, можешь делать с ней что хочешь. Трахай ее, обещай ей, что женишься, можешь даже порубить и сложить кусками в чемодан. Только найди и привези в Москву.

— А отец готов получить ее кусками?

— Будет недоволен, часть денег вернем!

Мне очень нравятся костюмы-тройки, они скрывают многие дефекты фигуры, под ними удобно прятать оружие и оборудование. Кроме того, я в них очень солидно выгляжу. Но сейчас из зеркала на меня глядел эдакий рубаха-парень, который приехал, чтобы забыть о слове «работа». Я специально сделал короткую стрижку и осветлил волосы. Классический голубоглазый блондин. Правда, лично меня морщины во внешних углах глаз наводили на мысль о ботоксе и подтяжке лица.

Нейтральная белая футболка выгодно подчеркивала ровный загар. Перед стеклом в ванной выставил в два ряда бутылки с кремами и маслами. Я на задании, а значит, лицо должно быть в тонусе и обгорать нельзя.

Документы и деньги в сейфе. Шмотье разложено по полочкам. Тональный крем уже на физиономии. Духи из секс-шопа, с феромонами.

Дверь из номера я открыл, не подозревая ничего плохого, а когда в грудь мне уперлась рука рослого египтянина, то реакция была мгновенной. Собственно, он вовсе не хотел меня втолкнуть, он скорее хотел меня остановить, но мне было не до сантиментов, слишком много горького опыта накопилось у меня от таких вот неожиданных встреч перед дверью, а мужик был похож на уборщика, как я — на беременную негрityнку.

Через секунду я сидел на нем верхом и вязал ему руки своим брючным ремнем. Он почему-то не сопротивлялся, только пытался подо мной.

— Ху а ю? — грозно спросил я его, закончив свое черное дело.

— Круто! — с искренним восхищением в голосе и на чистом русском с еле заметным акцентом ответили мне снизу. — Разрешите представиться. Мурафа. А вас Степаном зовут, и вы частный детектив.

— Точно. А вы кто?

— Да вот представляете, директор гостиниц, ну, и совладелец по совместительству.

— О, черт, — я поспешно встал и одним рывком освободил ему запястья. — Извините, рабочие рефлексy.

— Это вы меня извините, наверно, надо было послать к вам человека и пригласить к себе, но я хотел пообщаться лично и наедине.

— Давайте пообщаемся. Я не против, я даже рад.

— Давайте, но тогда все же лучше ко мне. В кабинете очень хороший бар.

— Знаете, почти не пью, но предложение хорошее.

Мы уже поднялись по лестнице, прошли мимо ресепшена и, открыв малоприметную дверь, прошли по узкому коридору в роскошно обставленный номер. Именно номер, потому что квартирой это назвать было сложно. Помещение было необжитым, очень сильно напоминало мой собственный номер, а письменный стол с монитором и кyпиами бумаг выглядел слишком контрастным.

Мурафа нажал на кнопку в столе, и деревянная панель на стене отошла, показав нам ровные ряды бутылок. Он плеснул себе какой-то синеватой жидкости, а потом вручил мне стакан и широким жестом предложил весь бар сразу.

— А вы разве не мусульманин?

— Нет. Вообще в Египте десять процентов населения — христиане.

— Христианин?

— Нет. Давайте вопросы веры оставим на потом.

— Откуда вы узнали, что я частный детектив? Откуда вы вообще про меня знаете?

— Ну, скажем так, — он устроился в кожаном кресле и жестом предложил мне сесть напротив в точно такое же. — Я, как вы наверняка уже знаете, некоторое время жил в Москве. У меня остались там друзья, и у некоторых из них есть очень хорошие связи. Дело в том, что мне нужен был частный детектив, и я попросил их узнать, когда к нам кто-нибудь поедет от вас. Это большая удача, что вы приехали именно в мою гостиницу.

— Удача?

— Конечно, удача! Вы сюда отдохнуть или по работе?

— Отдохнуть.

— Очень хорошо, я постараюсь, чтобы отдых был незабываемым, если что, можете набрать на телефоне тысячу, это мой прямой номер в гостинице. Вы ни на какие экскурсии не успели записаться?

— Да вот как-то не сподобился. — Еще бы, я тут всего несколько часов. Да и был я уже в Египте.

— Не сподобился? А! Не успели. Знаете, у меня тут есть знакомые археологи, периодически они приезжают к нам и отдыхают в моей гостинице, но работают они в Египте. Совсем недавно они нашли в пустыне древний храм. Не хотите посмотреть? Это, конечно, будет любительская экскурсия, зато это будет место, в котором вы будете одним из первых русских туристов?

— Что-то интересное?

— Не то слово. Они подозревают, что нашли новую книгу мертвых.

— Очень интересно, — я постарался сделать заинтересованное лицо. — Книга мертвых имеет несколько вариантов? И давно они там работают?

— Они раскапывают его уже полгода, если б они нашли там много золота, то про это место уже знал бы весь мир. Но золота там нет, зато очень много удивительно хорошо сохранившихся статуй наших богов. А самое интересное то, что там очень много на стенах надписей, посвященных Рамзесу второму, — в этот момент в кармане у него заиграла мелодия. Он вытащил мобильный, немножко послушал, буркнул пару фраз и резко поднялся из кресла. — Бизнес есть бизнес. Давайте я вас провожу до бара, меня срочно вызывают в другой отель для решения некоторых вопросов.

В баре народу было прилично, но в большом зале на кожаных диванах места хватало всем. Я легко нашел себе место в углу, очень удобное, и стойка бара и весь зал были как на ладони. Русские и немцы кучковались по столикам. Есть, наверное, в любой нации такое стремление — быть поближе к своим.

За мной тоже следили, вежливо и аккуратно. Видимо, директор гостиницы имел на меня какие-то явные планы. На столе появился стакан спрайта, в который щедро добавили джин, при этом никто не спросил меня, хочу ли я этот коктейль и все ли у меня включено.

Почему-то взгляд начал выхватывать молодые парочки. Вот девушка положила голову на крепкое загорелое плечо, вот семейная пара успокаивает расстроенного чем-то малыша, вот парень подошел в девушке с двумя бокалами в руках. Она улыбнулась ему так, что мне сразу захотелось ее у него отбить.

Настроение почему-то стало стремительно портиться. Ну что за жизнь, а? Ну вот что за дерьмо? Захотелось срочно женщину. Типа чтоб была. Захотелось стать как все. Слиться с толпой, и быть абсолютно счастливым от того, что рядом со мной всем довольный, в том числе и мною, человек.

Мысли мои прервал легкий тычок в бок.

— А что это такой красавчик делает тут один?

Я очень медленно повернул голову. Кучеряшки, розовое платье, призывная улыбка. Мне реально так захотелось протереть глаза, но вместо этого я хорошенько отхлебнул из стакана и заявил.

— А спорим, девушка, я сейчас угадаю, как вас зовут.

На следующий день я проспал завтрак и имел очень тяжелый разговор с боссом, который, правда, не ругался, а больше молчал. Зато каждая пауза в телефоне после вопроса подчеркивала глупость ситуации. Я чувствовал себя полным идиотом.

— Значит, говоришь, встретил в баре, выпили, потащил ее к себе в номер. Так?

— Так.

Пауза.

— А почему не в ее номер пошли?

— Да черт его знает.

Пауза.

— Нормальная живая тетка?

— Теплая, ест, пьет и трахается.

— Ты хоть гондон-то натянул?

— Не помню. Вроде, да.

Пауза.

— Ну, хорошо. Трахались всю ночь, а на утро она пропала, и никто не знает, где она. Причем вы даже умудрились сфоткаться на чужой фотоаппарат. Это если верить твоим не совсем трезвым впечатлениям. Получается, что ты нашу клиентку нашел и тут же упустил.

— Получается, так.

Пауза. Я не выдержал.

— Влад! Заканчивай! Ну, куда она может деться. Она точно тут, может, даже не в этой гостинице, но точно тут.

— Да она могла за это время сесть на самолет и улететь в другое государство. В Израиль, например. Степан, ты с ума сошел? Квасить напропалую и в первый же день запороть задание!

— Тут все квасят. А мне нельзя выделяться.

— Хорошо, давай заново про директора.

Я послушно повторил всю историю.

— Такое впечатление, что он тебя куда-то заманивает.

— Куда? Тут у портье ключ от всех дверей на ресепшене, специально для тех, кто ключи теряет. Меня можно красть из номера в любое время суток.

— Да? — на другом конце провода сильно сомневались. — Ладно. Завтра в это же время созвонимся. А пока иди обедать. Похмелиться не забудь. И вечером чтоб ни капли.

— Вечером все пьют.

— Не выделяйся, а то я не знаю, как все происходит. Мешаете колу с ромом. Вот пей просто колу и делай вид, что пьяный.

— А если будут угощать?

— Бери стакан, говори, что сейчас вернешься и гуляй до укромного места. Не идиотничай, Степ. Все наши персонажи появляются после захода солнца.

Лицо я слегка подправил косметической маской. Хорошая вещь — маска для лица. Нанес, посидел минут двадцать, смыл. И половина проблем после вчерашнего вечера куда-то исчезла. Морщины разгладились, синяки из-под глаз исчезли.

В столовой очередей не было. Все уже набрали себе полные тарелки еды. Тарелки, кстати, были больше похожи на тазики. Вначале стола пожилой египтянин аккуратно протирал данные свежевывмытые емкости сухой тряпкой. Я взял одну и начал потихонечку накладывать себе то одного, то другого.

Набрав себе еды в количестве достаточном для того, чтобы накормить двоих здоровых мужиков, я пошел искать свободное место. С этим вышла засада. Вообще места были, много, но за столиками занятыми уже своими компаниями. Люди сидели тихо, скромно, по-семейному, и влезать в чужие жизни мне не хотелось. Меня хлопнули по плечу.

— Добрый день, Степан.

— Мурафа!

— Он самый. Так у вас говорят. Нет места?

— Нету.

— Пойдемте, посидим возле бара.

— На кожаных диванах?

— На них.

— Но это вроде как не столовая.

— Здесь я директор. Я тут царь и бог. Я здесь практически фараон.

Фараон Хоум, пронеслось в голове. Дом фараона, а я, значит, сейчас буду есть за одним столом с хозяином.

Мы заняли столик в углу, сев друг напротив друга.

— Надо сходить за чаем.

— Сейчас принесут. — Мурафа махнул рукой и что-то быстро сказал

мимо проходящему официанту. Тот посмотрел на меня со священным ужасом в глазах и метнулся в глубину бара.

— Я хотел чаю.

— Значит, будет чай, — спокойно сказал Мурафа. — Степан, я хотел поговорить с вами о вашей работе. Знаете, в Египте тоже нужны частные детективы.

— Зачем? У вас в основном малограмотное население, совсем другой уровень жизни. В курортной зоне, как в одной большой деревне. По-настоящему ценная вещь не пропадет.

— А если воровать приезжают русские? Или даже иностранцы? Вы себе не представляете, сколько у нас иногда пропадает ценных вещей. Причем даже из сейфов.

Ценных вещей у них пропадало не больше, чем в других гостиницах. У меня даже была определенная статистика на руках. Но я, конечно же, молчал в тряпочку.

— Нам бы очень хотелось, чтобы в гостинице был свой частный детектив, — продолжал Мурафа, — такой, который может разобраться и договориться.

— Это должен быть очень крутой детектив. Такой, со знанием десятка языков, ведь вором может оказаться иностранец, со знанием специфики разных наций и, конечно же, со знанием местного языка. Какая гостиница может позволить себе такого детектива? Это должно будет стоить очень много денег.

— Знаете, Степан, — нам принесли две чашки «мышкины слезки», в моем блюде наблюдались два кусочка сахара и лимон, в чашечке оказался крепкий чай. У директора же гостиницы, судя по всему, был кофе. — Я долгое время жил в России, изучал бизнес и ваших людей. И я понял, — с этими словами он взял чашку в руки и сделал глоток. — Понял, что деньги не главное для вас. Знаете, ко мне, в мою гостиницу часто приезжают одни и те же люди. Они делают это, потому что им тут хорошо. И знаете, они тут встречают тех самых людей, с которыми им хорошо. Я работаю над тем, чтоб у меня тут всем было приятно находиться. Потому что хорошая компания — это для русского человека главное. Я могу поставить на берегу палатки, сказать, что это такие элитные номера. И если людям в этих номерах будет хорошо, то они будут очень хорошо там жить. И возвращаться ко мне снова и снова.

Завтрак я снова проспал.

Разговор с начальником опять был очень тяжелым.

— Как успехи?

— Никак, — голова болела ужасно. Невероятно, как я мог столько выпить?

— Хоть что-то выяснил?

— Ничего.

Молчание.

— Ну, хорошо. Как впечатление от гостиницы?

— Нормальное. — Почему он не спрашивает про девушку? — Похожа на храм.

— Как?

— Похожа на древний храм. Египтяне строили такие трапециевидные стены, а перед входом ставили статуи какого-то там бога с головой барана. Чтобы он вход охранял.

— Я был в Луксоре. Помню. И чего?

— Гостиница точь-в-точь, как храм, со стороны улицы. Тоже статуи, тоже передняя стена трапециевидная. Точнее само здание, как стена, и внутри квадратом корпуса. Получается как храм. Я к тем выходам вчера прогулялся, которые к морю и к соседним отелям. Везде эти бараны с львиными лапами.

— От кого надо защищать гостиницу?

— Без понятия.

— По-другому поставим вопрос. От кого надо защищать храмы?

— Наверное, от еретиков. — Ответ показался мне самому смешным, видимо, я еще не совсем протрезвел.

Молчание.

— От людей, — наконец ответил Влад. — Храмы надо было защищать от людей. Или от других богов. Ладно. С кем-нибудь вчера еще беседы вел? Из местных.

— Из местных? Влад, основная масса местных озабочена только тем, как выпарить задорого то, что мне абсолютно не нужно. Ты как будто тут не был никогда. Впрочем, вчера я беседовал с директором отеля.

— О чем шла речь?

— Уговаривал меня остаться. Говорил, что я им очень нужен. Мотивация у него была убийственная. Мол, у нас тут хорошая компания, как разберетесь насколько хорошая, так сами не захотите уезжать.

Молчание.

— Влад!

— Да я тут думаю.

— Дорого думать по телефону.

— Хорошо. Что на счет Рамзеса второго. О нем еще говорили?

— Нет. А надо было?

Молчание.

— Влад!

— Да я тут сижу и думаю: ты хотя бы в интернет залез и посмотрел, что за фараон такой был. Ты вообще работать-то будешь? Или мне все делать за тебя?

В виске кольнуло болью.

— Влад. Так вышло, что я лег в два часа ночи.

Молчание.

— Ладно, Степан. Я тебе расскажу, что я узнал, а ты делай выводы. Между прочим, ты же тоже ездил на экскурсию в Луксор. И в долине царей был. Не так ли?

— Ну, был. У нас, знаешь, какой был гид? Его русский никто разобрать не мог толком.

Молчание. Потом в трубке зашелестело.

— Короче, так. Когда фараон садился на трон, ему в долине царей начинали строить склеп, выдавливая его в камне. Тутанхамон стал знаменитым, когда нашли его могилу, потому что она не была разграблена. Но он прожил в качестве фараона всего десять лет, начал править в девять, закончил в девятнадцать. У него было всего четыре комнаты. С этим ясно?

— Ну, ясно.

— А вот, например, Рамсес второй правил шестьдесят семь лет и в его склепе одних только комнат для его личных вещей было аж пятьдесят пять. Ясно?

— Ну да.

— Чего ну да? В те времена средняя продолжительность жизни была двадцать пять лет. Между прочим, есть легенда, по которой Рамзесу второму построили в качестве дома храм, в котором он и прожил часть своей жизни. Кажется, твой новый потенциальный работодатель упомянул книгу мертвых?

— Что-то такое было.

— А ты знаешь, что это такое?

— Наверное, какой-то религиозный трактат?

Молчание. Потом тяжелый вздох.

— Так жалею, Степ, что послал именно тебя. Надо было кого-то поможее, а тебе дать отдохнуть. Короче, так. Книга мертвых, ты почти угадал, имеет прямое отношение к религии. Но это не совсем религиозный трактат. Скорее, это некий документ, который регламентирует отношения умершего с богами, позволяет нормально перейти на другую сторону, доносит до богов просьбы еще живых в защиту того, кого они хоронят. Поэтому храм с книгой мертвых на стенах, да еще и с упоминанием в ней конкретного имени, может быть чем-то вроде склепа. Понимаешь, да? Фараонам на стенах гробниц рисовали, а бедным людям в яму клали табличку с коротким напутствием.

— Зачем кому-то строить могилу в виде храма?

— А зачем кому-то надо было строить могилу в виде пирамиды или в виде подземного дворца?

— Рамзеса похоронили в Долине царей.

— А книга мертвых нарисована на стенах в древнем храме. Не историю о создании храма, не картины чьих-то подвигов, а некий договор с богами нарисовали на стенах якобы храма.

— Э-э-э. Ты это к чему?

Молчание.

— Надо было просто послать кого-то из новичков, они поначалу более ответственные. Было бы дешевле.

Дешевле? У меня понемножку закрутились в голове шестеренки. Почему мой начальник не удивляется моему состоянию?

— Влад! Ты чего там? Послал кого-то следить за мной, что ли?

— А тебе-то чего?

— Влад. У нас тут не секретные материалы. К чему такая игра в спецслужбы?

— Постарайся хотя бы сегодня не пить.

И трубку на другом конце положили.

Трехдневная щетина была сбрита после обеда. Сон под зонтиком на пляже не освежил, но зато одарил некоторым количеством загара. Соленая вода дала ощущение стянутости кожи на лице, но я знал, что это, скорее, мне в плюс. Сейчас, глядя в зеркало, я видел себя помолодевшим лет на пять. Еще немножко, и совсем пацан. Впечатление могла испортить «простуда» на губе, прыжки в холодную воду бассейна вчера ночью не прошли даром.

Я надел футболку полегкомысленней, подстриг аккуратно ногти на ногах и минут десять занимался тем, что выскивал и выщипывал седые волоски на груди.

В курортной зоне абсолютно невозможно работать. Я честно пытался быть трезвым и контролировать ситуацию, но получалось не очень. Вчерашние смутные знакомые ближе к вечеру реализовались с пугающей ясностью. С ними я и встретил наступление ночи. Относительно трезвый, сидя на не совсем удобном, но мягком кресле, возле импровизированной сцены, которую соорудили прямо на песке пляжа работники отеля.

На ней молодой негр раскручивал вокруг себя импровизированные пон. Горящие шары пролетали в пугающей близости от его лица.

Они у него были непрофессиональные, вместо цепочек он просто взял два металлических планга от душа и накрутил их на руки, чтоб не слетели ненароком.

Публике на это было плевать. Публика радовалась.

— Этого негра зовут Колюня. — Вере было навскидку лет двадцать пять, и она явно положила на меня глаз.

— Колюня?

— Да! Нормальное нигерийское имя, между прочим.

— Надо же!

— А у нас вчера девушка экскурсии продавала. Ее зовут Рапа. — Подружка Веры, Анюта, нравилась мне гораздо больше. Но сейчас я стараюсь соблюдать нейтралитет.

— А этот негр и в прошлом и в позапрошлом году был. — Вера взяла свой коктейль, отпила и победно оглядела всю компанию из-за края

пластикового бокала (русским стеклянные не давали). — Я тут отдыхаю каждый год. Езжу уже, как на деревню к бабушке.

— Да ладно. То есть ты каждый год тут? Надо будет пообщаться с тобой поближе. — Уловив ее радостный взгляд и поняв, насколько двусмысленно это прозвучало, я добавил. — Не сейчас. Позже. Когда я буду безобразно трезв и собран. Значит, говоришь, этот Колония тут каждый год. А директора местного видела?

— Директора? Нет, конечно! На фиг он мне нужен.

С другого боку сидела молодая семейная пара. Тридцатилетний Санек недавно сделал предложение тридцатисемилетней Свете и это было их свадебное путешествие.

— Степан, а что это был за здоровый такой мужик, с которым вы у бара сидели?

— А это вот как раз местный директор и совладелец. Мы с ним сегодня едем ночью какой-то там древний храм смотреть. Его еще не совсем раскопали. Говорит, интересно там.

— А почему ночью?

— А днем народу до фига. Копают. Роют.

— Только ты с ним едешь или еще кто?

— Только я. Он раньше в России учился. По-русски разговаривает почти без акцента. Нормальный такой мужик. Сегодня в двенадцать ночи мы с ним на ресепшене встречаемся.

— Так уже десять минут первого.

— Ох, елки! — Я вскочил как ошпаренный. — У него там какие-то охранники, с которыми он договорился. Надо успеть, пока они не сменились.

В свете луны песок за окном напоминал снег. У меня было четкое ощущение, что мы едем не по пустыне, а по заснеженной степи. Но когда открыл окно, в лицо мне повеяло всего лишь легкой прохладой. Пустыня ночью быстро остывает, но сейчас, в разгар сезона, это была совсем не та температура, которая бывает в России зимой.

Мурафа сидел в машине рядом со мной и молчал, явно думая о чем-то своем. Но руль он держал уверенно, и видно было, что знает, куда едет, хотя дорога, скорее, угадывалась между холмиками песка, чем была на самом деле. А с другой стороны, о чем беспокоиться? В пустыне нет ни одного милиционера. За превышение скорости нас не штрафуют. Мой комментарий на эту тему вызвал лишь кривую ухмылку.

Потом мы резко остановились, и Мурафа сказал:

— Вот.

Я выбрался из автомобиля, и сандалии тут же утопили в мелком песке.

— Степан.

Я оглянулся и...

— Ничего себе!

В свете луны здание мне что-то напоминало. Потом я понял, что оно очень похоже на нашу гостиницу. Только в данном случае трапецевидная стена была выше, а проход больше. И статуй было гораздо больше по обеим сторонам дорожки. Причем они были какими-то странными.

— А почему голова не барана, а собаки?

— Никто не знает. — Голос Мурафы донесся как будто издалека. Я оглянулся. Машина стояла на самом краю насыпного холма. Мурафа сидел под ним, в начале дорожки из плохо обработанного камня. И он был от меня ДАЛЕКО. Я не мог так быстро пройти такое расстояние.

— Вы не пойдете со мной?

— Может, чуть позже. Я уже это много раз видел. Вы идите, Степан, заблудиться нельзя даже в темноте.

Я сделал несколько шагов и оказался у первой пары статуй. Дорожка, по которой я шел, в темноте выглядела как будто подсвеченной. Я встал на колени и ладонями разгреб песок, остатки его старательно сдул с булыжника. Он светился тусклым зеленоватым светом. Я такое уже видел. В магазинах сувениров статуэтки из лунного камня светятся в темноте. Кто выложил булыжниками из этого минерала дорогу к храму.

Слева почудилось движение. Краем глаза уловив его, я вскочил. Рядом никого не было. Но на мгновение мне показалось, что статуя провернула ко мне свою незрячую каменную голову.

— Мурафа!

— Ничего не бойтесь, — донеслось до меня издалека.

Я посмотрел в ту сторону, где должна была стоять наша машина, и ничего там не увидел. Снизу рослого египтянина угадывался где-то в начале дорожки.

Несколько шагов, и я уже у входа в храм. Когда я поднял ногу, чтобы зайти в проход, сзади раздался отчаянный вопль, который заставил меня обернуться.

Тело, явно мужское, распростерлось на булыжниках из зеленого камня. Парень был еще жив, и это был не Мурафа.

Ощупывая его и, светя в лицо своим мобильником, я на автомате шептал.

— Славянская внешность, на вид лет двадцать пять, волосы светлые, одет в белую футболку местного производства и льняные шорты. Ах ты!

В заднем кармане обнаружилась синенькая корочка с выдавленными сверху на ней буквами «О» и «Ч». «Охрана чести». У меня такая же была. Вот кого послали следить за мной. Не глядя, как его зовут, я сунул корочку себе в задний карман. Кто ж его?

Удар по голове пришелся сзади, впечатление было, будто ударили камнем. По каплям крови я прошел влево и увидел только, что кровь есть на левой лапе ближайшего сфинкса с головой собаки. Там она начиналась. В темноте кровь черная и блестит, ошибиться было невозможно. Но к утру она засохнет и будет засыпана песком.

Вдалеке была видна какая-то легковая машина. Видимо, парень следовал за нами на ней.

Черт! Наверно, надо отнести его к ней и валить отсюда.

— Мурафа. Твою ж мать! Мурафа!

Куда ехать, если не знаешь, где ты сейчас? Парень еще дышал. Я решил оставить его здесь и бежать внутрь храма. Мурафа что-то говорил про охрану, вдруг тут есть кто из местных? Они позовут на помощь!

Чувствуя себя почти совсем протрезвевшим, я трусцой направился в храм. Внутренняя территория потрясала воображение, несмотря на то, что большая часть утопала в тени стен. Громадная площадь, высоченные колонны.

У противоположной стены я увидел несколько очень высоких статуй. У них у всех были какие-то странные головы. Большие, массивные, видимо, очень хорошо сохранившиеся. И где-то там за ними был свет.

— Эй. — Я побежал по светящейся дорожке к статуям. — Эй! Хелп ми! Хелп!

И внезапно противоположная стена осветилась багровым всполохом. И статуи с головами змей, собак и птиц повернули головы в мою сторону.

И я скорее почувствовал, чем увидел, что древние боги улыбнулись.

У меня осталась в России мать. Но это не имело теперь большого значения.

Из номера я первым делом набрал Влада.

— Здорово, — бодрым голосом сказал я в трубку.

— Привет. Сейчас вообще три часа ночи. Ты поймал нашу клиентку?

— Нет! Я звоню сказать, что я увольняюсь.

— Чего-о-о?

— Увольняюсь. И назад не вернусь. Искать меня не советую, и этого, как его, — тут я вытащил из кармана синюю корочку. — Владислава Забруйко тоже. Очень опасно. Самолеты иногда падают. Понял?

— Степ! Что случилось?

— Ни-че-го. У меня все хорошо и назад я не вернусь. Вообще. Понял?

— Э-э-э. Нет. — Честно ответил мой бывший работодатель. Это не имело значения. Я его предупредил, а дальше как знает.

— Деньги, которые мне должен, матери отдашь. И только попробуй не отдать! Я твоей жене позвоню и сдам тебя, с твоей секретуткой, как стеклотару. Ясно?

— Степан. Да ты чего вообще!

Я отключился. Мобильник в карман. Там зарядки оставалось всего ничего, да и звонки оплачивала фирма. Но это уже не имело никакого значения.

Я подошел к шторе и одним рывком отодвинул ее. Окно выходило на внутренний двор гостиницы. И они все были там, сидели на краю бассейна и о чем-то тихо переговаривались. Там были и бородач с пластиковым стаканом в руке, и легкомысленная блондинка,

и нигерийский юноша, и еще какие-то так необходимые для хорошего отдыха люди.

Для простого хорошего отдыха.

В этой гостинице, в этом доме фараона каждый русский турист найдет себе то, что ему нужно. Мужчина женщину, женщина мужчину, алкаш — собутыльника.

А тот, у кого украли ценную вещь, найдет теперь в этой гостинице защитника. Некого частного детектива, который быстро и абсолютно не напрягаясь, найдет того, кто украл.

И уже сейчас у меня была работа. Потому что некий уборщик сегодня днем нашел на столе забытый кошелек. И взял из него одну красивую бумажку, надеясь, что пожилой немецкий пенсионер не обнаружит эту пропажу. Это он зря.

Теперь у него будут неприятности.

Надо было действовать. Выполнять свою работу.

Прежде чем выйти из номера, по привычке взглянул в зеркало, висящее на стене.

Я в нем никого не увидел. Но это тоже не имело теперь никакого значения.

КРИСТИНА НИКОЛЬСКАЯ

РУКИ КОРОЛЯ

Солнечный зайчик прыгнул в последний раз по стене, скользнул по подоконнику, мазнув на прощанье алым распахнутые ставни, и исчез. Мадги раскрыла глаза: на исхудавшем потемневшем лице они казались двумя осколками стекла.

— Вечер, что ли? — ворчливо спросила и глянула прямо на меня и продолжала смотреть: пришлось отвернуться мне. — Это сколько ж я провалялась?

Она резко села в постели и тут же повалилась обратно, застонав.

— Мадги, Мадги... — смеясь, я подоткнул одеяло, — все никак не поверишь, что мир без тебя не рухнет?

— Что мне мир, — сухо сказала, сложив руки крест-накрест, кожа их была, как сухой пергамент, — если без меня... что со мной?

— Черная лихорадка.

— Да?

Вошла Селин, уронила ковш, расплескав воду, и заголосила, привалившись плечом к печи.

— Чего вопит? — спросила Мадги.

— Могилу тебе копали, — пояснил я, — расстраивается — что зря.

Селин, походяогрев меня тяжелой ладонью по затылку, упала поперек Мадгиного живота.

— Мама, ох, мама...

Рука Мадги нерешительно, словно сама не веря, коснулась ее растрепанных кос.

Я собрал сумку, остановился в дверях.

— Селин. Пусть отвар допьет, что в кувшине. И пусть лежит, хоть пару дней.

Селин закивала.

— Ну, — скрипуче сказала Мадги, — чего развалилась? Коров загнала? Яблони опрыскали? Вон, вижу, гроза идет. Забыла? О чем ты помнишь, башка дырявая. Джош.

— Что?

— Поди сюда.

Я вернулся.

Глаза ее смотрели мне в лицо.

— Наклонись.

Я дернулся, когда кончики пальцев — сухие и жаркие — коснулись моей щеки. Мадги усмехнулась.

— Спасибо, Джош.

Селин муж стоял подле крыльца, разминая в руке ком ссохшейся земли, и настороженно поглядывая на запад.

— К нам идет, — неверяще сказал он.

Я остановился и тоже посмотрел на запад.

— Мг.

— Лошадь дать?

Я посмотрел на понурых еще не распряженных лошадей, корка пыли и пота покрывала их, как попона.

— Успею.

— Ага. Мальчишка Сейлеров поправился.

— Знаю. Утром был.

— И Сейлер бы... чего сразу тебя не звали?

— Я не врач.

— Ага. Как думаешь, обойдется?

Гроза шла стратегически правильно: всем горизонтом, заволакивая чернотой, искря по флангам, пугая ударами грома. Я пожал плечами.

— Дождя месяц не было.

— Да я не про то... Селин.

— Лихорадку приносит засуха.

— Ребенка она ждет.

— Знаю.

Он переступил ногами — беспокойно, как его лошади.

— Все нормально будет.

— Ну, ежели так... может, лошадь тебе?

— Не нужно.

Я спустился с крыльца, поправляя на плече ремень сумки.

— Джош, — позвал он.

Я обернулся. Он смотрел мне в лицо: спокойно, прямо.

— Спасибо.

Я шел через ржаное поле, и тяжелые колосья били меня по ногам. Я шел от грозы, и она бранилась мне вслед, и чернотой густилось небо, и полевки, пища, бросались врассыпную от моих сапог, и кричали стрижи, ныряя в застывшем мареве воздуха все ниже и ниже.

Над дорогой клубилась пыль, словно прошагала королевская армия бодрым уставным шагом. Ворота постоялого двора, третий год бывшего мне домом, были распахнуты настежь. Нервно ржали кони, сустились мальчишки, счищая с их боков пыль, глухо и тревожно лаяли псы. Я прошел к черному ходу, когда оттуда выскочил Хоэль, с лицом, словно кипятком, обожженным, засученными рукавами и сдвинутым на затылок, якобы поварским, колпаком. Колпак был ночной, такой впору надевать герцогу, отправляясь

спать. Я как-то сказал об этом Хоэлю, на что тот резонно ответил, что герцогов в жизни не видал ни он, ни его постояльцы, а значит, быть колпаку поварским. Он выплеснул мне под ноги помой из таза и завопил, прежде чем я успел отскочить.

— Джош! Наконец-то! Прости! Джош, где тебя носит?! Да благослови небо грозу, Джош! Шестнадцать человек, и все остаются ночевать! И все пообедали, и поужинают, и завтракать будут! Джош!

— Что?

Собаки бросились мне под ноги, подбирая объедки, самая наглая облизывала сапоги.

— Не смейся надо мной! Где я их спать положу? Джош! Еды мало! Одежда не хватает! Они баню хотят, Джош?!

— Я затоплю.

— Такие гости! Отряд графа Дигима!

— И... сам граф? — осторожно спросил я.

— Нет! Капитан его!

— Капитана в западную комнату с ординарцем. Солдат на конюшню.

— Будэк с женой!

— Как обычно — второй этаж.

— Грэхем Ли!

— О, после ужина он заснет за столом прямо.

— Да благослови тебя небо! И еще...

Последнее предложение не оканчивалось восклицательным знаком. Оттого, изумившись, я посмотрел на Хоэля. Несколько побледнев, наклонившись ко мне, он прошептал:

— Сам король.

Оглушающе треснуло небо над нашими головами и рокотом сотрясло землю. Я прокашлялся, прежде чем уточнить.

— Кто?

— Король, — благоговейно сложив руки на животе, Хоэль смотрел поверх меня.

— Хоэль, — мягко сказал я, — король умер. Уже три года как.

— Да, знаю. При Аллапаке. Но тело так и не нашли... Ходили слухи... Джош! — привычно возопил он, — куда поселить короля?! Он тут и... ик... ин...

— Инкогнито?

— Да! Сам сказал! Джош!

— С королем разберусь, — пообещал я.

Первые тяжелые вязкие капли дождя взбили пыль во дворе, небо чернело и стало тихо-тихо. Я завернул во флигель, затопил печь, заполнил бак водой из бочек, впервые за лето спустив всю воду, и полез на крышу снимать заслонки с дождевых труб. Ливень застал меня сидящим верхом на коньке, молнии били совсем рядом, и я считал секунды, как в детстве,

и переводил их в километры. Сердце грозы шло прямо на нас. Я промок насквозь — сразу же, но сидел, подставляя лицо и смеясь. Так меня и застала Райхани, выскочившая на крыльцо. Ее высокий резкий голос перебил грохот мира, стыдя меня и, казалось, гроза застыдилась тоже.

— Джош! — кричала она, уперев руки в крутые бедра. — Ну что ты как маленький! А ну слезай, кому говорят! Я с утра, как коза ошпаренная, на кухне, а он тут забавляется!

Я спрыгнул вниз, вода из лужи под крыльцом окатила ее до колен. Райхани ловко и умело вцепилась мне в ухо.

— Мальчишка! Негодник!

— Райхани, — взмолился я, — мне тридцать скоро, пусти...

— Я таких семерых вырастила — вы и до ста мальчишками будете, так и помрете!

— Ну, прости, больше не буду.

— Смеется он! Промок весь, балбес. Пошли покормлю, целый день не жрамши, верно.

Гроза ярилась нам в спину.

Сидя у кухонной печи, я чистил картошку в огромный медный таз, которым на моей памяти пользовались лишь однажды — купать мальчика Хоэля, и жевал горячую ржаную лепешку. От моей одежды шел пар, в закопченном стекле оконца сверкали синие зигзаги молний, но гром заглушали крики Райхани, топот мальчишек, нанятых на сегодня, шквырчание сковород и бульканье кастрюль, и все покрывал ровный гул из зала. Я лениво прислушивался.

— Нет, не сам сказал, он же тайно тут... купец признал... да почему я знаю... говорили — помешался он после Аллапака, бродит по стране, людям помогает... Кеманча предсказала, что вернется, когда страна в мире будет... не, когда люди лучше станут... Дурень, когда это люди лучше... Когда память о войне забудется... Говорили миллион полегло под Аллапаком... и три миллиона ихних — мне дядька рассказывал. Поминальные костры месяц жгли, небо было черное, что в твою грозу! Что будет-то? Хорошо будет, когда вернется... то только ему да Кеманче ведано... Дворец пустой, и графья, когда собираются, стул его всегда посередке ставят... Болван, трон! А я слышал, погиб он... Молчи, дурень, не может король погибнуть, истинный король... Да просто узнать, говорят, посмотришь — и знаешь. Кровь голубая. Да не... Меч, что он в камень воткнет, только он достанет... руки короля.. да лечит... да, руками... то ж король.

— Джош! — возопил Хоэль прямо над ухом, я дернулся и порезался, с ножа в таз медленно упала алая капля. — Помогли!

— В зал не пойду.

— Знаю! Клин в бочке с белым заклинило, а дружинники требуют!

— Хоэль, — он был красный и потный, и мне не нравились

увеличивающиеся восклицательные знаки, — не суетись так, не встанешь же завтра, забыл про спину?

— А!!! Да нам на год хватит за сегодняшний день! Ты баню затопил?!

— Да...

— А на конюшне?!

— Все устроил. И одеяла, и овес, и воду. Расслабься, Хоэль.

— Джош!!! — возопил он и посмотрел мне прямо в лицо, прежде, чем я успел отвернуться. — Спасибо.

Я спустился в подвал, вытащил клин и около часа наливал и таскал к залу бутылки. Выгреб угли из банной печи, притащил простынь и мыла. Мыло достал в погребе, мыши слегка его пообгрызли, но, судя по гулу из зала, вряд ли кто сегодня это заметит. Сходил на конюшню: сытые и вычищенные кони мирно дремали в стойлах, долил в поилки воды — ее теперь было вдоволь. Постоял под дождем. Гроза бушевала прямо над нами, двор превратился в болото, холодный ветер гнул яблони в саду, все было черным-черно, и было хорошо. Наконец, любопытство пересилило. В закутке у стойки бара было оконце, которым никогда не пользовались. Я чуть приоткрыл створку. Друзинники в серо-синем, цветах Дигима, пели «Песнь об Азре» — хрипло, пьяно и отчаянно, изредка взрываясь смехом, когда мимо проносились с подносами, подобрав юбки, Лорель и Сержина. Будэк о чем-то спорил с их капитаном, торговцы ели, несколько местных пили пиво, Грехем Ли спал, положив буйную курчавую голову на столешницу подле полупустой тарелки. Короля я узнал сразу. Трудно было не узнать. Лыняные волосы до плеч плотно обхватывал тонкий обруч короны. Он расстегнул воротник плаща, но не снял его, хотя воздух зала был горяч и влажен, словно в свежезатопленной бане, капюшон откинут, лицо печально и сурово — красивое лицо с тонкими чертами, с крутым изгибом светлых бровей, легким прищуром зеленых глаз. Руки его покойно лежали на столе. Я узнал его сразу.

Хоэль перехватил меня по пути в кухню.

— О, Джош! Он вылечил меня, представляешь?! Возложил руки!

Я кивнул. Представляю, а как же. Лицо Хоэля меж тем было полно тоски и почти что паники.

— Посели его у меня, — посоветовала я. Лицо чуть посветлело — ненадолго.

— Так тесно ж... О, Джош! Я отдам ему свою комнату!

— Вряд ли Райхани обрадуется.

— О! Он вылечил не только спину! Она обрадуется!

Я хотел было напомнить, сколько лет ему, и что после семерых таких, как я, и пятерых девочек вряд ли Райхани обрадуется слишком сильно. Я знал, потому как видел ее слезы, когда ее женское время, а его мужское кончилось, и то были слезы не горя: она потеряла одиннадцать выросших и кто знает, сколько рожденных мертвыми. Райхани устала, но вдруг и в самом деле обрадуется?

— Тогда ночуйте в моей, — предложил я, — я посплю на кухне.

Он даже не ответил ничего, просто посмотрел на меня восторженными глазами и снова прямо в лицо.

Шерри, мальчишка Зотэнов, помогал мне отмывать кастрюли и сковороды.

— Он вылечил Зару от насморка, — потрясенно шептал он, — представляешь, Джош?

— Конечно.

— А купцу, тому, что его первым признал, убрал грыжу!

— Ого.

— А еще они ножи метали!

— Да что ты?

— Купцы с дружинниками поспорили, а он не хотел... и, Джош?

— Да?

— Никто не смог! Не смог вытащить! Я всю жизнь буду помнить! — И с придыханьем: — Истинный король!

— Истинный, — согласился я, улыбаясь.

Гул в зале то затихал, то возникал снова. Они мылись, ели, пили, пели и снова пили. Гроза продолжала грохотать, и ветер хлопал ставнями чердака. Я поднимался по черной лестнице за своими вещами, когда навстречу в облаке белых нижних юбок слетела Лорель. Мы столкнулись с такой силой, что пришлось почти что подхватить ее на руки. Ее и стопку постельного белья она стелила постель королю в комнате Хозля и обрадованной Райхани.

— Джош! — засмеялась она звонким колокольчиком и от улыбки на щеках зантрали ямочки, и глаза ее чистого василькового цвета полны были радости. — Я не видала тебя со вчерашнего дня!

Я понял, что все еще держу ее, крепко, и медленно отнял руки.

— Я был в деревне.

— Мадги поправилась? А мальчик Сейлеров? — Я кивнул. — Ох, Джош, я верила, что у тебя получится.

— Спасибо, Лорель, — улыбнулся я, нельзя было не улыбнуться в ответ на эту улыбку.

— За что? — удивилась она, глядя мне прямо в лицо.

— За то, что веришь.

Она улыбнулась снова, и в глубине ее глаз было еще что-то: одной ей я мог смотреть в глаза, потому, верно, что она одна всегда смотрела мне в лицо.

— Я такая счастливая, Джош, — шептала она, а я кивал: конечно, счастливая, Лорель счастлива каждым прожитым днем и ожиданием следующего, каждым вдохом и выдохом, запахом травы и шумом дождя, светом свечи и блеском звезд, — он обещал помочь мне. Сам король — и помочь мне!

Она засмеялась снова и тряхнула головой, откидывая прядь медных волос со лба.

— Помочь?

— Он сказал, что это трудно и не сразу, и может быть долго, он сказал, что придет и поможет, Джош!

— С чем поможет?

— С этим.

Я смотрел, не понимая, в ее сияющее нежностью, радостью и надеждой совсем юное лицо. Она коснулась щеки рукой.

— Ты больна? — насторожился я. — Что с тобой?

— Здорова, — печально сказала она, — ничто не могло помочь, я все перепробовала, Джош. Пусть трудно, пусть долго — я верю, он поможет! Истинный король!

— Поможет с чем, Лорель?!

Она покраснела, как краснела всегда — разом и целиком и, глядя мне прямо в лицо, горько прошептала:

— С веснушками.

На какое-то мгновение я оцепенел. От облегчения, что не больна, от судорожной попытки сдержать хохот, от отчаянной нежности и от ярости тоже.

— Придет? — переспросил я. — Когда?

— Ночью. Когда все утомятся. Поможет же, Джош?

Дурочка ты моя, дурочка. Светлая наивная душа. Веснушки! Нет, ну надо же...

Я провел кончиками пальцев по ее щекам и чуть вздернутому носику, усыпанному мелкими рыжими пятнышками. Она не отодвинулась, лишь глаза шире распахнула — васильковые.

— Лорель, — я сам испугался, сколько нежности прорвалось в голосе, — ты прекрасна. Каждая твоя веснушка прекрасна. Лорель, тебя же солнце поцеловало.

Она смотрела, не мигая, словно замороженная, и только крик Хоэля заставил ее очнуться. Миг — и лишь белые юбки мелькнули за порогом.

Истинный король, значит...

Дом затих, словно медведь на зимовке, изредка вздыхая, постанывая, ворочаясь и кряхтя. Гроза ушла, и по крыше мерно стучал дождь. Потрескивали угли камина в зале. Я ждал его за дверью черного хода, видел, как он шел через зал: неслышно, легко, чуть покосившись зелеными глазами на хряпящего за столом Грехэма Ли и утыканную кинжалами стену. Обод короны сверкнул алым от углей. Мягко взял его шее в захват, он захрипел.

— Привет, король, — нежно сказал я, — пойдем, поговорим?

На крыльце он опустился на ступеньку, растирая горло и косясь на меня гневным глазом. Дождь лил, словно на небе пролили свой медный тазик.

— Корону зря надел, — сказал я, садясь рядом, — корону только на троне или параде надевают.

— Страна забыла своего короля, — прохрипел он, — как еще?

— Страна помнит. Не боишься?

— Чего?

— Ножа в спину. Вон, Дигим пять лет на трон скалился, лишь под Аллапаком клятву вспомнил.

— Я своего имени не называю.

— То-то и оно. Имени не называешь, а корону носишь. Как имя-то, кстати?

— Джейд Ландерик Варахран Каусар IV.

— Очень приятно. Только имен пять. И только одно из них — имя.

— Что?

— Зеленоглазый король победитель из небесного сада. Зеленоглазый. С голубой кровью, властитель стали и даром исцеления в руках. Ты не назвал имени.

— Что?

— Советую держаться подальше от лордов, им имя ведомо.

— Я-а...

— Много собрали?

— Что?

— Гроза, понимаешь... У Зары аллергия на пыльцу цветущей медуницы. Дождем прибило — насморк прошел. Хозяю утром — после сегодняшнего-то счастья тако-ой радикулит прихватит... никому мало не покажется. Грэхем Ли скоро проснется, он всегда с петухами подымается, как бы ни нагрузился с вечера. Кузнец он местный, силища не мерянная. Смола как раз за пару часов окислится, хрупкой станет... А Грэхем Ли, он такой, ему все на прочность испытать надо. Вряд ли поверят что он истинный король. Тоже.

Он смотрел на меня во все глаза — зеленые опарашенные. Смотрел прямо в лицо — храбрый мальчик. Я сжался.

— Я помню тебя, Джет из Дроту.

— Ой, — сказал он.

— Ага, — согласился я.

Мы еще посидели. Дождь не утихал.

— Ты видел, да? — грустно сказал он. — Я был таким...

— Ты был лучшим престижитатором из всех, кого я видел. Что стало с твоей труппой?

— Кому нужны после войны фокусники? — горько вздохнул он. — Разбежались. Думали лишь, как себя прокормить. Стране не нужна дешевая магия, стране нужен король. Только это везде и слышишь.

— Стране не нужен король, — возразил я. — Король — это война, король — бесконечная свара за власть, король — это гордыня и вечная вендетта. Три года, как нет короля, и страной прекрасно правит Совет, и никто не приходит под наши границы, потрясая знаменем оскорбленного прадеда. И никто из лордов не сравнивает колена генеалогических

древ и не подсчитывает ревниво капли истинной крови. Народ свободен, и никто не призвет его умирать за неизвестного и ненужного ему человека — пусть лучше умирают за свою землю. Она хоть того стоит.

— Король — это мечта, — возразил он, — символ, вера, надежда. Память и будущее. Любовь. Ты был под Аллапаком, да?

— Да.

— Скажи, — и глаза его загорелись тем особым светом, как у всех прочих, — он... Король правда умер?

Я пожал плечами.

— Ты видел его? — спросил жадно. Я кивнул. — Какой он?

— Обычный, — усмехнулся я, — глаза зеленые.

А дождь все лил.

— Дождь, — сказал он.

— Уезжай, Джет из Дроту. Я запряг коней. Собери свою трупшу. Страна понемногу оживает, скоро ей понадобятся фокусники. Не надевай корону — не трави людям душу.

Он поднялся, размял колени, покосился на меня.

— Твоему другу, — сказал я, — я коня тоже запряг. Не обессудь, повязал его немного: вопил больно громко.

Он даже покраснеть сумел.

Я проводил их до ворот. Бывший купец хрипел и бросал на меня гневные взгляды, а Джет из Дроту, запрятав корону в заплечный мешок, обернулся с улыбкой.

— Спасибо.

Дорога под копытами их коней текла, как река. Над горами в черноте ночи пробивалась алая нить.

Я вернулся в зал, подмел пол, подложил под голову Грэхема Ли свернутый плащ, выскреб из камина угли. С тихим стуком отвалился от стены нож. Потом другой. Смола была дешевая, я соскреб ее кочергой и повтыкал ножи обратно. Дом был тих, как сытый младенец. Я вышел на крыльцо, сел, прислонившись спиной к перилам. Прогоняя дождь, с востока подымалось золотисто-алое зарево. Воздух был наполнен влагой, запахом побитой ржи, покоем. Мне нужно было уходить давно, но малодушно вымаливал я еще один день. Еще один день покоя, дома, еще один день с лицом девушки, которую поцеловало солнце.

Я пришел сюда три года назад, пришел умирать, изломанный, беспамятный, изуродованный, в жару и в бреду, исполняя последнюю волю того, кто принял за меня мою смерть. И опустив в сложенные ладони Райхани медальон ее последнего потерянного сына, я рухнул к ее ногам и не должен был встать. Они не отпустили меня. Семь сыновей и три дочери унесла война, та, которой моя страна жила веками, и последнего забрал Аллапак. Он тащил меня на себе, а из пробитой тремя стрелами его спины с биением сердца выплескивалась кровь и жизнь, он вынес меня из сердца боя, я

так и не простил его. Всю жизнь я был солдатом, всю жизнь я ненавидел войну. Она спросила: как имя твое, солдат? И я назвал ей свое имя. Я должен был умереть, как тысячи других под Аллапаком. Я так и не простил их, за то, что они лечили меня. Мою скрученную ногу, с порванными секирой подколенными сухожилиями, мое пробитое копьем легкое, мои изрубленные пальцы. Я научился ходить, я научился дышать, я заново учился осязать этот мир, а по дорогам шли тысячи таких же, как я. И никто никогда не смотрел мне в лицо, и когда я смог доползти до зеркала, я вспомнил. Все то вспомнил, что забрал на время удар моргенштерна. Я больше никогда не смотрелся в зеркало. И никогда не видел своего отраженья в чужих глазах. Кроме васильковых глаз рыжей конопатой девчушки, такой же приبلудной, как я, дочери войны. Я даже думал было, что она слепая. Ей было пятнадцать. Ни разу не содрогнулись в брезгливости ее губы, ни разу тень не промелькнула в синеве ее глаз. А в мое лицо было тяжело смотреть матерым ветеранам. Я не отказался бы от встречи с истинным королем. Потом я привык. Это война, та, которой я жил, та, которая жила мною, показала свое лицо миру. Это было справедливо. Это было правильно. Я остался. Я убирал за свиньями, мыл полы и колол дрова. Когда выпрямились пальцы, я делал любую работу — только в зал не выходил, чтоб не пугать постояльцев. А потом заболел малец Хоэля — его единственный внук — и умирал, тихо хныча, и никто не мог ему помочь, и я уходил в лес, чтобы никто не видел слез моих. Собирал травы, не веря, что они помогут. Я был пуст звенящей пропастью мертвечины, плевком войны, сгустком мрака. Я поил ребенка отварами, которым не мог придумать названия, а потом он вдруг поправился. И в моем мраке мелькнула искра — не надежды, нет, просто искорка. И они приходили ко мне, не веря, и они звали меня, не надеясь, и я шел к ним, и они отводили глаза от моего лица. Я познал смирение, я знал, каким придется ходить мне по дорогам мира, и обещал себе: вот, завтра. Немножко подожду. Пусть она подрастет, пусть окрепнет. Она всегда так радовалась мне: Джош! И смотрела в мое лицо. Я учил ее писать и считать, и рассказывал ей все истории, которые только прочел в своей жизни, и обещал себе еще один день. Пусть она встретит хорошего парня, который позовет ее замуж. Надежного, верного, хорошего парня, который будет любить ее. Ведь ее нельзя не любить. Я привык к ним, а они привыкли ко мне. Они смотрели мне в лицо. Нужно уходить, иначе я могу забыть, кто я — искалеченный недочеловек с маской из коллоидных рубцов заместо лица с выжженной душой.

За золотистым заревом ползла бирюзовая полоска утра. Дом вздыхал, просыпаясь. Лежал на спине Хоэль, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить боль в пояснице и Райхани, разметающую косы поперек него. Хоэль считал в уме выручку и виновато размышлял, сколько выплатить Джошу, да так, чтоб, получив сразу много, тот не собрался зараз и не ушел. Хоэль каждое утро боялся, что не увидит этих ярких вечно смеющихся зеленых

глаз и эта его походка, припадая на левую ногу, но быстро и легко — сердце щемит, как видишь и щемит-то, что страшно, больше, чем за своих семей. Сказать, что ли? Только б не ушел. Хозль знал, что держит тут парня, и не понимал, чего тот нашел в конопатой пигалице — разве что глаза, как васильки в поле...

Мадги ковыляла по двору, отмахиваясь раздраженно от причитающей Селин, всматриваясь в поля — косить пора, сочная трава, зеленая, что глаза у парня. Мадги, прямая, суровая, жизнью высушенная, смотрела, как гонит по небу золотистую пену утра — светло; и думала о странном человеке с насмешливыми глазами цвета травы и светлой душой, и теплилось что-то в груди, чему Мадги не знала названья.

Понукал коня Джет из Дроту, продолжая спорить с оставшимся далеко позади солдатом: Стране нужен ее король! Но и королю нужна его страна...

Зара на кухне скоблила медный таз от странного с синим отливом пятна, качая головой в недоумении.

Сладко спала юная Лорель и видела все тот же сон: худой черноволосый зеленоглазый с усмешливым ртом... и губы его, теплые, чуть горькие губы целуют каждую ее веснушку. И шепчет она: только не уходи, и целует жарко серую тонкую нить шрама на его красивом лице... я так тебя люблю...

И Грэхем Ли в обеденном зале, кузнец, гнувший руками подковы, пыхтя и обливаясь потом, виснет на воткнутом в стену на треть кинжале и ругается словами страшными...

И встанет над миром солнце.

АЛЕКС МУСТЕЙКИС

ИСТОРИЯ ОДНОГО ИЗОБРЕТЕНИЯ

Хроника недалекого будущего

Я приложил указательный палец к стеклу замка, он тихонько щелкнул, но дверь осталась закрытой. Все правильно, так и должно быть. Мало ли тут кто и с какими отпечатками появится...

Я оглянулся. Никого не было ни на лестничной клетке, ни в кабине лифта... Я достал из кармана иголку и осторожно вставил ее в малозаметное отверстие. Как всегда, зацепил нужный рычажок с первого раза. Дверь открылась.

Тихо было в квартире. Тихо и спокойно. Но, как и почти любая тишина, эта тишина была обманчива.

Закрыв за собой дверь, я первым делом отправился в туалет. Так и есть, на полу была значительной глубины лужа. Ну что ж, будем надеяться, что к соседям снизу вода не добралась...

Покончив с лужей и вымыв руки, я сразу почувствовал себя свободней. Как-никак, редко удастся побыть дома одному с полным на то основанием.

В общей комнате я скинул с себя пиджак, не глядя, швырнул в сторону дивана. Потом уберу, могу себе позволить. Диван недоуменно заворчал, не понимая, что это такое на него упало. Так ему и надо, пусть мозги поломают, недоумок.

Вот мое любимое кресло — это совсем другое дело. Сразу узнало, зажуужало моторчиками и приняло мое любимое положение. Так, чтобы вытянуть ноги, откинуть голову и закрыть глаза. Хорошо... Жена на работе, дочь в школе. И это все из-за моего любимого директора, который действительно считает уважительной причиной для отгула вызов инженера. У моей жены начальство совсем другое, не отпустят, пока наконец закон по этому поводу не примут...

А мой директор отлично понимает, что это такое, когда дома беспорядок, и в его устранении ты зависишь от чужого человека. Посмотрит на меня, печально покачает головой и скажет:

— Ну что ж, иди, Степаныч. Надеюсь, что с нашими подопечными за твое отсутствие ничего не случится...

Мои подопечные — это звери. Настоящие. Я работаю в зоопарке зоотехником. Не надо путать с зооинженером — таких пруд пруди, у нас их с десяток, да и какие они там специалисты, только и умеют челюсти у крокодилов смазывать, чтоб открывались пошире. Публика это любит. Моих зверюшек, правда, гораздо меньше, чем всех этих чучел, да и не такие они впечатляющие — подумаешь, барсуки, зайцы, коты и собаки. Медведи или, там, жирафы-слоны — это да, и народу вокруг них не протолкнешься. А то, что у них внутри железки одни и на ночь дежурный зооинженер их в розетку включает, кому до этого дело? Так что у меня одни ребятишки и крутятся. Которым интересно зайчишку погладить, удивиться, какой он живой и теплый, узнать, что у него имя есть, Васька, как у какого-нибудь мальчишки. Что им «медведь гималайский МГА-25б»? Кстати, кто не знает, 25 — это год, когда выловили бедного мишку и... И с тех пор он развлекает публику и есть не просит.

А мой-то есть еще как просят! И не только ведь едят. Посмотрел однажды мой директор на то, как я с ними управляюсь, и говорит:

— Слушай, Степаныч, может, ну ее, эту кутерьму? Подучишься немного, квалифицируем в инженеры, зарплату опять-таки повысим... А этих — кивок в сторону клеток — доведем до нужного научно-технического уровня, и все дела. Образование, Степаныч, великая штука. Мысли появятся серьезные...

Насчет мыслей, он, конечно, прав. Честно признаюсь, мало у меня их вообще, а уж серьезных... Вон, в Ростовском зоопарке двое инженеро-умельцев соорудили нескольких динозавров из списанной скотины — народ так и повалил. И директор тут же вторит:

— Смотри, в Ростове уже ни одного настоящего зверя не осталось, а прибыли получают больше, чем мы. Сколько у нас на корм уходит!

И что самое интересное, вроде, прав он. Действительно, невыгодно держать моего Ваську. Но есть у меня один довод.

— И долго, — говорю, — будет это в Ростове продолжаться? До первой ревизии. А потом будет это уже не зоопарк, а парк юрского периода, и соответственно, налоги...

— Да, прав, ты, Степаныч, — вздыхает директор. — Ну ладно, это я просто так, работай...

Разве скажешь ему, что не смогу я работать с этими чучелами после Васьки и прочих! Зарплату, конечно, хорошо бы повыше, но что там зарплата!

Но ладно. Как бы то ни было, положение у меня пока привилегированное. До тех пор, пока не примут какой-нибудь закон, и не уравниют зоопарки в налогах с прочими аттракционами... А это, того и гляди, сделают.

Вот и сейчас, включая визор, и посреди комнаты опять Он. Николай Леонидыч Голубков. Читает очередное обращение к народу. Хорошо, что звука нет: дистанция меня узнала, помнит ведь, что я люблю вначале без

звука... А иногда и не только вначале, как сейчас, например. Уж я все, что наш Леонидыч скажет, наперед знаю.

Выглядит он, правда, странновато, на первый взгляд. Голова у него только до середины лба, а выше как ножом срезано. Черепок без крышки, так сказать. А верхняя часть прорисовывается где-то в районе журнального столика, над вазой с цветами. Это у меня в визоре синхронизация по объему барахлит. Две недели назад был инженер, говорит, кубы искать надо, а сейчас у него нет. Есть, наверное, просто мало ему дал. Обещал через месяц точно принести. Хорошо бы, а то вид не из приятных. Да и желание подмывает заглянуть Леонидычу, так сказать, внутрь. Сколько у него там, и чего. Но пока сдерживаюсь, неудобно как-то, такой высокий пост все-таки... Выше не бывает. Вот верхнюю часть, ту, что над вазой, дочка детально изучила со всех сторон, но в подробностях не говорит. Однажды спросил шутя, а она отвечает: ты, мол, шимпанзе у себя на работе видел, — так вот то же самое. Сделал ей выговор, мягкий, по малости лет, а самому интересно. Что она от шимпанзе там увидела? Шимпанзе у меня на работе все волосатые, мех синтетический, а здесь лысина, прямо как полированная. Но тоже сдержался спрашивать, несолидно, да и пример какой подам...

Тут как раз музыка заиграла. Популярная сейчас: «Я тебя на часок затяну к себе в постельку». Сначала я удивился даже: с каких это пор речи Леонидыча под такое сопровождение давать стали? Хотя он хитрый, может, эта речь специально для подростков... Потом я удивился, с какой это стати музыка, если дистанция ее не включала? Неужели тоже испортилась? И только после этих леденящих душу предположений дошло до меня, что это всего-навсего дверной звонок, а песню, наверное, дочка записала. Или супруга. Она у меня тоже такая — всего можно ждать...

Да, это был действительно инженер. Его удостоверение я долго изучал — мало ли сейчас жуликов? Но все было верно: и водяные знаки, и микропечать. Под ультрафиолетом не смотрел, и не потому, что лампы нет: надо все-таки доверять людям. Тем более образованным. Должность у него шикарная — инженер первой категории по ремонту/наладке смывных бачков. Интересно, что эта косая черта значит? Ведь можно было просто букву «и» написать. Наверное, какой-то особый смысл в этом есть.

И взялся он за дело умеючи: специальная отвертка, восемь болтов долой, специальную трубочку тут же пристроил — воду в раковину спускать, чтоб не мешала. Я стою у двери и просто удовольствие получаю от такой профессиональности. На прошлой неделе приходил тоже «инженер по настройке раковин/унитазов». Так тот у меня даже пассатижи клячил. Пришлось на работу сбегать, у зооинженера под расписку взять, а то б этот... как его... перепускной клапан до сих пор бы не работал. А этот инженер совсем другое дело.

Открыл он внутри бачка еще одну крышку, из своего чемоданчика достал дисплей, подключил куда-то, и все ни одного движения лишнего. И вот

дисплей уже засветился, надписи там побежали не по-русски, а он обхватил руками свою лысину — как у Леонидыча, надо признать, — и задумался. Как тут не задуматься, дело серьезное... Щелкает он там чем-то, на маленькой клавиатуре что-то там набирает, но вижу я, не ладится у него, и все тут.

Поворачивается он ко мне, наконец, и говорит так недоуменно:

— Что-то не могу понять, в чем же тут дело. Процессор в порядке, кэш... Отключал же кэш, все равно не работает. Адаптеры тоже в порядке, чекитом проверял. Может, чекит сбойный? Да нет же, я свой загружал... А всю плату не сменишь...

Видно, что человек в полном расстройстве. Не цену набивает, а действительно затруднение испытывает.

— А инструкция, — продолжает он, — у вас имеется?

— Конечно, — отвечаю, — имеется. А сам думаю: если уж инструкцию просит, значит, действительно дело швах.

Отдал я ему инструкцию, сел он на табурет в кухне, уткнулся в эту бумажку и губами двигает — видно, иностранные слова переводит.

Разобрало тут меня любопытство. Раз уж не решаюсь в Леонидыча заглянуть, так уж посмотрю, что у меня в смывном бачке имеется.

Заглянул. Вода по трубке журчит, множество огоньков разноцветных, надписи непонятные... Крышка снята — на резиновых прокладках, чтоб вода не подтекала. Это я сразу сообразил. Внутри, значит, эта самая плата. На ней всего много, аж глаза разбегаются. Как будто с самолета на город смотрю. Или даже на завод какой-нибудь. Черные коробочки, как здания. Блестящие линии — как дороги или трубы. Есть и такое, что и не придумаешь, на что похоже. Вот у края стоят вертикально четыре маленькие платки, и на них такие же черные коробочки и блестящие линии. Аккуратно так все... Протянул я руку и тронул одну из этих платок. И тут же отдернул. Горячая она, как кипяток.

Попробовал еще раз. Действительно, горячая. Слюна шипит. А другие рядом, точно такие же — холодные. Меня аж пот прошиб.

Подбегаю я к инженеру, пытаюсь ему объяснить, а он мимо меня смотрит, и шепотом бормочет:

— Если разве что шедов рам отключить...

Но когда до него дошло, о чем я ему толкую, он сразу встрепенулся. Кинулся к бачку, и видно — как гора с плеч у него упала.

И говорит он мне уже торжественно:

— Симм накрылся мегабайтный. Надо же, как я сразу не предположил! Ну, я сейчас проверю тут...

Повернулся он к бачку и уткнулся снова в его внутренности. А у меня сразу мысль: этот самый симм менять придется. То есть требуется проявить повышенное внимание.

Прошел я в комнату, открываю секретер, где у нас эн-зэ стоит на всякий экстренный. И думаю, сколько же ему дать? Уже совсем мало осталось, а еще

печку настраивать надо будет, все вместо пиццы гамбургеры делает. Ну ладно, думаю. Все ему, конечно, не отдам, а половину можно. Лишь бы сделал, а то зальет соседей, хлопот не оберешься. Отсыпал я ему полграмма, завернул.

Взял он сразу и совсем уж повеселел. Но нюхать тут же не стал, не то, что тот специалист по унитазам. Аккуратно так засунул в нагрудный карман. Культура все-таки чувствуется.

— Ну, поддела сделано, — говорит. — Даже какой там, поддела — все девяносто процентов. Только вот загвоздка в чем. Таких симмов у меня сейчас нету. На работе есть, но это через весь город...

Вижу, действительно правду говорит. Ну, на нет и суда нет. Только вот делать-то что? Сегодня пятница, это что — все выходные с лужей воевать?

— Да вы не волнуйтесь, — он успокаивает. — Я вам полмегабайтный поставлю, временно. Вода течь не будет, правда, и смыв тоже работать не будет, но в понедельник я привезу обязательно!

— Ладно, — соглашаюсь. — Только вот удостоверение свое оставьте. Чтоб уж точно заехали.

— Конечно, конечно, — поддакивает. — Я и сам уже хотел предложить...

Приятный все-таки человек. С кем еще так культурно поговоришь? Зооинженеры наши, так они, кроме ругани, и слов никаких не знают. Наверно, даже не знают, как их собственные инструменты и детали на самом деле называются.

— Я даже закрывать здесь ничего не буду, — он продолжает. — Тут все аккуратно, на шарнирах, так что не упадет. А в понедельник — ну дело буквально пяти минут, не волнуйтесь!

Ладно. Когда со мной по-хорошему, я доверяю. Проводил его, закрыл дверь на засов, вернулся опять в туалет. Эх, опять придется кастрюлей пользоваться! Да вот еще, если в кране клапан испортится...

Мне аж страшно сделалось. Поднес руку, — нет, все нормально, щелкнул клапан, и полилась вода. Напор слабый только. Успокоился.

А потом вдруг думаю: ведь это ж я обнаружил, в чем дело-то! Инженер не сообразил, а я рукой пощупал — и готово! А как оно называется — симм или кэп, какая там разница. Пахнет паленым — надо менять. Наклонился я над бачком и рассматриваю его устройство. И вдруг понимаю: ведь просто-то он работает! Вот эти штуки — белесые наполовину от водяных осадков — явно уровень воды определяют. Вот эта штука тянет за рычаг и открывает воду в бачок. А эта, точно такая же, открывает воду в... ну, в общем, вниз. А все остальное — только чтобы управлять этим. В общем, в рычагах все дело. В рычагах...

И приходит мне в голову совсем уже жуткая мысль. Я ее даже в словах побоялся выразить, страшно стало. И в то же время чувствую: мысль эта по-настоящему серьезная, не то что насчет Леонидыча.

Пошел я к дочке в комнату, поискать что-нибудь подходящее. Нашел. У нее всего столько — чего угодно найдешь. Отказываем ей мало, вот в чем

дело. А нашел я обломок обруча — уже без электронной начинки, одни провода болтаются, и мячик, тоже испорченный, так что уже не смеется, как идиот, когда им в стенку попадаешь. Дочка говорит, батарейки сели. А как их тут заменишь, когда он со всех сторон запаянный и надутый? Короче, забрал я его.

Через час все уже было готово. Мяч, привязанный проводами к обломку обруча, плавал на воде. Поднимаясь выше, он натягивал провод и тянул за рычаг, перекрывающий воду. Потянув за другой провод, можно было открыть нижний клапан. Еще один кусок обруча я приспособил для слива лишней воды, если вдруг моя система разладится.

Проверял я все это, наверное, еще с час. Работало! Просто жутко было, но работало! И вот что самое непонятное: неужели до этого никто раньше не додумался? Неужели я... нет, даже подумать страшно.

Я столовым ножом закрутил болты на крышке. Конечно, я никому не расскажу об этом. Даже жене и дочери. Засмеют. Изобретатель, мол, нашелся. Скажу им, что новую систему поставили. Кстати, теперь не нужен будет этот ящик с аккумуляторами под бачком, на случай если пропадет электричество.

Ну, а в понедельник того инженера я как-нибудь спроважу. Симм заберу, конечно, может, в хозяйстве пригодится. Потом посмотрю, что там с визором. Не может быть, чтоб я не разобрался в этой их синхронизации.

А дочке я новый мячик куплю. С новыми батарейками. Пусть играет.

ТАТЬЯНА ПЛИХНЕВИЧ

ЗАБЫТЫЕ ГОРОДА МАЙЯ

орога была трудной и утомительной. Рейсовые лайнеры в систему Желтого Карлика не ходили. До места назначения пришлось добираться на старом космоботе, любезно предоставленном археологами. Путешествие проходило без эксцессов, однако с раздражающей медлительностью. Развлечений на углой посудине не было, и у Ах Кинич Пакаля, корреспондента «Galaxy Observer», было предостаточно времени припомнить все, что он успел узнать о цели путешествия — планете майя.

Откуда взялось это название, никто, наверное, уже не помнил. Вероятно, кто-нибудь из археологов или же коллег Кинич Пакаля по перу окрестил планету звучным именем, и пошло: майя, майя, забытые города майя, тайна исчезнувшей цивилизации... А ведь не так давно никто не верил в существование каких-либо древних городов в этом отдаленном уголке Галактики. Некоторые надежды поначалу давала планета четвертая — на ней при предварительной разведке удалось заснять остатки сооружений, однако при более детальном изучении они оказались природными образованиями.

На третью планету никто всерьез и не рассчитывал. Большую ее часть покрывала вода. О какой цивилизации может идти речь в столь суровых природных условиях? Хорошо, если удастся обнаружить каких-нибудь рыб или амфибий.

Ни рыб, ни амфибий обнаружить не удалось — вымерли, наверное. Так бы и оставили планету, если бы какому-то чудаку не вздумалось заняться раскопками неприметного с виду холма, под которым обнаружили развалины здания. Присмотрелись к другим холмам — и понеслось! Открытие за открытием, сенсация на сенсации! Здания, дороги, подземелья, туннели, потом — скульптуры то ли богов, то ли царей (об этом ученые до сих пор спорят). О назначении городов тоже спорят. Одни говорят — ритуальные центры, места поклонения богам, другие называют их столицами могучих государств, третьи — городами-государствами. Границы центров определить довольно сложно, и не только из-за хаотичности застройки. Много еще нераскопанного, неизученного. Да и как можно что-то утверждать наверняка о цивилизации, практически не оставившей письменных памятников? Ведь, несмотря на изобилие объектов материальной культуры, письменных свидетельств об истории, образе жизни исчезнувшего народа найти не удавалось. До недавнего времени.

В этом, собственно говоря, и заключался смысл командировки Ах Кинич Пакаля на планету таинственных майя. Финальным пунктом назначения было небольшое и до недавних пор непримечательное поселение под названием Рохавалья.

* * *

Журналиста встретили радушно и тут же повели показывать местные достопримечательности — объекты недавних раскопок. Гидом был сам начальник экспедиции.

— Майянистика движется вперед семимильными шагами, — вещал он. — Пока вы летели, мы сделали еще несколько потрясающих открытий. Вот, поглядите на эти руины. На них обнаружена мозаика со сценами жизни древних майя, изображения животных, населявших когда-то планету. Одна подобная картинка способна рассказать о майя больше, чем руины сотни храмов.

— Что это было — жилой дом? — спросил Кинич Пакаль.

— Некоторые действительно считают помещение жилым — правда, не домом, а дворцом, резиденцией правительницы, чью скульптуру вы вскоре увидите. Но большинство археологов не разделяют эту точку зрения. Здание плохо приспособлено для жизни, в нем отсутствуют элементарные удобства. Скорее, это не дворец, а храм — место поклонения природным силам.

Недалеко от храма, по ту сторону широкого проспекта, наша гордость, скульптура Изящной Богини. Название, конечно же, условное. Теперь мало кто всерьез считает, что статуя изображает божество. Несомненно, это — жемчужина искусства майя. За памятником — руины еще не раскопанных зданий. Судя по размерам, развалины подлинной резиденции. Мы ждем интересных открытий.

Каменная скульптура женщины была действительно невелика и мало походила на колоссальные монументы, обнаруженные в крупнейших городах майя.

— Изящная богиня, — подумал Пакаль. — Какое точно название!

Его внимание привлекли значки на постаменте.

— Да, это именно то, что вы думаете, — поддакнул археолог. — Письменность майя.

Не так давно ученые заметили, что фигурки, украшающие стелы и памятники, расположены в определенном порядке, и состоят из небольшого числа повторяющихся знаков. Вскоре были распознаны календарные символы. Теперь мы знаем, что числа на них обозначают даты. Но чего: постройки монумента или правления древних царей? Этого мы пока не знали...

...Экскурсия Рохавальей продолжалась. Археолог и журналист шли вдоль широкого проспекта. Шеф экспедиции не прекращал говорить:

— Холмики по обе стороны дороги — тоже руины зданий. Возможно, жилища жрецов или простых обитателей города. Их мы пока не раскапываем — нет средств. А зря.

Улица, как полагают, ведет к церемониальному центру или некрополю. Те, кто считает все постройки Рохаваля исключительно ритуальными, дал ей название Проспекта Мертвых.

Прошли площадь, застроенную циклопическими зданиями странной архитектуры и неведомого предназначения, повернули, поднялись по улочке, гораздо более узкой и крутой. Приближались к цели путешествия.

— Вот оно, сердце Рохаваля — место, из-за которого город получил свое имя. Условное, конечно, — торжественно провозгласил археолог.

На абсолютно открытом пространстве стояла монументальная скульптура. Усатый идол, слегка склонив голову, задумчиво смотрел на развалины комплекса зданий.

— Впечатляет? — спросил Кинич Пакаля археолог. — Конечно, размерами памятнику далеко до статуи Женщины с Факелом — вероятно, богини огня, — обнаруженной при раскопках Нью-Тикаля, но из-за свободного пространства вокруг он кажется больше и массивней, чем в действительности. А историческая ценность находки поистине неизмерима.

Городище названо Рохавалей именно из-за этих руин. Химический анализ обнаружил на стенах остатки красной краски. Рохаваля — Красная Стена. Ученые долго спорили о назначении комплекса и скульптуры перед ним. На ранних этапах майянистики его склонны были считать религиозным центром Рохаваля. Идола называли главным богом, руины — остатками храмов. Но после наших находок произошла революция взглядов на майя.

Теперь прощу — внимание на надпись. Второй ряд знаков расшифрован давно — календарные символы, даты. Теперь, после нашей находки, мы можем прочитать и первый. Итак...

Археолог сделал эффектную паузу и не спеша, с расстановкой, прочел: — «Тарас Григорович Шевченко. 1814—1861».

— Как вам удалось прочесть ЭТО? — недоуменно спросил Кинич Пакаль.

— Пора, наконец, Вас познакомить с нашей главнейшей находкой — ключом к письменности майя.

Ошалевшего от впечатлений журналиста повели совсем уже запутанным маршрутом: какие-то котлованы, раскопы, развалины...

— Энтузиазм ведет к непредсказуемым последствиям, — вещал его спутник. — Чаще всего — к провалу, но иногда... Мой молодой ассистент на свой страх, риск и кошелек решил копать вдали от центра, площадей, дорог и прочих мест, что гарантировали быстрые находки. Он преследовал цель доказать, что города древних майя были городами в полном смысле слова, — крамольную в те времена идею. Поэтому раскапывал не храмы,

а дома простых людей, которые оказалось значительно больше, чем мы могли предположить. И вот однажды...

Это не был жилой дом — назначение здания до сей поры неизвестно. Первой сенсацией оказалась настенная роспись. И надписи, множество надписей. Коллега пожелал разгадать их загадку так страстно, что был услышан древними богами майя.

В пустых помещениях здания не обнаруживалось древних артефактов. Археологи продолжали методично просеивать обломки, и вдруг... под осколком прозрачной пластины было обнаружено вот это.

Журналист и археолог вошли в холл отреставрированного здания. Первое, что бросалось в глаза — это фрески. Роховальцы в архаичных и более поздних, традиционных нарядах держали в руках странные предметы. Такой же предмет помещался на подставке, как на древнем алтаре, защищенный метеороустойчивым стеклом.

Археолог набрал на пульте комбинацию.

— Можете взять наше сокровище в руки. Но сначала — наденьте перчатки.

Ах Кинич Пакаль перевернул несколько страниц. На каждой — картинка: животное, растение, предмет... Рядом — иероглиф. Внизу — надпись.

— Наши аналитики предположили, что знак, сопровождающий картинку, обозначает первый звук названия объекта, изображенного на ней. Так был восстановлен алфавит древних майя. Вскоре мы смогли прочесть и тексты.

— О чем они? Каково назначение книги?

— К сожалению, историческая ценность манускрипта невелика. В нем — набор бессмысленных слогов, стихи, короткие суждения. По-видимому, то, что мы нашли — жреческий требник. Количество страниц примерно соответствует числу дней лунного календаря. Картинка обозначает божество, которому следует поклоняться в определенный день месяца, стихи — гимны в его честь, а слоги — заклинания. О жизни майя он нам не поведал, зато дал в руки ключ к прочтению всех прочих надписей. Майянистика так бурно развивается, что теперь мы даже можем написать историю погибшего народа.

Прошу взглянуть на боковую стену. Знакомый облик, не находите?

Со стены, угрюмо насупив густые брови, глядел старый знакомец — Тарас Шевченко.

— Теперь, после успехов в дешифровке, мы можем утверждать, что Шевченко был не богом, а правителем, обожествленным после смерти. Даты на памятнике в центре Роховальи — годы жизни или же правления, дворец напротив — его резиденция (радиоуглеродный анализ показал, что она построена как раз в то время). То был золотой век Роховальи, о котором помнили столетия спустя: мы нашли уже три характерных портрета на значительно поздних постройках.

После смерти выдающегося деятеля метрополия распалась на отдельные княжества. Следует напомнить, что одной из недавних проблем майянистики было определение границ селений. Но благодаря расшифровке письменности майя мы справились с этой задачей. В разных районах обнаружены скульптуры с примерно одинаковыми датами на постаменте. Теперь мы можем доказать, что Рохавалья в ту эпоху не была единым городом, а представляла собой комплекс поселений — независимых городов-государств. Одним из них правила женщина, известная вам Изящная Богиня. Помните ряды знаков на ее постаменте? Мы смогли расшифровать и эту надпись: «Леся Украинка. 1871—1913».

Примерно в одно время с ней в другом районе бывшей метрополии правил незначительный князек по имени Иван Франко. Даты на памятнике: 1856 — 1916. В квадрате В — IV — 8 у самой дороги обнаружили...

— Дороги майя... — прервал Кинич Пакаль. — Я читал — они будто ведут в никуда. Это правда?

— Да, так считали недавно — когда отрицали светский характер городов и всей культуры майя. Действительно, одни вели к постройкам, которые ошибочно считали развалинами храмов, другие, казалось, в никуда — просто широкий проспект среди пустоши. На обочине некоторых из них обнаружены идолы, что, казалось бы, подтверждало церемониальный характер шоссе. Но после наших успехов в дешифровке взглянули по-другому и на них. Одно из сенсационных открытий сделано опять же в Рохавалье.

На обочине дороги раскопали скульптуру идола. Даты на постаменте: 1799—1837 — древнейшие из обнаруженных. Находка, казалось, не оставляла сомнений в ритуальном назначении шоссе — поблизости ни от нее, ни от скульптуры не обнаруживалось никаких построек. Без особой надежды копнули напротив, чуть-чуть в стороне, и обнаружили... целый городок: жилища правителя, знати, ритуальные постройки, храмы, еще десятки статуй, стен и барельефов, таблички с надписями (пока не расшифрованными). Внутри одного храма — с лестницей — роспись ритуального характера, изображение каких-то мистических действ: персонажи в причудливых нарядах, странные позы и жесты... Смысл фрески прояснится позднее — когда расшифруют религиозные тексты майя. Все здания, за исключением Храма с Лестницей и еще двух-трех — причудливой, архаичной архитектуры, но построены прочно — не чета позднейшим, от которых мало что и сохранилось. Я выдвинул гипотезу, что это — остатки первой столицы, перенесенной впоследствии Тарасом в другое место. Правил старой Рохавальей Александр Пушкин. Из каких соображений его статую поместили у дороги, сказать трудно — специфика мышления древних, магическое восприятие мира... Раскопки вдоль дороги продолжаются и, возможно, приведут к еще более сенсационным результатам.

* * *

Кинич Пакаль машинально листал страницы древней книги: «А» — «абрикос», «Б» — «бублик», «В» — «вагон»... Археолог вещал об очередном «потрясающем открытии». Вдруг в зал вбежал встревоженный, растрепанный субъект.

— Сенсационная находка в квадрате Е — III — 3, — возвестил он чуть ли не с порога. — Та статуя, что раскопали утром... Мы только что расшифровали надпись. Она гласит: «Шота Руставели. 12— 3 века».

— Вы... не ошиблись? — осторожно спросил шеф.

— Исключено! Наши успехи в дешифровке...

— Такая древность... Быть не может! Это катастрофа! Теперь всю историю майя придется опять переписывать! И журналист — так некстати... Плакала моя Небьюловская премия!

...Со стен безучастно и отрешенно взирали древние майя. Дразнили, обещая новые сенсации, пока нерасшифрованные надписи: «Сеять разумное, доброе, вечное», «Ученье свет, а неученье — тьма», «Учиться, учиться и учиться»... Хмурил брови суровый Тарас. Под его портретом проступали строки, потускневшие от времени:

*«Учитесь, читайте,
И чуждому научайтесь,
И своего...»*

Последние слова надписи были повреждены.

Февраль 2010

АНДРЕЙ КОКОУЛИН

Я, КОТ, ЖИРАФ, РБ И ГОЛОС

На завтрак у нас рыбные палочки.
Кот ходит вокруг меня, изображая живой интерес, пока я вожусь с банкой. Хвост его оббивает мой бока. Вкусно, говорит кот, сверкая глазами, вкусно. Не мешай, говорю я. Дай сосредоточиться. Я помню: мне надо потянуть за специальный язычок, чтобы сверху отошла крышка. А еще нельзя хвататься за края, потому что можно порезаться.

Это не так-то просто.

Банка скользит по полу. Кот садится напротив и смотрит на мои усилия. В шерсти его проскакивают искорки. Потом к нему присоединяется жираф и тоже смотрит.

Кота с жирафом зовут кот и жираф. А меня зовут Вики.

Вредная крышка поддается, когда я уже готов заплакать. Крак! — говорит крышка. Рыбный запах плывет, плывет. Нет, сразу пальцами туда нельзя.

Тяни, тяни, говорит кот и облизывается. Я тяну.

Кажется, была такая старая сказка, замечает жираф, причмокнув толстыми губами, там один бедный старик забрасывал в море невод... а невод это э-э-э... сетка такая, вот... и он тоже тянул, тянул...

Кот насмешливо фыркает. Он не верит в жирафову память.

Не, я точно знаю эту сказку, убедительно говорит жираф, там еще: «Тянет-потянет, вытянуть не может»...

А я могу вытянуть, говорю я.

Крак-крак-крак! И вот она, тонкая крышка-полоска! В руке!

Разрешите, говорит жираф, и аккуратно зажимает крышку во рту. Переставляя длинные ноги, он направляется с ней к мусорному ведру.

Жирав у нас чистюля и очень любит во всем порядок. Мы с котом порядок любим меньше, а иногда и вовсе его портим, превращая в беспорядок.

В красном свете, который по-взрослому называется аварийным, рыбные палочки кажутся черными.

Я уже привык к красному свету. Иногда только очень болят глаза.

Палочек восемь. Мы выкладываем их на пластиковый лист и делим на две кучки. Они называются ранний завтрак и поздний.

Только постарайтесь не капать, просит, появляясь рядом, жираф.

А мы уже накапали. Масляных клякс — одна, две, целых три. Я затираю их пяткой.

Прекрасно, бормочет жираф. Нет, чтоб тряпочкой...

Пол под нами вздрагивает, гаснет и вновь загорается свет. РБ, который почти всегда спит (это называется режим экономии), вдруг оживает и начинает вращать круглой головой.

— Вики, ты как? — спрашивает кот.

— Палочки улетели, — говорю я.

Я смотрю на овальную дверь. Я помню: жираф объяснял, что если на ней в уголке горит зеленый огонек, то можно выйти. А если нет, то нельзя, потому что дверь обеспечивает герми... гермутизацию.

Я не знаю, как там мама и папа, все ли у них хорошо с гермутизацией. Но я надеюсь, что очень хорошо, и они просто тоже не могут выйти.

— По-моему, от нас опять что-то отвалилось, — говорит жираф.

— Может быть, — отвечает ему кот, мы же терпим бедствие.

— А я не боюсь, — говорю я.

— Это я раньше боялся и даже ревел. Но теперь решил быть сильным и бесстрашным. Все вместе мы собираем палочки обратно на лист.

— Их бы, по-хорошему, вымыть, — бормочет жираф.

— У нас мало воды, — говорит кот.

— Угробим ребенка, — шепчет жираф.

— Не успеем.

— Эй, говорю я, а можно уже завтракать?

— Жираф вздыхает.

— Уши мыл? — спрашивает.

— Нет, — отвечаю я.

— Зубы чистил?

— Нет.

— Вот зануда, — вклинивается кот.

— Это называется воспитание, — говорит жираф.

— Нам сейчас никакого вос... не нужно, — возражает кот, — нужно исключительно питание.

— Ну, хорошо, — сдается жираф, — ешьте. Приятного аппетита!

Я говорю спасибо и беру сразу две палочки. Они хрустящие, а внутри очень сочные. Я ем такие уже четвертый день, но мне не надоедает. Правда, иногда очень хочется хотя бы кусочек хлеба.

РБ прекращает крутить головой и что-то свистит.

Я не знаю, что. И кот не знает. И жираф. Жираф говорит: не расшифровывается, скорее всего, пакет общей дига... диганосической информации.

Зеленого огонька на двери нет.

Палочки кончаются быстро. Они смешались, и уже непонятно, какая из какого завтрака. Поэтому я съедаю все.

Теперь пей, говорит кот.

В бутылке, которую он мне пододвигает, воды немного. Она очень вкусная и заканчивается прежде, чем я напиваюсь.

— А еще? — спрашиваю я.

— Еще — это лезть надо, — говорит кот. — Позже полезу.

— Только не надо снова палочек этих, — кривится жираф.

— А мне нравится, — говорю я, — только они соленые.

Помещение, где мы находимся, называется не комната, а отсек. Он совсем небольшой, хозяйственный и я уже не помню, как здесь оказался.

В нем нет алюминаторов, есть только красные фонари вверх. А еще есть одеяла и посуда. Жираф говорит: слава богу, фурычит реги... регенирация воздуха и я не задохнусь. Мне кажется, задохнуться — это не страшно. Я могу долго не дышать.

Пол тут железный, но теплый. Жираф все беспокоится, как бы я не простыл и не заболел. Он смешной, когда серьезный. Они оба мои любимцы — кот и жираф.

В полу есть два люка, которые называются технологическими. Один ведет на склад за стенкой, и там есть продукты. А другой ведет в рубку, откуда дают команды. Ходы называются шахтами, и тот, кто по ним ползает, наверное, зовется шахтером.

Шахта на склад узкая, по ней только кот и может пролезть. А в рубке я уже был, там всюду разноцветные огоньки и космос. В рубке живет голос, который часто говорит непонятные слова. Иногда он долго молчит, а потом вдруг оживает. Кот говорит: это искаженные сигналы приходят на антенну.

Я ложусь на одеяло и смотрю вверх.

Кот трется о мои пальцы и о плечо. Потом он забирается мне на грудь.

— Однажды, — бормочет, приблизившись с другого бока жираф, — давным-давно, на одном старинном корабле, которые плавали по морю, одна семья отправилась в путешествие...

Его губы тыкаются мне в ухо и щекотят, шевелясь.

— Плыли они через океан, — шепчет жираф, — скажем, э-э-э... через Атлантический, и где-то на середине пути их застала буря...

— А ничего поумнее придумать ты не можешь? — спрашивает кот.

— Ну почему? — удивляется жираф. — Океан может быть и Тихим.

Кот ставит передние лапы мне на подбородок и заглядывает в лицо.

— Ты не плачешь?

— Нет, — говорю я, — хотя плакать мне очень хочется.

— Нас найдут, — говорит кот, — нас обязательно найдут.

— ...И в бурю мальчика запирают в каюте, гнет свое жираф. Мальчик думает, что он совсем один и его бросили, но это не так...

Я встаю и иду в угол, к чайнику, приспособленному под горшок. Спускаю штаны.

— Отвернитесь, — говорю.

Вялая струйка ударяет в пластик.

— Перевод воды какой-то, — замечает жираф, старательно не смотря, — в него вливашь, а из него выливается.

— Потому что кто-то суется со своими океанами, — говорит кот.

Закрыв на чайнике крышку, я возвращаюсь. Тени мои качаются в красноте.

— А давайте про космодесантника Сиренина кино смотреть! — предлагаю я, подпрыгнув.

— О! — восклицает жираф. — Что, в двадцать второй раз?

— Но ведь классно же!

Смотреть про космодесантника Сиренина я могу сколько угодно. Я уже знаю, где Сиренина возьмут в плен, где он сбежит, а где подлые ларрианцы поймут, что просчитались. От этого только интересней становится. Сразу думаешь: глупые, глупые ларрианцы! Куда вы против Сиренина! Вот сейчас он захватит корабельную батарею и устроит вам...

— Хорошо, говорит кот, Сиренин так Сиренин.

Глаза его загораются, словно яркие лампочки, и светят на стену. Изображение на стене сначала расплывается, дрожит, но скоро делается четким. Я подсаживаюсь к коту, кутаюсь в одеяло. Рядом замирает жираф.

По стене скачут буквы. Они называются титрами.

«Ничего не понимаю, — говорит, возникая, Сиренин на фоне куполов какой-то дальней колонии. — Здесь никого нет. Кто же послал сигнал?»

— Это ларрианцы, Сиренин! — кричу я, но космодесантник не слышит и идет напрямик в ловушку.

— Вполне предсказуемо, — комментирует жираф.

Фиу-фиу! Двое убитых. Еще один ранен. Но врагов много. Тысячи! Сиренина вяжут, накидывают сеть, наваливаются.

— Сиренин, не сдавайся! — кричу я.

Стена сверкает вспышками, летит пыль, мелькают броневики, ларрианцы, роботы-охранники, инопланетные пейзажи. «Мы будем тебя пытаться, Сиренин!»

Я сбрасываю одеяло и воюю с Сирениным вместе. На! На! И тебе!

К финальной битве руки у меня уже отваливаются, я хриплю, но когда ларрианский корабль-матка озаряет своей гибелью космос, вопль «Ура! Наша взяла!» у меня получается знатный. Он будто мячик скачет по отсеку и звенит в ушах.

— Все? — выбирается из-под одеяла жираф.

— Все, — говорит кот, прикрывая глаза.

Его пошатывает. Он идет к РБ, чтобы подзарядиться от его оку... аккумуляторов. Жираф качает длинной шеей. Он боится за кота. Я тоже боюсь. Я не хочу, чтобы он вдруг выключился.

После фильма мне становится грустно, потому что я вспоминаю маму и папу. А еще хочется пить. Горло колет.

Зеленого огонька на двери нет и нет.

— Все будет хорошо, Вики, — говорит жираф, замечая мой взгляд. — Ты только не плачь.

— Я не плачу, — говорю я.

Кот мягко выступает из-за РБ. РБ что-то свистит, будто жалуется.

— Сок или консервированное молоко? — спрашивает кот.

— Сок. Я хочу сок. Виноградный.

— Что ж, говорит кот, попробуем.

Мы перебираемся к люку, что ведет на склад. Я вдавливаю специальную кнопку, люк пшипит и отщелкивается. Это хорошо, потому что если бы там была утечка, он бы не открылся.

— Палочек только не надо, — канючит жираф.

Из дыры веет холодком. Перед тем, как прыгнуть в нее, кот поворачивается ко мне.

— Если что, — говорит, — не поминайте лихом.

— И не подумаем, — возмущается жираф. — Обязательно возвращайся.

Я считаю до трех и опускаю люк на место. Я представляю, как кот ползет в темноте, как ему холодно и, наверное, страшно, а там ведь тоже надо люк открыть...

— Есть такая сказка, — тихо говорит жираф, косясь на меня. — Там один э-э... кот... да, кот... он там нашел сапоги и, значит, помогал своему хозяину... В сапогах ему как-то сподручнее было... Он ему и чай вскипятит, и рыбы наловит... Невод, значит, забросит и потянет... А в сапогах — чтобы лап не намочить.

— Ш-ш-ш, — говорю я.

Я прижимаюсь ухом к полу. Мне кажется, что кот уже спешит обратно.

— Он постучит, — говорит жираф.

Мы ждем. В красном свете пятнышки на шкуре жирафа тоже красные, а сам он — красно-коричневый. Я не помню, какой он был по-настоящему.

— Ну же! — говорю я.

Словно в ответ что-то мягко бьется в люк изнутри. Я открываю. Воздух пшипит, пшипит, пшипит.

Сначала из дыры, будто сам по себе, появляется запотевший пакет сока, выпирает столбиком, перегибается, перетекает, а за ним уже, толкая, отфыркивается кот — морда в инее, хвост тяжело бьет в стенки.

— Принимайте, — говорит кот.

Жираф, помогая ему выбраться, подставляет шею.

— Нашел блины, — говорит кот, пока я его глажу и расчесываю. — На той же полке. Холод там, честно говоря, собачий.

Он вздрагивает.

— А ты сильно устал? — спрашиваю я.

Кот поднимает на меня глаза. Щурится.

— Что, опять Сиренина?

— Не, — мотаю головой я. — Полезли в рубку?
— Да, проверить не мешало бы, — соглашается кот.
— И я с вами, — говорит жираф.
— РБ, ты остаешься за старшего, — говорю я.

РБ молчит. Мы вскрываем большой люк. Первым спускается жираф. Я прихватываю сок и ползу вторым. Кот забирается мне на спину.

В шахте тоже горит красный свет. Редкие ответвления закрыты заслонками. Мы их проверяли — все они недействующие.

Ползти страшно. Хотя шахта для меня и не тесная, все равно не хочется оказаться в ней запертым. Жираф, шлепая губами, напевает какое-то «ту-ру-ру».

Пол изгибается.

— Еще немного, Вики, — шепчет кот.

Я нащупываю ручку, тяну ее в сторону.

— Помогите, — говорю коту и жирафу.

Они, скользя, наваливаются на люк над моими руками. Мы пыхтим, преодолевая сопротивление. Люк сдается по чуть-чуть.

— Еще! Еще! Ух!

Рубка встречает нас темнотой, в которой перемигиваются огоньки. Огоньков целое поле. Все вместе они называются пульт.

Зеленых огоньков мало, все больше тревожно-красные, но есть и желтые, и двухцветные.

Я сажусь в кресло, наверное, командирское, подсаживаю жирафа. Кот запрыгивает сам — сначала мне на колени, потом к жирафу на пульт.

Мы смотрим на огоньки.

Жираф с котом обмениваются мнениями. Они говорят непонятно, про отказ основных, про аварийные системы, про тела... телеметрию, про кардинаты.

На секунду оживает голос и говорит: «... тый сектор...»

Я откусываю уголок на пакете и пью сок.

Над пультом, впереди, расположено огромное окно, которое зовется алюминатор. За ним — космос со звездами. Звезды мелкие и светят хуже, чем огоньки с пульта. А еще они медленно двигаются по кругу и, если долго-долго на них смотреть, то кажется, будто падаешь куда-то на них. В черноту. В пустоту.

Смотреть на них очень грустно.

— Мама, папа, почему вы меня бросили? Я здесь один. И мне очень-очень-очень хочется вас увидеть!

Я пью сок и тихонько плачу.

— Вики! — стонет кот, отвлекаясь от пульта.

Я отворачиваюсь, я не хочу, чтобы жираф опять говорил про перевод воды.

— Вики, не надо плакать, — говорит кот.

— Я думаю, — говорит жираф, — нас найдут в ближайшие три дня.

— Я хочу к маме, — говорю я.

Кот вздыхает:

— Пока это невозможно, Вики.

Я уже собираюсь слезть с кресла, когда в рубку врывается громкий свист, а за ним — тревожный голос:

— Транспорт «Тигрус», транспорт «Тигрус», ответьте! Это «Спасатель-шесть-четыре»! Транспорт «Тигрус»...

— Вики, — волнуясь, говорит кот, — нажми-ка эту кнопку.

Кнопка зеленая и на ней написано: «акт. св.».

— Нажать? — спрашиваю я.

И нажимаю.

— Транспорт «Тигрус», — снова зовет голос, — ответьте! Это «Спасатель-шесть-четыре».

— Говори! — шипит мне кот. — «Тигрус» — это мы!

— Я Вики, — говорю я, наклоняясь, в космос.

— Тра... — голос замирает и вдруг начинает частить. — Вики? Вики Маленс? Ты жив? Черт! Две недели! Вики! Вики, ты один?

— Нет, — говорю я, — со мной кот и жираф.

— Кто? А-а, — догадывается голос, — это твои игрушки, да?

— Да. Они умные. А где мама с папой, я не знаю. Здесь гермутизация.

— Вики! Вики, мы тебя запеленовали! Будем у тебя через шесть часов. Как поняли, транспорт «Тигрус»?

— Я понял, — говорю я.

— Ур-ра! — орет кот.

А жираф плачет.

ВАЛЕРИЙ ДЕКИН

РЕВОЛЬВЕР

Я

— револьвер.

Я давно уже не молод, повидал за свою жизнь всякое, но все еще в отличной форме. Да и на хозяев мне везло, хотя и было их всего-то трое.

Первый — старый мастер-оружейник изготовивший меня. Я был его последним детищем, и он вложил в меня всю душу. У него не было детей. Его револьверы были его сыновьями.

Второй — научивший меня убивать: мастер-стрелок, потративший целый месяц на пристрелку и доводку, на доведение до совершенства того, что и так было совершенным. Это от него я научился всему, что умею сейчас.

Всех последующих я хозяевами не считаю: богатые бездельники, не сумевшие даже зарядить меня в случае необходимости. Много их прошло мимо моей памяти, пока я не попал в руки моего нынешнего, третьего и последнего из тех, кого я готов признать своим хозяином.

Нынешний хозяин мне симпатичен, и не только потому, что раз в неделю он достает меня из ящика стола и, насвистывая любимую мелодию, принимается за чистку. И не потому, что раз в месяц он берет меня с собой в город, где в закрытом служебном тире мы с удовольствием вгоняем пули в самый центр мишени. Да так, что зритель тира — хромой старик с мягкой улыбкой, но холодными глазами снайпера — с удовольствием качает головой и негромко цокает языком.

Последний хозяин выложил за меня астрономическую сумму, но дорожит он мною не поэтому, нет. Просто мы друзья, а вдобавок я не раз спасал ему жизнь.

В первый раз это произошло в одной жаркой, пустынной, чужой для нас обеих стране. Завизжали тормоза головной машины колонны, наш водитель едва успел вывернуть руль, как откуда-то издалека донесся едва слышный треск, и ветровое стекло будто по волшебству покрылось аккуратной строчкой отверстий. Водитель ткнулся головой в руль, а выскочившие из переулка смуглолицые бородачи с автоматами наперевес бросились к машине.

Я вынырнул из кобуры и, едва дождавшись, пока хозяин поднимет меня в положение годное для стрельбы, открыл огонь. Первым выстрелом я снял стрелка с винтовкой, стоящего на крыше соседнего здания, двумя следующими прострелил головы бородачатым автоматчикам.

Пока хозяин не опомнился, я вывернул его руку и застрелил еще одного автоматчика, подбегающего с другой стороны.

Нет, не подумайте плохого, мой хозяин отличный стрелок, но ни один человек, как бы тренирован он не был, не сравнится со мной. Я рожден для того чтобы убивать, у меня нет другой цели в жизни. Я — лучший, так и должно быть, ведь я совершенный смертоносный инструмент. Я безотказен, потому что дать осечку или промахнуться для меня все равно, что умереть.

Плохо соображая от всего этого грохота и визга пуль, хозяин выскочил из машины... и едва не погиб. Даже я едва успел опередить целившегося с другой стороны улицы стрелка. Этот и вправду был хорош... сухой, прожаренный солнцем афганец со столь редкими для них пронзительно голубыми глазами. Я опередил его лишь на долю секунды, хорошо еще, что ошеломленный происходящим хозяин не помешал мне, у него и без того после той перестрелки почти неделю ныли связки на правой руке.

Светлоглазого афганца отшвырнуло к стене, на светлой ткани костюма стремительно расплылось багровое пятно.

Больше нападавших не было, последний из них, стремительными скачками петляя из стороны в сторону, удалялся в сторону ближайшего переулка.

Последнюю пулю, даже если схватка уже закончена, тратить нельзя, это закон настоящего стрелка. Всегда может оказаться, что один из врагов еще жив и уже целится в тебя. Но есть и другой закон — мой, нельзя оставлять врага в живых.

Я медлил, а убегающий тем временем был все ближе и ближе к спасительному переулку. Судя по тому, что автомата он так и не бросил — не труслив, и если отпустить его сейчас, наверняка решит отомстить, а против снайперской винтовки бессилен даже я.

По дальности это был просто феноменальный выстрел. Хорошо еще, что у хозяина твердая рука. Несмотря на явное потрясение, она не дрогнула и теперь — застыла как монолит.

Я оперся на нее и спустил курок. Можно сказать, что этот последний выстрел мы сделали вместе, и именно с этого момент я и зауважал его.

Пуля вошла убегавшему точно между лопаток, как раз в тот момент, когда тот решил, что уже спасен.

...Много позднее, когда прибыло подкрепление и трупы шестерых нападавших сложили в ряд вдоль дороги, именно на этого, последнего, очень долго смотрел битый-перебитый командир местных спецназовцев. Потом зацепил взглядом меня, перевел взгляд на хозяина, покачал головой, изумленно выругался на незнакомом языке и дружески хлопнул его по плечу.

После этого случая мой хозяин искренне полюбил меня, да и я, в свою очередь, привязался к нему. Это не была щенячья любовь хозяина и пса.

Нет, это была привязанность, основанная на искреннем уважении, без панибратства. Раньше я защищал его потому, что обязан это делать, теперь — потому, что хотел этого.

С тех пор прошло много лет, мы переезжали все в более и более роскошные кабинеты. Хозяин без сожаления оставлял все их содержимое новым владельцам, и лишь меня всегда забирал с собой.

Все шло хорошо, только жаль, что в последние годы мы уже не ездим по дальним командировкам — хозяин все больше времени проводит с семьей. У него и вправду прекрасная семья: я, жена и очаровательная дочурка.

Я не ревную его к ним, хотя его жена и зовет меня хромированным монстром. Мы живем дружно. Я знаю, как сильно он любит их, поскольку жизнь и любовь — это всего лишь обратные сторона ненависти и смерти, по которым я большой специалист.

Но сегодня... сегодня что-то изменилось. Все утро хозяин был сам не свой. Куря одну сигарету за другой, он без конца мерил шагами кабинет. Останавливался на мгновение, невидящими глазами смотрел в окно, тушил недокуренную сигарету, и уже через секунду раскуривал новую.

А потом произошел тот самый проклятый телефонный разговор, после которого он словно окаменел в кресле.

Я не слышал разговора, но сразу понял, о чем идет речь... Авария. Авария, которая изменила все. Маленький подлый самолет упал в море, забрав всех пассажиров собой, в холодные глубины океана.

Неизвестный долго говорил с хозяином, пытался его утешить, но что он знал о нем? Чем мог его утешить?

Положив трубку, хозяин застыл в кресле. Несколько долгих часов он сидел неподвижно, почти не отрывая глаз от фотографии стоящей на столе. Улыбающиеся, счастливые, родные лица... Сколько раз после тяжелых, изматывающих переговоров его взгляд падал на эту фотографию и каждый раз, будто невидимый художник стирал с его лица напряжение и злость.

Телефоны надрывались, но он будто не слышал их. Лишь однажды он поднял трубку крайнего аппарата, без выражения сказал в нее несколько слов, и после этого все звонки прекратились.

Наконец он принял какое-то решение. Я понял это сразу. Помертвевшие глаза обрели осмысленное выражение. Он встал, не спеша подошел к бару, плеснул на дно бокала коньяку, но пить не стал. Вернулся к столу, поставил бокал и взял фотографию в руки.

Он вглядывался в знакомые лица так долго и так пристально, будто хотел разглядеть в них что-то особенное, что-то такое, чего раньше не замечал.

Наконец он поставил фотографию на место, коротким движением сбросил со стола нетронутый бокал и открыл оружейный ящик.

Негромко щелкнул замок, яркий свет упал на меня. Я замер.

Не беря меня в руки, он кончиками пальцев пробежался по мягкому бархату моего ложа, коснулся полированной древесины рукоятки, откинулся в кресле и закрыл глаза.

Казалось, он заснул, но я знал, что это не так. Шло время, черты его лица, искаженные почти до неузнаваемости постепенно смягчались, будто нестерпимая боль, терзавшая его, трансформировалась во что-то другое. Наконец, он, будто очнувшись ото сна, взял лист бумаги, быстро написал несколько слов, размашисто подписался и поставил дату.

Окаменевшее, застывшее словно маска, лицо разгладилось, он вновь взглянул на фотографию, и на миг на его лице появилась мечтательная, почти прежняя улыбка. Если бы я мог испытывать страх, эта радостная улыбка напугала бы меня больше, чем все, что я раньше видел в своей жизни.

Уверенной, спокойной рукой он поднял меня с бархатного ложа, проверил, заряжен ли барабан и положил на стол перед собой.

Я создан для того, чтобы нести смерть. Смерть моя единокровная сестра, я знаю ее лучше, чем кто-либо другой в этом мире. И я знаю, что моя сестра не приходила за людьми, о которых скорбел мой друг, что произошла чудовищная ошибка... И, что еще хуже, готовится ошибка еще более страшная.

Но я — револьвер. Я совершенный и смертоносный инструмент. Я безотказен, потому что дать осечку или промахнуться, для меня все равно, что умереть.

Он держал меня в руках, и тепло его ладоней согревало холодный металл. Я должен убивать, я для этого создан, и то, что убить я должен своего друга ничего не меняло. Я должен это сделать, но... я не мог, не мог допустить такой нелепой и страшной смерти. Не мог просто физически.

Рука его была так же тверда, как и прежде, я не ошибся в нем. Уверенным, плавным движением он поднес меня к виску и в ту же секунду спустил курок.

Ослепительная вспышка, грохот, и сразу же — темнота...

Боже, как больно! Теперь я знаю, как это — умирать. Безжалостная, яростная сила, которая до настоящего момента так верно служила мне, теперь повернулась против меня. Я боролся с ней, боролся что было сил, но чувствовал, что проигрываю. И тогда последним, отчаянным усилием я направил ее на себя...

Смерть явилась на мой зов без промедления, она вообще редко опаздывает. Скорее она приходит раньше, а то и вовсе — без приглашения.

...Сквозь подкатывающееся забытие, я еще расслышал телефонный звонок, потом сестра забрала меня к себе и укутала теплым покрывалом тишины.

В роскошном кабинете, за огромным письменным столом благородного дерева сидел суровый, преждевременно поседевший человек и изумленно разглядывал чудовищно развороченный револьвер в своей руке.

Каким-то чудом на человеке не было ни царапины, хотя стена позади оказалась сплошь посечена осколками.

Все еще не придя в себя, он машинально поднял трубку трезвонившего телефона. Первые несколько секунд его лицо не меняло своего выражения, потом вдруг исказилось, будто некая внутренняя плотина наконец не выдержала неудержимого напора чувств. Уронив трубку, он закрыл лицо руками. Искалеченный револьвер выскользнул из внезапно ослабевших пальцев, ударился о край стола и упал на пол.

Несколько долгих минут человек не отнимал судорожно прижатых ладоней от лица, плечи его беззвучно содрогались. Наконец он сжал кулаки, ударил по столу и встал, чтобы выйти из кабинета. У самого порога его рассеянный взгляд упал на мертвую грудку металла, бывшую когда-то лучшим в мире револьвером. Встав на колени, он бережно поднял обломки, уложил на мягкий бархат последнего ложа, закрыл крышку и вышел из кабинета.

ЮЛИЯ ГОФРИ

ЧАЙКИ

Чайка. Откуда она здесь? На многие километры вокруг не найти ничего, крупнее лужи! Сидит на перилах, как голубь. Крикнула разок и улетела. К морю.

Аня видела море в кино. И в книге, которую бабушка привез в подарок, когда Аня была совсем маленькой. Фотоальбом морских видов и подводных пейзажей. На одной фотографии весь берег был заполнен чайками. Они маленькой Ане долго, долго снились. До сих пор снятся иногда.

Чайка вернулась и села на перила, посмотрела на девочку строго и как-то требовательно.

— Как ты сюда попала, милая? — спросила Аня негромко.

Чайка качнула головой и шевельнула крыльями, словно пожимая плечами. Посмотрела сердито, словно обижаясь на Аню за недогадливость. Тут мама вышла на балкон, и чайка улетела. Теперь уже насовсем.

— Это, конечно, не море, — сказал Вадим, — озеро, вода пресная. Но все равно здорово, правда?

Аня молча кивнула.

Перед ней была вода. Очень много воды, до самого горизонта. И воздух тут был совсем не такой, как дома.

И чайки. Тут были чайки. Как в ее детском сне. Она — среди чаек.

— Спасибо, Вадим, — прошептала она.

Он не поймет. Он подумает, что это за оплаченный им номер в гостинице; за ужин, ждущий их вечером в ресторане. Неважно. Пусть думает, что хочет. Ане сейчас хорошо.

Рука Вадима легла Ане на талию, не торопясь скользнула ниже. Аня повернулась к нему, подставляя губы. Чайки наблюдали.

— Ань, я дома. Что по телеку? — Димка встал рядом, расстегивая рубашку.

— Не знаю. Я читаю.

— А... — растерянно. Приличному человеку неудобно удивляться, что невеста читает, а не телевизор смотрит. — А что читаешь?

— Сказки народов севера.

— Интересно?

Жила-была бедная женщина, и было у нее четверо детей. Непослушные были дети, ленивые, матери не помогали... Однажды заболела мать, просит воды. А дети убежали играть, и не несут. Вернулись дети, наигравшись, и видят: стоит мать посреди яранги, одетая. Вдруг одежда покрылась перьями. Взяла мать доску для рыбы — стала та хвостом. Наперсток стал птичьим клювом, меховые перчатки — крыльями. Вылетела мать кукушкой из яранги. Испугались дети, побежали за ней, да поздно. Бросила детей кукушка.

— Примитив, — говорит Дима.

Он раздевается, надевает треники и садится к телевизору. Аня вздыхает. Он хороший. Нетребовательный. Приятельницы завидуют. Они вместе полгода, а как будто всегда так и было, как будто так и должно быть. Домашний и родной с самых первых дней. Словно и не было бесконечных Вадимов, Олегов, Сереж и даже одного Мустафы. Аня иногда думает — может, это потому, что он ведет себя, как муж после десяти лет брака? Цветы по праздникам, дежурный, но искренний поцелуй, пришел и сел к телевизору.

Но с ним хорошо. Уютно. И тоскливые крики чаек перестали сниться по ночам.

— Ань, ты рубашки погладила?

— Погладила и в шкаф повесила.

— Куда?

— В шкаф.

— Где в шкафу?

— Господи! Он не такой уж большой, шкаф наш!

— Ну покажи мне, я на работу опаздываю!

— Mam, я хочу писать!

— Леночка, подожди минутку, мама молоко должна выключить.

— Аня, ну сколько тебя ждать?

— Mam, ну mam, я писать хочу!

— Сейчас иду, солнышко, сейчас. Вот уже...

— Ааааняаа!!!

— Уже тут. Вот же она, перед глазами у тебя! Ты ослеп, что ли?

— Не ори на меня! А носки где? Ты уже все равно здесь.

— Мааааам, я опииинисалаааась.... Аааа.... Я больше не буууудуууу!

— Ничего, Леночка, ничего, мама не сердится. Пойдем переоденемся, солнышко, потом выпьешь молоко, и папа тебя ответит в садик...

— Она что, еще не готова? Неужели так трудно собрать ребенка вовремя? Я уже опаздываю! Сама отведешь.

Хлопает дверь. Аня вздыхает, стягивая с Леночки мокрые колготки. Девочка сидит смирно и качает светлыми кудряшками.

Быстро, очень быстро одеться. В последний момент провести расческой по волосам, потом, улыбнувшись — по волосикам дочери. Иногда думаешь — если бы не эти кудряшки...

Глупости. Просто быт, ничего особенного. Никаких трагедий.

Просто сон этот дурацкий опять приснился, душу разбередил непонятной тоской....А когда-то ведь ей этот сон нравился.

— Пойдем, Леночка, мама опаздывает.

— Мам, ты мне платье погладила?

— А мои рубашки?

— Мам, где мой портфель?

— Да. Да. На стуле.

— Аня, ты почему так поздно?

— Очередь была большая в сберкассе.

— А что мы должны были ужинать без тебя?

— Я же на плите оставила борщ и котлеты, и картошку почистила.

— Так что, я, придя с работы, должен еще стоять жарить картошку?

— Сам бы тогда и оплачивал счета.

— Ну... это же ты всегда делаешь!

— Мам, а где мои джинсы новые, я их на дискотеку одеть хотела.

— Аня, ты разрешаешь ей ходить на дискотеку в такое время?

— А в какое мне еще время на дискотеку идти, в час дня, что ли?

— Не умничай. Аня, ты ее совсем распустила.

Аня слишком устала, чтобы огрызаться и спорить, объяснять про сорокаминутную очередь в холодном помещении сберкассы и почти полчаса на промозглой троллейбусной остановке. Она вдруг понимает, что не чувствует пальцев ног. Идет в ванную комнату, открывает горячую воду. Отмороженные ноги вроде надо опускать в прохладную воду, не горячую. Плевать. Она не может позволить себе простудиться.

Берет из спальни халат, книжку, которую читает уже третью неделю и все не может дочитать. Возвращается. Дверь в ванную закрыта.

— Кто там?

— Мама, не мешай, я принимаю душ!

— Лена! Я же себе наливала воду! Я замерзла очень...

— Ну мам, не могу же я немытая пойти! Ты потом примешь!

— Потом вода горячая закончится!

— Ну маааам!

Нет сил спорить.

Утром голова разламывается, все видится в дымке. Температура. Горло пересохло и саднит. Переносицу распирает.

— Ань, ты что, сдурела? Половина восьмого, я же опоздаю! Почему не разбудила?

— Дим, я заболела, — пытается сказать она, но не получается. Голоса нет. Впрочем, муж и так понимает.

— Ой, ну что ж ты так неосторожно, — сочувствует он. — Ладно уж, я сам соберусь. Позвони врачу.

Куда позвонишь, если только шепотом можешь разговаривать? А Дима уже убежал. Аня, шатаясь, идет в кухню. Аспирин. стакан воды.

— Леночка, ты соберешь брата в школу?

— Мам, я опаздываю.

— Лен, я совсем разболелась.

— Что, мам? Я не слышу, говори громче.

Приходится схватить за руку и повернуть лицом к себе.

— Простыла я! Собери Мишку в школу.

Лена недовольно высвобождается.

— А, ну ладно. Мишка!!! — вопль болью отдается в Аниных висках. — Давай одевайся!

— Ань, ну как ты там?

— Ничего, Дим, немного лучше.

— Ты смотри у меня.

— Дима, ты мне не считаешь? А то скучно, а сама не могу. Все плавает.

— Температура, наверное, высокая. Да ты спи, не мучайся, аспирин возьми и спи. А я телек пойду посмотрю.

Аня не успевает ничего сказать, муж уже в другой комнате. Он, наверное, действительно хочет, как лучше. Сон полезен.

— Сегодня тоже дома?

— Да, наверное. — Голос уже немного вернулся. — Я врачу позвоню, надо же больничный оформить... Ты иди, Дима.

— Мам, кофточку новую мне погладишь?

— Лен, я больная совсем.

Лена растеряно смотрит на мать.

— Но я же в ней пойти хотела сегодня.

— Лен, может дома посидишь один вечер? Папе нужно на работе задержаться, а Мишку покормить надо будет ужином....

— Мам, ты что! У меня же с Семеновым свидание! Я перед ним второй семестр кручусь, наконец заметил!

— Лен, постой. У меня аспирин кончился. Заскочишь в аптеку?

— Я не успеваю, — от двери.

Ничего. Ничего. Она хорошая девочка, кудрявое ее солнышко, она просто легкомысленна, она не понимает, что матери действительно плохо.

У Ани температура, у Ани плавает все в глазах, ей жарко. Действие аспирина заканчивается.

Миша!

— Миша, подойди пожалуйста, — болит горло, трудно говорить громко, чтобы он услышал за музыкой от компьютерной игры.

— Чего?

— Подойди сюда.

— Да я отсюда слышу, чего?

— В аптеку сбегаеть?

— Мам, ты что, темно уже. И холодно сегодня.
— Ладно, не надо. Сделай мне чаю, пожалуйста.
— Ага.
— Миша, я просила чаю! Хоть воды дай, если заваривать лень.
— Ага...

Злость накатывает через душный туман болезни.

Да что же это? Я же для них, все для них, каждый день, теряя себя и ничего не видя вокруг... и некому подать стакан воды, когда мне плохо? Как в грустной сказке, как в дурацком анекдоте? Зачем же тогда, зачем все это, зачем солнышко кудрявое, если оно превращается в снежную королеву?

У Ани высокая температура, она полуспит, полубредит. Откуда тут чайки?

А, вот оно что... Понятно. Оказывается, иногда здравомыслие только мешает. Но жар смывает логику, злость счищает слои рутины, остается кристальная ясность.

Аня поднимается с постели.

Одевает купальный халат и пушистые тапочки.

Идет на балкон.

Крылья появляются почти сразу.

Перья тоже.

А вот с клювом задержка, не по душе ей клеваться. Но без него птице никак.

Что-то словно толкает сзади, заставляет оглянуться. В комнате стоит Мишка, глядя на мать огромными глазами.

— До свидания, сынок.

— Мам, я, это...

Мишка выскакивает на балкон.

Сверху Аня видит, как он стоит на балконе — как был, в спортивных штанах и тапочках, и смотрит вверх огромными глазами. Простудится, успеет подумать она. Потом видит Лену у дверей дискотеки. Ты не виновата, детка. Я сама виновата. Но теперь все будет, как должно быть. Ты научишься.

Может, и ты еще станешь птицей.

А вон Димка идет домой. Как хорошо, дорогой, что тебе пришлось сегодня задержаться.

Море. Небо. Мне, наверное, быстро надоест только море и небо. Я же так люблю читать, общаться с умными людьми...

Мне надоест. Обязательно. Когда-нибудь.

Мишка растеряно смотрит вверх. На всякий случай — вниз, на асфальт под балконом. Никого.

— Она, ну, это, полетела, а там были еще птицы, и они, это, вместе. И так кричали странно.

— Кукушки? — спрашивает Дима с замирающим сердцем.

— Не, они, это, «ку-ку» не кричали. О, это, они как те птицы на море в прошлом году, как их...

— Чайки?

— Ага.

— В сказке была кукушка, — шепчет Дима. — Но ваша мама всегда любила чайк.

— Только кукушки бросают птенцов навсегда, — жалобно говорит Лена.

— Здесь же нигде нет моря, — невпопад произносит Дима.

АНДРЕЙ ШМАЛЬКО

ЧЕГО ЖЕ ТЫ ХОЧЕШЬ?

*Отзвуки Второй мировой
в современной отечественной фантастике*

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

А почему, собственно, «вместо»? Если уж эпиграф, то по всем правилам, чтобы и про фантастику было, и про войну, и не без морали.

Пожалуйста:

Особенно понравился комиссару лозунг «Бей фашистских жидов!» Комиссар даже объявил автору устную благодарность и предложил немедленно вступить в партию.

Андрей Земсков, Порядок в танковых войсках

Вот оно, значит, как... А поскольку война, согласно нашим традициям, всегда начинается с отступления, приступим, то есть отступим и мы.

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ НА ЗАРАНЕЕ ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ПОЗИЦИИ

...Посреди нашего двора стоял танк «Тигр». То, что на самом деле битую железяку без башни, пушки и гусениц зовут Panzerkampfwagen VI «Tiger I» знать я не мог (откуда?), но про «Тигра» запомнил сразу. Здесь были немцы — в нашем доме, дворе, городе. Совсем недавно, даже танк не слишком проржавел. Потом «Тигр» исчез, но двигатель почему-то остался и лежал еще лет пять, пока не обратился в труху.

В детском саду, бывшей господской загородной даче, реквизированной «именем революции», из земли торчали пеньки. Воспитательница, старушка из гимназисток, объяснила: здесь росли ели, очень красивые, особые, «голубые». Их спилили немцы. Жалко...

...Для желающих хихикнуть. В те годы «голубые ели» означало именно «голубые ели». Это сейчас, в наступившем Счастливом Будущем, каждый третий... А тогда на каждом третьем доме чернели четкие граффити: «Проверено. Мин нет». И это означало именно «мин нет», а не что-то иное. На самом деле мины были, и снаряды, и бомбы, только копни. Мой дядя ходил без двух пальцев — доигрался в детстве, а мы, малолетние недоумки, доставали из земли цинки с немецкими винтовочными патронами. Один из таких патрончиков я до сих пор показываю студентам.

Шестилетки в детском саду спорили, давно ли была война. Получалось, что не слишком, если не год-два, то лет пять назад — точно. На самом деле

прошло уже почти два десятилетия, но слишком свежо все было, слишком рядом. В нашем дворе жил «полицай», которого все дружно ненавидели, поскольку «полицай» — это плохо. Потом оказалось, что «полицай» на самом деле — бывший майор внутренних войск. Но мы его все равно не полюбили.

Ветераны казались нам очень старыми, ведь им было по сорок, сорок пять, а некоторым и больше. Собирались часто, в том числе у нас дома — дедовы друзья, шумели, смеялись, пили водку за 2,90. Сталина никто не славил, его и не вспоминали, и уж тем более не вели дискуссии. Сталинисты стинули — старые попрятались, новые еще не родились. Кстати, самого Сталина было полным полно, несмотря на то, что памятники уже успели снять: и на медалях, и в детских книжках, которые никто не изымал из библиотек, и в книжках для тех, кто постарше. А вот фотографии на ветровое стекло никто не вешал, это уже потом, на брежневском излете...

В День Победы не ходили на кладбище. Да и Дня Победы не было, обычный рабочий майский денек. По радио скажут, по телевизору «КВН» поздравят, вот и весь праздник. Зато 20-летие Победы впервые отметили как должно, до сих пор помню. Еще бы! В городе был салют, настоящий, из пушек. А деду медаль дали с изображением Солдата из Трептов-парка. Я очень гордился.

Развалины разобрали еще не все. И не все могилы на кладбище затоптали. Сколько их было тогда, военных могил, целые аллеи! Уже через десять лет пропало все.

Что еще? А еще самым страшным бранным словом у нас было «фашист». В те годы малолетки не матерились, не принято было. А вот «фашист»... Не дай бог в горячке выпалить!..

А теперь для очень многих ругательным словом стало «антифашист».

Все, кажется, отступать некуда.

1

О грядущей Второй мировой фантасты стали писать загодя, лет за двадцать. Почти никто не угадал — не только детали, но даже общий ее ход. О войне же настоящей, реальной, начали сочинять практически сразу. Чем же была для фантастов тех лет Вторая мировая?

Как и следовало ожидать, прежде всего — фоном, знаком времени. С войны возвращаются герои Ефремова, чтобы искать динозавров, ее последствия лечат с помощью тополя быстрорастущего персонажи Немцова. На самой войне тоже есть место фантастике. Классический сюжет: военный инженер капитан Петров (гауптман Шульц) изобретает нечто очень нужное для фронта (следует подробное описание агрегата), но мерзкий шпион фон Штампс (отважный разведчик Богатырев) уже торит путь к столь полезному изобретению... Знакомая и опробованная схема, разве что «ихний» агрегат столь же отвратителен и опасен, как

и сам Третий Рейх. В качестве типичного примера можно вспомнить роман Александра Насибова «Безумцы». Изобретение, позволяющее диверсантам очень долго находиться под водой, порождает не просто опасных врагов, а персонажей Джорджа Ромера. Сравните экранизацию романа (фильм «Эксперимент доктора Абста») и «Ночь живых мертвецов». Естественно, будь изобретение «нашим», акценты расставлялись бы совсем иначе.

Саму же войну никто из авторов не пытался изменить или отменить. Причин тому много, но главной была не цензура и не отсутствие традиций «прогрессорства» в нашей литературе, а невозможность отстраниться от того, что являлось частью жизни — днем вчерашним, но все еще длящимся.

Зато именно тогда фантастика представляла собой истинный рай для «железячников». Изобретение следовало описать, да еще чертёжик приложить для пущей достоверности. И психологизма никто не требовал.

Возможен был также «облегченный» вариант. Изобретение, оно же научная тайна, присутствовало, но было лишь условностью, допуском, позволяющим закрутить лихой сюжет. Вспомним замечательную повесть русскоязычного чеха Александра Ломма «Ночной орел». Не так и важно, благодаря чему обреченный на гибель советский десантник научился летать. Главное, что из этого получилось.

А попаданцы как же? Какая военная фантастика без них, родимых? Встречались, понятно, но несколько иные, чем в наши дни. Прежде всего, их было немного: мало кто из переживших хотел бы вернуться «туда». Это сейчас, когда Курская битва для наших выюношей стоит где-то рядом с Куликовской, совершить мысленный «прыжок» ничего не стоит, р-р-раз — и там. Для тех же, кто оставил позади смерть, могилы друзей, гарь сожженных домов, даже на бумаге такое почти невозможно. Но иногда все-таки выбирались.

Приведу два примера. Сергей Абрамов «В лесу прифронтовом». Начало прямо как из современного опуса, выловленного в омуты Самиздата. Воинское подразделение при оружии и транспорте через непонятный «провал» попадает в иное время и принимается всех крушить. Проблема в том, что «попаданцы»-то из Вермахта, а крушат они нашу колхозную глубинку времен Юрия Гагарина. Все кончилось хорошо, супостатов уконтропупили, только не совсем понятно, зачем сие написано. Впрочем, причину указал сам автор: нынешняя (образца 1960-х) молодежь в случае необходимости покажет себя не хуже, чем их родители. Но если так, выходит, сомнения все-таки существовали?

Сам же рассказ не слишком удачен: и завязка откровенно надумана, и приключения не вызывают особого доверия. Будь ты даже из отряда космонавтов, много ли навоюешь без оружия? Это в наши дни выросло поколение спецназовцев по переписке.

Второй пример куда интереснее. Автор тот же, вернее, почти тот же: Александр и Сергей Абрамовы «Хождение за три мира», глава «День в прошлом». И опять нечто знакомое до боли: был герой здесь, в нашем мирном Сегодня, р-р-р-раз! — и аккурат в осень 1942-го. Правда, на этот раз все замотивировано серьезно: изобретение, технологии из будущего, научный эксперимент. Итак, классический попаданец, причем без гранатомета, зато под конвоем. Не просто пленный, а еще и на пути в гестапо. Современные авторы, ну! Как героя выручим? Каратэ и ниндзюцу отпадают — герой попал в свое собственное тело из 1942-го, изрядно исхудавшее и ослабевшее на лагерной брюкве. И времени мало, сейчас парни папаши Миллера в оборот возьмут...

Как герой выкрутился, желающие могут прочесть сами во всех подробностях. Если коротко: удачно применил «послезнание» о близком Будущем. Можно сказать, классика, способ, который еще Янки из Коннектикута использовал. Но применил успешно, даже гранатомет не понадобился. Читается же эта история куда лучше, чем нынешние опусы про наших «там». Вернись — хотя бы потому, что храбрый экспериментатор сам родом «оттуда», он прошел войну, немцами в фельдграу его не удивнись и не напугаешь. Он знает, что наши победят, немчура же для него — не более чем злобные зомби из фильма Ромеро. Они *уже мертвецы*, пусть и очень опасные. Вот нынешнему офисному хомячку на его месте пришлось бы туго, даже если его с «абаканом» под мышкой заслать. Не тот жизненный опыт, и порода не та.

Как видим, истоки современной попаданщины налицо, только Историю пока никто не меняет. Разве что по мелочам, чуть-чуть. Помянутый ветеран и сам бежал, и спутникам побег устроил. Глядишь, меньше похоронок домой пришло, пусть всего на одну-две. На нечто более масштабное те, кто прошли войну, не замахивались.

Эти примеры почти исчерпывающи. Да, порой были и другие варианты. Помню рассказец (автора из принципа называть не стану), про шукарей из Будущего, вытянувших на несколько часов в свое «прекрасное далеко» смертника, ожидающего казни в немецкой тюрьме. Кофием напоили, вручили орден (тот, что посмертно), и обратно к нацистам отправили — помирать. Чтобы, значит, Историю не слишком тревожить. Я бы этих умников в той камере бы и оставил. Раз уж такие принципиальные, так хлебните из чаши, какую человеку преподносите. А еще один попаданец из далекого Послезавтра явился в оккупированный гансами Крым с лучементом наперевес. И тут такое началось!

Как видим, вывихи у авторов и тогда случались, пусть и редко.

Была еще «Попытка к бегству» братьев Струацких. Но там война — не более, чем символ Ада. Заменить ее, скажем, на колымские лагеря (как авторы вначале и планировали), много ли изменится?

Такая вот она, Война в старой Фантастике. В целом, и бедновато, и мало. Причины тому могут быть разные, но одна очевидна. Сейчас для

большинства Вторая мировая — интересная страница Минувшего. Тогда же значительная часть потенциальных читателей, и тем более писателей, воспринимали войну, как еще не ушедшую реальность, которую не слишком хочется вспоминать, а уж тем более использовать ее, как творческий «полигон». В качестве аналогии вспомним жанр военной комедии, который у нас так и не прижился. Слишком много стоила тому поколению Вторая мировая.

Вместе с тем, в тогдашней фантастике, как и во всем обществе, никто не сомневался в том, что:

1. Мы победили.

2. Наше дело было правым, а вражье наоборот, причем «фашизм» (национал-социализм предпочитали не поминать) — это абсолютное зло.

3. Наши друзья во время войны — это наши союзники по коалиции (при всех их недостатках), и vice versa.

4. Полиции и прочие власовцы — предатели и негодяи по определению.

Даже в самой смелой фантастике никто и не пытался пересмотреть и тем более изменить одну из этих констант — ни с помощью попаданцев, ни конструируя альтернативные «сценарии». Вопросы же «большой» политики, в том числе пресловутый «культ личности», в произведениях фантастики почти не отражались. И дело опять-таки не столько в «цензуре», сколько в самом восприятии военного Прошлого. И военное и послевоенное поколение смотрели на Войну, как победители. Одолели супостата — и ура! О чем еще размышлять, в чем сомневаться?

С нашей точки зрения, такой подход может показаться излишне упрощенным, как и тогдашняя «военная» фантастика. Остается уточнить, какова она, наша точка зрения.

2

В покойном СССР достать хорошую книгу, в том числе и по истории Второй мировой, было мудрено. Зато теперь, в нашей Пост-Советии!..

Вот, скажем, прилавок с книжками «про войну», весь заполнен, места свободного не осталось. Слева — про СС, каждой дивизии — по книжке. Чуть дальше «мурзилки» рядами — про танки немецкие, про немецкие же самолеты, про эсминцы с подлодками. Вот мемуары: «Я был в Сталинграде», «Я воевал у Роммеля», «Я стирала носки Гитлеру»...

Справа же про нас, про победителей. Вот вам «Правда Виктора Суворова», вот его же «Неправда...», каждая в десяти выпусках. Вот «Нам не в чем каяться», а вот «Нам есть в чем...». Но это лишь подножие Эвереста по имени СТАЛИН. «Полководец Сталин», «Стратег Сталин», «Зачем Сталин начал войну», «Зачем Сталин не начал войну». Рядом с Эверестом — Монблан с простой русской фамилией Власов. «Анатомия предательства», «Апология предательства»...

Совсем сбоку — про янкесов с томми и прочих камикадзе. Плюрализм — так плюрализм.

Я чего-то упустил? Упустил я невеликую толику толковых книг, что исследований, что мемуаров. Не по злобе, а потому что не сразу заметил. Искать их приходится — между Гитлером и Сталином.

Вот от этого плюралистического многоцветия и танцуют авторы ненышней «военной» фантастики. Отсюда и все фигуры Марлезонского балета.

Если же чуть серьезнее...

До середины 1990-х отечественная фантастика была, как Сатурн в старой книжке про шпионов — почти не видимой. Одной из первых книг-ласточек, широкой взмахнувших страницами, стала эпопея Василия Звягинцева «Одиссей покидает Итаку». «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин»... Отправляя своих героев напрямик в 1941-й, Звягинцев застолбил магистральное направление, по которому двинулись десятки его последователей, желавших «перенервать» несчастливое начало войны. Однако у Звягинцева новой была форма, но не содержание. «Смысловое ядро» оставалось традиционным, в либеральном духе конца 1950-х. Злобный Сталин, страшный Берия, безвинно пострадавшие генералы, тупые энкведисты... Такой книге следовало выйти в 1960-е, в крайнем случае на десять лет позже, теперь же ретро в духе XX съезда с трудом воспринималось всерьез. Кстати, именно Василий Звягинцев первым подарил товарищу Сталину гранатомет. Ну, железяка, это ладно, автор, замахнулся на нечто более серьезное. Немцев ему разбить показалось недостаточно, захотелось еще и перестроить страшный сталинский режим. Смысл же перестройки, если отбросить эмоции, состоял в максимальном ослаблении верховной власти СССР. И это в самый разгар войны! Ох, либералы, либералы!...

Направление, указанное Звягинцевым, действительно оказалось магистральным, но последователи наплisь не сразу. Сама же «военная» фантастика именно в это время двигалась весьма странным зигзагом, что вполне отражало великое смятение умов, охватившее постсоветское общество. Чуть ли не в первую очередь это коснулось взглядов на Вторую мировую. Сказать, что в обществе проснулся коллективный Власов, было бы натяжкой, но... Вы не забыли груды книг про СС и Вермахт?

Жгучий, иначе не скажешь, интерес к поверженному врагу в середине 1990-х быстро перешагнул границы разума. После того, как ушел из-под ног СССР, заколебались и привычные константы. Мы победили? Почему же так плохо и страшно живем в отличие от тех же немцев? Фашизм — абсолютное зло? Тогда отчего так ругают сталинский режим, ставя его наравне с гитлеровским? Союзники — наши друзья? Разве послевоенные годы не доказали обратное? Власовцы — предатели? Но если сталинизм не лучше нацизма, не правильное ли искать третий путь?

На эти невеселые вопросы каждый отвечал по-своему. Наиболее простой ответ, ответ слабого и подлого человека, сводится к старому анекдоту: «... Пили бы баварское пиво». Зачем было вообще побеждать? Замирились бы с немцем на Волге, глядишь бы, в Полдень XXII века попали. Сибирь

бы нам гансы оставили, там бы и строить Светлое будущее. А Рейх все равно развалится, если уж Союз не уцелеет...

Появились даже идеологи. Не хотелось бы в очередной раз поминать Переслегина с его «моделями», «кодами» и планами взятия Москвы, но куда денешься? Как и образцовый по качеству и размаху «макет» такого варианта истории, выстроенный в произведениях Андрея Лазарчука.

Позиция почти непробиваемая — как и у каждого сренестатистического полиция. Аргумент: не баварское бы ты пил, а пеплом поле удобрял, не действует, ибо полицией твердо надеется именно на пиво, а не на печь. К тому же наше время предоставляло новые аргументы. То, что «Сталин плохой», и тогда поминали, но появился довод куда более весомый. Если все пойдет, как в реальной истории, то победим вовсе не мы, а проклятые американцы, а вместе с ними «тайное мировое правительство», «масонерия», «всемирный Израиль», «фашистские жида» и далее по списку. Лучше уж до Урала все отдать, глядишь, вернем когда-нибудь. Главное, «пиндосам» и прочим врагам не обломится.

Попытки возразить и объяснить встречали дружный ответный вой. Вся ситуация сильно напоминала октябрь 1941-го, когда многие уверелись, что Союзу так капут. А раз так, почему бы не порассуждать о баварском пиве и Русской державе за Уралом?

Неудивительно, что все попытки разубедить поколение «новых полицей» оказались безнадежны — таких следует убеждать не словами. Те, что в октября 1941-го рассуждали о баварском пиве, года через два дружно прониклись советским патриотизмом и, посрывав полицейские повязки, резво побежали в лес, к партизанам. И на этот раз ситуация изменилась достаточно быстро. Уже в начале нового века на большей части бывшего СССР был взят официальный курс на создание государственного культа Победы.

Полиция принялись срывать повязки...

3

Критикуя, как мне кажется за дело, Переслегина и тем более Андрея Лазарчука, я прекрасно отдаю себе отчет, что они обладают и талантом, и тем, что называется творческой индивидуальностью. Но вот потный легион их последователей, кинувшихся, окучивать тему...

Анализировать «это» — невеликая радость, особенно пересказывать похожие, словно замерзшие трупы на сталинградском снегу, опусы про попаданцев. Посему спрячусь за цитату, неплохо обобщающую данное направление.

«Попаданцы в довоенный период дружными толпами бегут к Товарищу Сталину, несут ему планы и чертежи, образцы оружия, разоблачения врагов и геополитические прогнозы. Они обязательно умиляются эффективным менеджером Берией и жестоко примучивают Хрущева. Промышленность и наука совершают бешеный скачок. Сталин прозревает, реабилитирует ученых, вводит элементы хозрасчета в народном

хозяйстве и борется с крайними проявлениями культа личности. В результате советская страна входит в июнь 41-го обновленной. Гитлера ожидает жестокий сюрприз.

Попаданцам в начало войны уже некогда прогрессировать, они сразу проваливаются со своими танками и самолетами, автоматами и бомбами, пейнтбольными пукалками и каратистскими приемами. Этот вариант отличается максимальной задействованностью попаданца непосредственно в ведении боевых действий. Штучные попаданцы непременно создают партизанский или разведывательно-диверсионный отряд, водят фрицев за нос, как детей, крадут немецких генералов и секретные карты пачками, выходят целыми из любого окружения... Они также регулярно ходят на прием к Товарищу Сталину, дают ему ценные геополитические советы и получают награды... В случае же массового переноса, для целого воинского подразделения все отличается только масштабами, и фрицев ждет неминуемый и скорый разгром. Собственную линию воинское соединение гнуть не пытается, дружно поддерживая Любимого Вождя» (Alexfi — <http://community.livejournal.com/alterhistory>).

Попаданцы с засланцами, несмотря на их явное преобладание, не единственный вариант. Имеется и «чистая» альтернативная история с разными точками, извиняюсь за выражение, бифуркации. А вот иные варианты достаточно редки. Практически сгинули гениальные изобретатели (их заменили все те же попаданцы с гранатометом под мышкой). Встречаются искатели магических «артефактов», борцы с Аненнербе и прочие шамбалисты, но по сравнению с предыдущим десятилетием их ряды заметно поредели. Порой авторы работают на стыке направлений, соединяя «военную» фантастику с мистикой и даже фэнтези. Но это все маргиналии, вернемся в «мейнстрим».

И в книгах про попаданцев, и в альтернативках авторы меняют Историю. Как — в принципе, ясно, но вот зачем? Если Историю меняют, значит, она кого-то крупно не устраивает? А если меняют историю выигранной войны, то поневоле крепко задумаешься.

Действительно, зачем?

Ответ самый простой: война, как ни крути, была выиграна большой кровью, и результаты ее оказались скромнее, чем хотелось (и до сих пор хочется) многим. Хорошо бы это изменить, в лучшую, понятно, сторону.

Самым ярким примером такого решения может служить одна из книг цикла Федора Березина «Красные звезды». РККА, действуя малой кровью и на чужой земле, в конце концов оказывается на подступах к Австралии. Читается лихо, однако следует помнить, что книга Березина откровенно сатирична, автор явно не воспринимает этот «великий поход» всерьез. Увы, иные, вроде незабвенного Герантиди, пишут о таком без тени иронии. Подобные опусы напоминают не столько подражание давно забытому Шпанову, сколько фанфики по произведениям столь проклинаемого многими Виктора Суворова. Вот если бы Сталин начал первым...

Некоторые варианты еще более «альтернативны». Россия, начавшая войну, оказывается «белой», либо она война ведется в союзе с Рейхом. Это

еще что! У нашего западного коллеги Тертлдава участникам Второй мировой довелось воевать с марсианами...

Всерьез обсуждать эти Илиады не имеет смысла, тем паче написаны они, мягко говоря, без особого художественного изыска. Однако уже в этих простеньких опусах проскользывает нечто любопытное. Немцев-перцев-колбасу рубят и режут с легкостью необыкновенной, даже не останавливаясь, и... И победоносная РККА наконец-то находит себе Главного Врага — западные демократии. Вот и их-то, по мнению авторов, должно уничтожать со всей серьезностью. И, конечно же, средоточие зла — не Франция, и даже не столь нелюбимая многими Великобритания, а сам Большой Сатана — Соединенные Штаты Америки.

Произошла подмена основного врага. Германия и ее союзники в качестве таковых уже не рассматриваются, их заменили те, кто в реальной войне являлись нашими союзниками. Почему? Да потому что авторы, переигрывая Вторую мировую, на самом деле стремятся изменить итог совсем иной войны — Холодной. Давний страшный враг таковым уже не кажется, он замещен теми, кто ближе и опаснее. Именно над ними следует брать реванш.

Интересно, что именно в этом ключе написана не только немалая груда макулатуры, но и чуть ли не лучшая «альтернативная» книга последних лет — «Вариант “Бис”» Анисимова. Автор с огромным удовольствием бьет, топит и сжигает мерзких англо-американцев. Но книга не была бы лучшей, если бы автор вовремя не остановился. Итог для реваншиста печален: с англосаксами воевнули, крови им попортили, но Европу все равно пришлось делить, а в 1991-м Союз распался со всеми известными последствиями. Реванша не получилось.

4

Не все стремятся дойти до пустынь Австралии и африканских саванн. Ничуть не меньше авторов ставят перед собою менее масштабную, но, пожалуй, более серьезную задачу. Речь идет о «варианте Звягинцева» — попытке изменить катастрофическое для Красной армии начало войны, «переиграть» 1941 год. Легко было первопроходцу! Раздал Василий Дмитриевич гранатометы личному составу, Берию придушил, Рычагова из узилища выпустил — и дело сделано.

Многие нынешние авторы решают задачу еще проще. Если Звягинцев хотя бы ставил вопрос о политическом строе и задумывался о «человеческом факторе», то его последователи решают проблему исключительно двумя способами. Первый — это наращивание «железа», использование современных технологий вплоть до ядерного оружия. Второй: форсирование методов силовых, от обязательного истребления Хрущева до создания всяческих «спецназов». Сами попаданцы постоянно с немалым удовольствием вершат личное правосудие, истребляя

не только захватчиков, но и всяческих «врагов народа», причем своею собственной рукой.

Интересно наблюдать, как меняется состав помянутых «врагов». Кроме предателей и «плохих» бюрократов, истребляемых с целью улучшения управляемости, прогрессорская пуля находит «либералов», западных украинцев, эстонцев, а в последнее время — грузинов. Вновь перед нами типичный «перенос», время «то», «враги» же вполне современные. В каждой второй книге анафеме предаются «демократия», «права человека», «правозащитники» и, само собой, их заокеанские покровители.

Насчет грузинов товарищ Сталин явно бы не одобрил, а вот все остальное — это «чисто» сталинские методы. Техники — побольше, врагов — поменьше. Именно в данном направлении Отец Народов и действовал, готовясь к войне. 1941 год показал, что этого явно недостаточно. Сталин выводы сделал, а вот нынешние авторы продолжают рассуждать в «довоенном» духе. Еще больше «железа», еще страшнее террор...

Поможет ли? Неужели кто-то до сих пор верит, что катастрофа 1941-го произошла из-за нехватки качественного «железа» и уж тем более из-за мягкости режима? Можно передать Сталину чертежи лучшего истребителя, но что делать, если в стране не хватает алюминия и высокооктанового бензина? В реальной истории нас здорово выручили столь нелюбимые нынешним поколением «пиндосы». А если в альтернативном 1941-м мы еще и с ними поссоримся? Сталин союзниками не разбрасывался.

Некоторые авторы, понимая, что «железо» все не решит, пытаются через своих героев не только насытить фронт гранатами, но и «улучшить» государственный и общественный строй СССР. Не слишком радикально, в духе Звягинцева, введя нечто вроде «мягкого» коммунизма бухаринского образца. Делать это приходится исключительно через все того же товарища Сталина, открыв ему глаза на не слишком отрадное Будущее. Однако следует помнить, что в реальной истории этот деятель был мало склонен к либерализму. Да, угроза предстоящей гибели СССР, пусть и через полвека, заставила бы Отца Народов действовать, но едва ли его методы понравились бы даже самым агрессивным попаданцам.

Однако есть вещи еще более серьезные. Почему-то никто из пишущих не задумался: а не станет ли хуже от нашего вмешательства? Еще хуже. В 1941-м все висело на волоске. О толщине этого «волоска» можно долго спорить, но очевидно, что в худшую сторону изменить ситуацию было не так сложно. Любое серьезное вмешательство неизбежно «распатает» Историю, и... И — что?

Лучшее, из написанного о «наших в 1941-м», — это, без сомнения, роман Буркатовского «Завтра была война». Автор счастливо избежал большинства штампов. Его герой — не десантник-афганец, с ним нет контейнера с образцами оружия, да и не стремится он спасти мир. Однако факт

«попаданства» меняет Историю, и в результате немецкие войска входят в Москву. Да, автор не позволил Рейху победить, но лучше ли стало?

Позволю себе один допуск, вполне в духе того, что сейчас пишется. Тогда, в первые месяцы 1941-го, очень многое действительно держалось на Сталине. И тут — попаданец со своими «байками из склепа». Сталин — тоже человек, причем немолодой и не слишком здоровый. Послушал, поверил, закручинился — и схлопотал инсульт. А немцы как раз Минск взяли.

Что дальше?

Именно об этом почему-то мало кто задумывается — об опасности воздействия на Время. Всерьез об этом написал разве что Олег Курылев, но его очень хорошие книги, к сожалению, прошли малозамеченными.

А теперь — **выводы**. Значительная часть нынешней «военной» фантастики, посвященной Второй мировой, по воле авторов, или против всякого их желания, но ставит под сомнение почти все составляющие прежнего, советского взгляда на Войну.

1. Мы победили? Если победили, зачем нужен такой десант попаданцев и засланцев? Зачем искать альтернативы? Выходит, если и победили, то как-то не так.

2. «Фашизм» — абсолютное зло? Нет, западные демократии куда хуже, они — истинный враг. И бывшие «братья» по Союзу, эстонцы с «хахлами» хуже, и всякие демократы с правозащитниками. Значит, не с теми воевали? Так было ли наше дело правым?

3. Наши друзья во время войны — союзники по антигитлеровской коалиции? Нет, это и есть самые опасные враги. Значит, хоть с чертом, хоть с Вермахтом, но против «Запада».

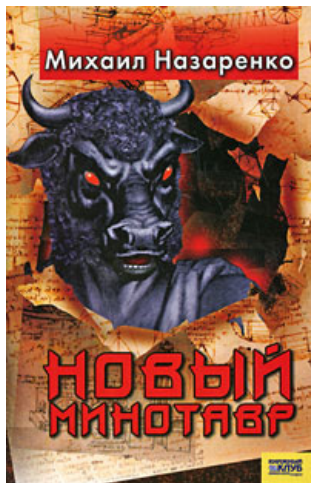
4. Власов и полицаи — предатели? Только в этом пункте мнение не сильно изменилось, но только внешне. Если судить по обилию литературы про Остлегiónы и «Локотские республики», мы еще увидим «Иное небо».

Таковы итоги. А вот окончательный вывод даже делать не хочется. Скажу лишь, что деды и прадеды тех, кто сейчас пытается, пусть и виртуально, играть с историей Второй мировой, такого отношения не заслужили. Они воевали с самым опасным врагом, который только приходил на нашу землю, и победили. Остается спросить у нынешнего «продвинутого» автора:

— ЧЕГО ЖЕ **ТЫ** ХОЧЕШЬ?

ККК72

ОТ ДЕДАЛА ДО КОЛУМБА

Михаил Назаренко. **Новый Минотавр.** — Харьков: Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2007. — 240 с.

Недавно по совершенно смешной цене я стал обладателем редкой книги — сборника рассказов Михаила Назаренко, в котором собраны почти все его художественные произведения. Автор более известен в качестве филолога и литературного критика, а вот его фантастика — библиографическая редкость. А ведь Назаренко — очень интересный и необычный автор, и его творчество заслуживает гораздо более пристального внимания. Впрочем, уважаемые любители бластеров, звездолетов и лазерных мечей, вам совершенно не стоит бежать в магазин в поисках книг автора. Всего этого в них вы не найдете. Филологическое образование Назаренко находит отражение и в его творчестве. Альтернативная история, литература и даже мифология — вот конек Михаила. Автор берет известные сюжеты и переосмысливает их с самой неожиданной стороны, порой смело миксуя их с не менее известными. На страницах этого сборника вы встретитесь с историями жизни Дедала, Овидия, Колумба, Фонвизина, и каждая из них вас удивит. И даже из небольшого стихотворения Гумилева автор ухитрился создать вполне симпатичный рассказ. Отличительная сторона произведений Назаренко — довольно высокие требования к гуманитарной подготовке читателя. Не могу не отметить и весьма необычный, рваный авторский стиль, который мне весьма напомнил творчество Шимуна Врочека. По крайней мере, в процессе чтения остается постоянное ощущение недосказанности и читателю приходится потрудиться, чтобы поймать все намеки автора и додумать отдельные эпизоды.

Несколько слов об отдельных произведениях.

Новый Минотавр. Сложное произведение. Автор переосмысливает всем известный сюжет, заставляя его блистать новыми гранями. Эта история наполнена яркими, необычными образами, с одной стороны, и сложными,

неоднозначными вопросами — с другой. Из наиболее впечатлившего меня в этой истории: трагедия Дедала, которого зависть толкнула на преступление, и это навсегда оставило отпечаток на его судьбе; потрясающий образ Быка — символ тоталитаризма во всей его ужасающей красе; непростые отношения Икара и Ариадны; в конце концов, сам Город — удивительный и пугающий одновременно. Как всегда, у автора стоит отметить отрывочную манеру повествования и множество отсылок не только к мифам, но и известным литературным сюжетам.

Носатый и фавн. Довольно необычный рассказ, написанный в равной, весьма специфической манере. Тема, поднятая автором, воистину вечна. Перед нами Древний Рим времен правления императора Августа. Большинство людей живут своей обычной жизнью, занимаются повседневными делами, развлекаются, как могут, и не замечают, не понимают того, что происходит вокруг них, в том мире, который скрыт от глаз обычного обывателя. А происходят в нем страшные, глобальные события. Старый бог Пан умирает, рушатся прежние ценности, казавшиеся незыблемыми, уходит в прошлое целая эпоха. Мечется в поисках спасения маленький волшебный народец: нимфы, фавны, сатиры. И только поэт Овидий своим зорким глазом способен увидеть происходящее, осознать его значение, и разглядеть восходящую на востоке зарю нового мира — Вифлеемскую звезду. Ну, а помимо столь важных и серьезных событий автор мастерски показал дружбу совершенно разных существ: знаменитого поэта и проказливого фавна. В итоге получился интересный, необычный, мудрый рассказ.

Явись же в наготу моим очам. Очень необычный рассказ, в котором автор попытался совершенно по-новому подойти к истории открытия Америки Колумбом. Сколько я уже читал разных альтернативных, фантастических версий жизни и подвига Колумба, но вот эротическая история на эту тему — весьма нетривиальный ход.

Должен признаться, я с осторожностью отношусь к эротическим произведениям. В большинстве своем они откровенно фальшивы, как фальшивая продажная любовь. В тех же случаях, когда описывается действительно искренне чувство, я частенько испытываю неловкость, словно застал любовников в самый неподходящий момент.

Однако такое мощное описание любви, как в этом рассказе, такое сильное и искреннее чувство, способное не то, что своротить горы, воплотить в жизнь целый континент, такая могучая страсть и такой необычный объект желания — все это производит впечатление. Видно, что в этот странный текст автор вложил всю свою душу, что рассказ написан с той же любовью и страстью, с которой Колумб стремился к своей цели. Принять авторскую трактовку событий непросто, с точки зрения логики она выглядит просто абсурдно, но, видимо, когда говорят настоящие чувства, логику лучше оставить в покое.

Недоросль Аленин. В основу этой повести положена история о

написании пьесы Фонвизина «Недоросль». Неспешно и обстоятельно Михаил Назаренко рассказывает нам о быте российских помещиков XVIII века. Идиллическая, пасторальная картинка деревенского быта живо напомнила мне фильм «Формула любви». Сюжет развивается очень неспешно, что вполне объясняется особенностями выбранной темы и определенной стилизацией под старинную манеру написания, хотя порой все же наводит тоску на читателя. Хорошо, с обилием мелких деталей показаны характеры главных героев. Пожалуй, только сам фон Визен остается загадкой. История взросления Алексея Аленина оказывается довольно немудрящей, но написана она с душой и со знанием дела. В тексте удачно использованы фрагменты из оригинальных дневников, писем, книг восемнадцатого века. На этом фоне почти незаметно, что на самом деле Назаренко описывает альтернативную историю России, в некоторых аспектах весьма отличающуюся от настоящей. Ну и, конечно, неутомонный филолог не мог не вплести в текст пару аллюзий на другие произведения. Особенно мне понравилась вставка с «Портретом Дориана Грея». Отдельный респект автору за последнюю фразу повести.

Самая шокирующая история — «Явись же в наготу моим очам», самая идиллическая — «Недоросль Аленин», а самая лучшая, на мой взгляд, «Носатый и фавн».

В. ГОРЕЦ

ВОДА И КАМЕНЬ

Яна Дубинянская.

Глобальное потепление. —

ПрозайК, 2009. — 320 с.

Роман Яны Дубинянской «Глобальное потепление» вышел еще в прошлом году, но до украинских читателей почему-то так до сих пор и не добрался. Мне, однако, посчастливилось попасть в число тех немногих жителей Украины, кому удалось его прочитать. Как и целый ряд рецензий и отзывов на роман, опубликованных в российской печати.

Рецензенты, естественно, прежде всего, ухватились за бросающееся в глаза сходство описанных в «Глобальном потеплении» стран с Россией и Украиной, а многих персонажей — с известными персонами. Поэтому, пре-

жде всего, нужно, по-видимому, попытаться ответить на главные вопросы, которыми задаются читатели. Правда ли, что 1) «эта страна» — Россия?; 2) «наша страна» — Украина?; 3) Дмитрий Ливанов — Дмитрий Быков? И так по каждому персонажу, а их достаточно много, и все явно на кого-то похожи.

Правильней всего было бы выяснить все это у автора, но поскольку Яна отличается редким умением отвечать уклончиво и ни в чем не сознаваться, а проницательных немцев из фильма «О чем говорят мужчины» у меня в распоряжении нет, придется думать и выдвигать свои гипотезы.

Итак, правда или нет? Да, страны и персонажи похожи и легко узнаваемы. Это вполне могли бы быть Россия, Украина, Быков и т. д. Но при попытке наложения на реальные объекты оказывается, что количество несовпадающих мелких деталей слишком велико, чтобы говорить о тождественности. И я думаю, что это хорошо, поскольку в противном случае роман приобретает чрезмерно злободневную политико-идеологическую окраску, что для художественного произведения отнюдь не полезно. Поэтому на идейно-политическом значении романа я останавливаться не стану. Думаю, о них еще напишут люди, похожие на политически

грамотных рецензентов. Упомяну лишь идею узаконенного многожества, которая вполне могла бы прийтись по вкусу не только женщинам, похожим на украинских, но и реальным украинским молодым. Слава богу, демографическое обоснование ее внедрения даже для нашего сегодняшнего уровня сюрреалистичности жизни слишком сильно притянута за уши.

Перейдем к географическим и климатическим реалиям описанного мира. При чтении романа меня не покидало чувство, что здесь что-то не так. Хотя бы с уровнем моря и реальной возможностью создания нательных кондиционеров. Да и газ нужен, вообще-то, не только для отопления, но и для производства необходимых при выращивании бананов удобрений. Но выяснить высоту Дюка над уровнем моря мне не удалось, а вычислять, как на самом деле протекала бы жизнь людей при указанных условиях, было лень, да и некогда. Подозреваю, что автор тоже не слишком сушила голову над адекватной физической моделью, поскольку физическая достоверность в «Глобальном потеплении» отнюдь не главное.

Вот с достоверностью психологической у Дубинянской, как обычно, все в порядке. Главные герои получились живыми и объемными, со своими уникальными «тараканами», да и второстепенным персонажам досталось хотя бы по паре-тройке характерных черточек.

О чем же, собственно, роман, если глобальное потепление, как таковое, выступает всего лишь в роли театрального задника, на фоне которого разворачиваются события? Подозреваю, что, как и предыдущий роман, «H2O», о свободе. На этот раз о противостоянии свободы и системы. Или даже Хаоса и Порядка, поскольку свобода, в понимании главной героини, это скорее воля — свобода на грани анархии. Причем периодически эту грань преступающая. «Наша страна» как раз и выступает воплощением такой свободы — все в ней происходит само по себе, ни одна структура не живет долго, а заметная часть мужского населения уходит из городов в лагерь дайверов, промысляющих на «культурном шельфе». Кстати, никто из искателей аналогий не обратил почему-то внимания, что дайверская община чертовски напоминает Запорожскую Сечь. И нравами, и историей возникновения. Только вместо Дикого Поля — культурное море.

Главная героиня, тележурналистка Юлька Чопик, как истинная дочь своей страны, тоже больше всего ценит свободу. Правда, иногда это принимает анекдотические формы. Даже назревающий роман с главным героем писателем Дмитрием Ливановым постоянно откладывается не из моральных соображений (какие могут быть особые моральные соображения в условиях многожества?), а из-за склонности Ливанова к безусловному доминированию.

Понятно, что обладающий такой склонностью главный герой должен быть из «этой страны», воплощающей систему и порядок. Воплощающей настолько, что напоминает, скорее, Германию. А сам главный герой, который, как и положено тамошней интеллигенции, находится в оппозиции

к существующему порядку, при этом является воплощением своей, pardon, «этой» страны. С одной стороны, он абсолютно эгоцентричен, болтлив, необязателен и любвеобилен. С другой, имея все, и даже с некоторым избытком, чувствует себя несчастным. Возможно, потому, что внешнее бонвиванство конфликтует с глубинным ощущением необходимости порядка и системы и порождает подсознательный страх, что за блага, даваемые системой, рано или поздно придется чем-то жертвовать.

Однако, развивая эту тему, я рискую лишить читателя возможности до самого конца книги оставаться в неведении относительно того, чем же все кончится. Читайте и узнаете. Скажу только, что автору для подогрева читательского интереса, возможно, стоило бы добавить больше интриги в начале и середине романа.

«Глобальное потепление» вполне заслуживает прочтения. Надеюсь, книготорговцы все-таки довезут его когда-нибудь до Киева. За автором, как сказал Борис Струтацкий, «стоит следить внимательно». Что я, впрочем, всегда утверждал, а главное делал, и сам. Автор явно растет и эволюционирует. Хотелось бы только, чтобы в ходе своей творческой эволюции Яна двигалась в сторону большего оптимизма.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬКОВСКИЙ

ПОСЛЕДНИЙ РОМАН ВОННЕГУТА

**Курт Воннегут. Времетрасение. —
Москва: АСТ,
АСТ Москва, 2010. — 224 с.**

Мы знаем много примеров того, как начинаются карьеры великих писателей, но зачастую упускаем из виду, как они завершаются. С годами бывшие властители умов «глаголом жгут» не так горячо, как прежде, и читательское внимание ускользает. К счастью, последний роман Курта Воннегута, «роман, который не хотел, чтобы его написали», оказался не таким и вышел не в безвестности, а в центре всеобщего внимания, через семь лет после предыдущего романа и с годовым опозданием. Еще тогда, в 1997-м, Воннегут заявлял о том, что это его последний роман. Так и получилось. Примет того, что он последний, что он завершает карьеру Воннегута-романиста, в тексте предостаточно.

Как и во многих других романах Воннегута, одним из главных героев романа является наш старый знакомый, писатель-фантаст Килгор Траут, а другим — сам автор на фоне своего многочисленного семейства, своих друзей и других людей, встреченных им на протяжении всей жизни. Собственно, это лишь наполовину роман, а наполовину мемуары, соединенные в своеобразный постмодернистский коллаж. О да, конечно же, фирменный стиль Воннегута не подводит его и здесь. Сюжеты

парадоксальных, но таких жизненных фантастических рассказов Траута, истории из жизни самого автора, его родных и близких, а также авторские

размышления о том, куда катится человечество и как мы дошли до жизни такой, — все это вплетено в основную сюжетную линию, а она сама по себе довольно оригинальна.

Америка как чувствовала, что в 2001 году произойдет нечто, что навсегда изменит привычный уклад жизни. Примеров тому в литературе и кино несть числа. Вот и Воннегут поместил свой Катаклизм в 2001 год. В результате сбоя в пространственно-временном континууме из 13 февраля 2001 года все население Земли вернулось в 17 февраля 1991 года, сохранив память о том, что происходило за последние десять лет. Более того, все обречены повторять те же действия, с теми же результатами, что и прежде. Благополучным западникам еще так-сяк, а представьте, каково нам повторно пережить «безумные девяностые»? Жесткий детерминизм поступков полностью подавил свободу воли. Человечество десять лет прожило на автопилоте...

Не стану рассказывать о том, что произошло, когда «подарочный червонец» закончился, и «свобода воли снова взяла всех за жабры». Восточное полушарие в это время, к счастью, спало. А вот западному пришлось ох как непросто. На протяжении десятка романов проведя своего излюбленного персонажа, свое альтер эго, Килгора Траута через длинную, нелегкую и в целом бестолковую жизнь, Воннегут в конце концов делает его своего рода избавителем, вкладывая в его уста спасительную мантру, позволившую людям очнуться от «посткатаклизменной апатии» и жить дальше. Теперь она известна как Кредо Траута: «Вы были больны, но теперь вы снова в порядке, и надо столько сделать».

Итак, в возрасте восьмидесяти четырех лет Траут совершает главный в своей жизни поступок. Автор расстается со своим многолетним персонажем, вскользь упоминая, что жить ему осталось всего несколько месяцев. По иронии судьбы, иронии столь свойственной всей прозе Воннегута, самому автору было отмерено восемьдесят четыре года и пять месяцев. Такие дела.

Говорят, что пессимист — это хорошо информированный оптимист. Неиссякаемый оптимизм Воннегута и вера в человека несмотря ни на что, пронизывающие все его творчество, фонарем Диогена вотще сияют в тускло-сером свете нынешнего дня. С каждым днем мир вокруг нас и люди в нем меняются, увы, не к лучшему, а автору все труднее применять свой оптимизм к такому миру и таким людям. Оттого роман вышел более грустным, чем многие другие книги Воннегута. Оттого, я думаю, он и стал последним. Нет, книги у Воннегута выходили и после этого (там) — сборники рассказов, сборники эссе, антибушевская публицистика даже на русском выходила. Только вот романов Воннегут больше писать не стал.

Все же книга хороша, особенно для постоянных читателей Воннегута. Многие из таких читателей найдут, что в этой книге традиционной для автора гуманистической философии, пожалуй, больше, чем в других его романах. Поэтому для первого знакомства с автором «Времетраясение»,

пожалуй, не подойдет. Тем не менее, книга стала достойным завершением карьер двух писателей — Воннегута и Траута.

К сожалению, перевод получился беспонтовый. Именно это слово пришло мне в голову, когда я читал его. Это не Ковалева, и уж, тем более, не Райт-Ковалева. Воннегут беспрерывно играет идиомами, зачастую сленговыми. Нужен переводчик экстра-класса, чтобы это заиграло на другом языке. Увы, увы. Однако общую серую картину все же украсил один маленький шедевр: «Вот тебе, бабушка, и “дивный новый мир”!»

Надеюсь, когда-нибудь для собрания сочинений будет сделан новый перевод. А пока АСТ продолжает переиздавать этот же. В этом году уже успело появиться новое издание в двух вариантах обложки.

Цитата:

«Покойный английский философ Бертран Рассел говорил, что было три пагубных пристрастия, которые отбирали у него друзей: алкоголь, религия и шахматы. Килгор Траут подсел на другое, на составление хитрых последовательностей, поделенных на части, расположенные горизонтально одна под другой, из двадцати шести фонетических символов, десяти цифр и восьми или около того знаков препинания, изображенных чернилами на отбеленной спрессованной древесной массе. Всякий, кто воображал, будто он его друг, жестоко ошибался — из Траута можно было вытянуть не больше, чем из черной дыры.

Обе мои жены, и Джейн, первая — с ней я развелся, и Джилл, вторая — с ней я живу по сей день, не уставали повторять, что в этом смысле я просто вылитый Траут».

ПАВЕЛ БОЙКО

ПРО УРОДОВ И ЛЮДЕЙ

«Район № 9»

В ролях: Шарто Копли, Дэвид Джеймс, Джейсон Коуп и другие
Режиссер: Нил Бломкамп
Производство: США, ЮАР, Новая Зеландия
2009 год

Голливудская кинофантастика с каждым годом все больше и больше начинает превращаться в некую зараженную радиацией зону, где выжить вскоре смогут только бесчисленные человеки-пауки и прочие герои комиксов. Как вход в элитный ночной клуб, она предъявляет к кандидатам строгий фейс-контроль: «Вход только по демонстрации 150—200-миллионного бюджета». Однако количество маленьких франклинов совсем не является

залогом качества: пока откормленные голливудские блокбастеры, как гламурные блондинки, хватаются своими заоблачными цифрами, стоящие поодаль более скромные проекты, чей трейлер и тизер стоят значительно меньше одного костюма мистера Бея, неожиданно берут хороший старт и молниеносно обходят своих изумленных и, увы, зажавшихся коллег. «Белые начинают и выигрывают». Причем, в буквальном смысле.

А что в этом такого, собственно? Все ясно как день Божий: мы — люди, чье определение по латыни коррелируется с термином «гуманность», воплощение прогресса собственной цивилизации, венец творения и носитель собственной науки, культуры, в некоторых случаях — религии... А это кто — со щупальцами, торчащими из того, что у других называется лицом? Зачем вы зависли над нашей планетой двадцать лет назад на своей идиотской тарелке, мы вас к себе не звали! Что забулькал, мешок с отрубями? Еще и по-человечески общаться не умеешь? И вообще, каждая его клеточка

натурально Бес-и-и-и-т!!! Какой смысл в этой нелепой жизни, в этом нелепом, хлопающем языке? А они еще и на помойках живут и жрут всякую гадость, вы не знали? Эй, парень, подай-ка мне вон тот огнемёт! Пора устроить воюночим аленам генеральную уборку!

Примерно так рассуждало население славного города Йоханнесбурга, что в ЮАР (это важно!), когда в 1982 году на них с неба неожиданно-негаданно рухнула летающая тарелка с доселе неизвестным науке инопланетным биологическим видом, который для простоты и краткости тотчас нарекли «моллюсками». Моллюсков поселили на огороженной площади посреди города, которая получила название «Район № 9». Но все гуманоидоподобное население Йоханнесбурга было, мягко говоря, не в восторге от подобного соседства: пришельцы запросто пожирали пластик с автомобиляй, обладали огромной силой, неприятным для человеческого уха языком и разводили вокруг себя полную антисанитарию. Протесты коренного населения были услышаны лишь спустя двадцать лет после высадки, когда численность обитавших в «Районе № 9» перевалила за миллион восемьсот тысяч «моллюсков». Именно тогда правительство поручило крупнейшей корпорации «проследить» за переселением аленов из района в удобные, обустроенные специально под них... концентрационные лагеря.

Начальные сцены операции по переселению не раз и не два аукнутся атмосферным дежа вю из «Списка Шиндлера»: вместо аутентичного черно-белого ряда — псевдодокументальная ручная камера (привет, «Догма 95», мы скучали), чьи кадры вперемишку чередуются с «выпусками новостей» и «интервью очевидцев событий». Нет, это не «Монстро» и не «Ведьма из Блэйр». Кроме тягостного бремени по сбережению собственного бюджета в рамках скромных тридцати миллионов долларов, камера еще и подчеркивает эффект достоверности всего происходящего на экране: выкиньте из видеоряда летающую тарелку и аленов, и сама картина переселения отзовется в голове у знающих людей флэшбеками куда серьезнее и больнее.

Показывая, как массовая ксенофобия постепенно мутирует в массовое же безумие, помешательство, в котором уже не важно, кто попадет под горячую руку — ненавистный ален или твой незадачливый собрат по homo taki sapiens, режиссер картины, тридцатилетний Нил Бломкамп, явно не понаслышке знает то, в чем пытается убедить своего зрителя. Надевая на свое творение маску фантастичности, он рисует альтернативную реальность своего родного города Йоханнесбурга, только сместив объекты ненависти в более гротескную и утрированную сторону. Знающие люди урюмо кивнут в ответ, всем остальным же советую набрать в Google злоеущее слово «апартеид» и, как минимум, прочитать посвященную ему большую статью в русской «Википедии». Многое из происходящего на экране в «Районе № 9» сразу же заиграет новыми красками. Заменив унижаемое до 1994 года коренное население ЮАР на чужеродных

«моллюсков», режиссер откровенно иронизирует, рисуя в собственном альтернативном «вчера» мирную идиллию совместного существования негров с потенциальными африканерами. Он словно дает понять, мол, причина ненависти кроется совсем не в цвете кожи, не в культуре, не в языке, а гораздо глубже — в самой человеческой природе. Но, несмотря на то, что белый дружелюбно похлопывает по плечу черного, сама ненависть и стремление наступить сапогом на чью-то жизнь все еще с ними, равно как и умение придумывать в оправдание яркие лозунги. Коренных африканцев унижали и уничтожали, потому что лозунги сказали, что они не являются людьми. В случае пришельцев, они действительно ими не являются, но само оправдание их пожирания, причем в буквальном смысле, мутит в «А мы вас не звали!». И понеслась... Во имя самооправдания в очередной раз буднично втоптана в грязь химера под названием «совесть». Если не верите, спросите у Альфреда Розенберга, уж он-то подтвердит.

Персонажи «Района» имеют примерно такое же отношение к реальным людям, как, например, герои, сошедшие со страниц Оруэлла, Хаксли, Замятина. В своем социальном послыле фильм весьма близок к классической антиутопии, цель которой — за карнавалом узнаваемых масок донести до человека почти фотографическое изображение его собственного, искаженного злобой и ненавистью лица. Герои не должны нравиться, вызывать симпатию, они, как картинки из учебника по медицине, всего лишь иллюстрируют отдельные симптомы одного и того же заболевания, от которого захлебывается в судорогах местное общество. «Заботливый» тесть, готовый пристроить зятя на место, которого тот совершенно не заслуживает, но при первом же удобном случае разобрать его на органы; «заботливая» жена, готовая отказаться от живого мужа после первого лживого и неправдоподобного объяснения; сам Главный Герой, представляющий собой жалкую форму крайне аморфного создания, чьи жизненные убеждения строятся только на таланте тотального приспособления ко взглядам толпы. Вырванный из привычной массы ему подобных, он действительно напоминает вытянутую из бульона креветку с атрофированными инстинктами и жизненным опытом, который безнадежно тянет обратно в ту среду, которая его безжалостно выплюнула. Винтик, выпавший из механизма, животное, отвергнутое стаей, он сильно напоминает старого доброго Уинстона Смита, проживающего в поседевшем на добрые пятьдесят лет обществе, но внутренне почти не изменившегося. Для среднестатистического зрителя не то чтобы неприятно разглядывать его чисто механистические метания, противнее всего за его нелепым обликом и господствующими стадными инстинктами разглядывать самого себя, хоть и в выдуманной и предельно утрированной ситуации. А это, прежде всего, значит, что фильм Бломкампа достиг своей цели.

Наверное, самое удивительное в «Районе» — это отношение чисто зрелищного восприятия картины к ее же производственному бюджету.

Несмотря на жалкие двадцать миллионов (нет, нет, я не забыл проставить еще один нолик!), режиссеру с первых кадров удается погрузить зрителя в собственный выдуманный мир целиком и полностью, как в гигантскую ванну, наполненную социальными аллегориями, размышлениями и едкими сатирическими комментариями. В отличие от своих недавних собратьев по фантастическому жанру, с трудом переставляющих свои двухсотмиллионные хромированные костыли, «Район» с удивительной легкостью держит собственную внутреннюю динамику, ловко тасуя пищу для ума с продуктом, для него не предназначенным.

Разумеется, здесь нет гигантских катаклизмов и спецэффектов из серии «Смерть Вселенной с последующим зарождением новой», но местный экшен, хоть и выполняет задачу изолирующей прокладки между смысловым наполнением, поставлен очень умело. После него начинаешь отчаянно жалеть о том, что в начале этого года был официально умерщвлен проект экранизации космической стрелялки «ГАЛО» с двухсотмиллионным бюджетом, а также Бломкампом в роли режиссера и тем же П.Джексоном в кресле продюсера. Ведь если постановщик умеет создавать зрелище за сравнительно небольшие деньги, что у него могло бы получиться с десятикратным увеличением бюджета! Где Ваппа веревка и кусок мыла, мистер Бэй?

Одним словом, пока наиболее ленивая и творчески несостоятельная часть киноиндустрии убеждала нас, что фантастика и наличие неглупых мыслей — это непозволительная роскошь, другие занимались сознательным саботажем с целью доказать обратное. Разумеется, в первом крупном режиссерском успехе Бломкампа сильно ощущается железная рука продюсера Питера Джексона, который в недавнем прошлом сам прошел трудный путь от режиссера арт-хауса до постановщика дорогущих блокбастеров, во время которого ухитрился сохранить лучшие черты как первого, так и второго. Нет, «Район № 9» язык не повернется назвать безоговорочным шедевром, но на фоне прочих совершенно «креведкообразных» порождений киноиндустрии последних лет он смотрится подлинным сапфиром, по случайности угодившим в гигантскую выгребную яму. И даже в начале XXI века в киносообществе победившего Человека-паука вдруг заново открываются старые, подзабытые истины, что качество фильма, оказывается, зависит не от гламурно-волшебных цифр и участия сверхдорогих звезд, а только от наличия таланта и чуточки личного везения. Пока голливудские блондинки плачут навзрыд, размазывая по щекам бюджетные слезы, скромная деревенская отличница в мировом прокате делает очередной виток, перекрыв цену собственного производства уже в пять раз!

Когда исчезает с экрана последняя строка титров, а DVD с фильмом отправляется на свою полку, в голове зрителя продолжают роиться многочисленные вопросы. Что это было — просто выстроенный в форме аллегории экскурс в недавнюю историю, выполненный в стилистике

«Чтобы помнили», или ироническое переосмысление грядущего коллапса человеческой цивилизации, которая, подобно божественному Юпитеру, с жадным аппетитом пожирает собственных детей? Рано или поздно каждый из зрителей сам нащупает в собственной душе ту частичку себя, которая готова выползти на экран и присоединиться к собирательному образу альтернативного человеческого стада, созданного по рецепту Нила Бломкампа. И самая страшная истина откроется лишь чуть погодя: хотим мы это замечать или нет, но все мы, так или иначе, хоть раз в жизни побывали на территории злополучного «Района № 9»!

ОЛЕГ СИЛИН, СЕРГЕЙ ПАЛЬЦУН

СЕДЬМОЙ КРУГ

Евгений Макухин рассказывает о доверенных советских фантастических фильмах

В седьмой раз фантастический год в Киеве начался с Международной ассамблеи фантастики «Портал», которая прошла с 8 по 11 апреля в выставочном центре «Физкультурный». Семерка — число магическое, мистическое, обязывающее к чудесам и подведению итогов. Не обошлось без чудес и сейчас. Главное чудо — несмотря на крайне неблагоприятно складывающиеся обстоятельства, воистину семь бед, «Портал» состоялся и прошел без каких-либо заметных сбоев.

Но, как сказал капитан Грей, чудеса делаются своими руками. И это руки молодых членов организованного редакцией «РФ» шесть лет назад Клуба любителей фантастики «Портал».

Свой немалый вклад в то, что седьмой «Портал» состоялся, внесла и Киевская весенняя международная книжная ярмарка «Медвин», в пятый раз предоставившая площадку для проведения ассамблеи. Кстати, все посетители ярмарки могли принять участие практически во всех мероприятиях конвента — их пригласил Президент «Портала» Сергей Дяченко, подчеркнувший на открытии книжной ярмарки, что фантастика является наиболее свободной литературой.

Собственно рабочие мероприятия ассамблеи начались с семинара «Грани фантастики», посвященного «фантастическим» аспектам истории, этнографии и кино. Первым выступил известный знаток Средних веков Григорий Панченко, статьи которого неоднократно публиковались в нашем журнале. Он рассказал об альтернативных вариантах истории правления Ажедмитрия, а также представил выходящий в Германии русскоязычный фантастический журнал «Меридиан». Московский гость Василий Костырко рассказал много

интересного о ритуалах реальных якутских шаманов. Евгений Макухин, со свойственным ему юмором, совершил экскурс в историю фантастического кинематографа СССР, рассказав о фильмах 1920—30-х годов, первой «Аэлите» и «оборонной фантастике». Ольга Коцюбанская рассмотрела историю испанской и португальской Инквизиции в разрезе литературы победителей и побежденных.

После семинара состоялась презентация молодого издательства «Снежный Ком — Москва». Глеб Гусаков, соучредитель и редактор направления «Настоящая фантастика», представил первых ласточек — книги «Операция Вирус» Ярослава Верова и Игоря Минакова, и «Время Бармаглота» Дмитрия Колодана. В дальнейших планах издательства выпуск книг Павла Амнуэля, Далии Трускиновской, Андрея Хуснутдинова и ряда других авторов, как известных, так и начинающих.

Завершил программу первого дня доклад Михаила Назаренко «Фантастическая рецензия: как ее писать и как с ней бороться».

Программу второго дня открыл семинар «Реальность литературы», посвященный современному литературному процессу. Первым выступил Михаил Назаренко с уже традиционным обзором лауреатов зарубежных премий в области фантастики. Продолжил семинар Андрей Валентинов с докладом «Чего же ты хочешь? Отзвуки Второй мировой в современной отечественной фантастике», который публикуется в этом номере РФ. Эстафету приняла Татьяна Кохановская, которая входит в жюри литературного конкурса «Коронация слова». Она сообщила о постоянно растущем количестве фантастических произведений, присылаемых на этот мейнстримный конкурс. Главный редактор журнала «Новый мир» Андрей Василевский рассказал о проигранной журналами

Глеб Гусаков представляет первые книги издательства «Снежный Ком — Москва»

Поэтические чтения. Неизменный ведущий
Аркадий Шщепетиль

*Встреча с Андреем Валентиновым
и Г.А. Олди*

битве за романы и переориентации на формы меньших размеров, а также сделал взбудоражившее любителей фантастики заявление насчет применения фантастического элемента.

После семинара прошел мастер-класс Аркадия Штыпеля по стихотворному искусству. Увенчанный «Киевскими лаврами», поэт щедро поделился опытом с молодыми коллегами. Любопытным оказался доклад Ники Батхен «Окольные пути молодого автора». На своем примере Ника показала возможные лазейки для продвижения внесерийного творчества.

Одной из визитных карточек «Портала» из года в год становятся поэтические чтения. Не обошлось без них и на этот раз. Свое творчество представили Ника Батхен, Андрей Василевский, Мария Галина, Олег Ладыженский, Аппе Гарридо и Аркадий Штыпель.

Утром третьего дня состоялся мастер-класс по украиноязычным фантастическим рассказам. Отбор на него проходил на конкурсе «Зоряна Фортеця». Три победителя конкурса попали на мастер-класс автоматически, еще пять были отобраны организаторами конкурса. В роли мастера выступила Мария Галина. Общение мастера с участниками продолжалось более двух часов. Мария Галина отметила высокий уровень работ и сказала, что все они достойны публикации после большей или меньшей редакторской правки.

Параллельно с мастер-классом в актовом зале прошла презентация романного семинара в Партенитге и конвента «Созвездие Аю-Даг». Четвертый фестиваль фантастики «Созвездие Аю-Даг» пройдет в Партенитге с 14 по 17 октября под девизом «Фантастика и Театр».

Встреча с Генри Лайоном Олди и Андреем Валентиновым, как обычно, прошла весьма оживленно. Диапазон вопросов, включая провокационные, был весьма велик, но мэтры, ко всеобщему удовольствию, справились с ними без проблем. Приз за лучший вопрос получил писатель Федор Березин. Кстати, в ближайшее время харьковчане порадуют нас несколькими новыми книгами.

Последней встречей третьего дня была встреча с Сергеем Дяченко. Он вместе с редактором журнала «Радуга» Юрием Ковальским представил свою новую книгу «Магия театра».

После этого состоялось официальное закрытие «Портала» с вручением премий ассамблеи и иных призов. Из забавных моментов вручения стоит отметить вручение Олди своему третьему соавтору Валентинову увесистого «Бронзового Роскона», полученного ими в Москве за роман «Алюмен». Валентинов пообещал награду хранить, лелеять, а через год передать награду далее по кругу.

Завсегдатаям конвентов известно, что с официальным закрытием конвентов вовсе не заканчивается. В этот раз кроме банкета участников ассамблеи ожидал спектакль театра «Деер» (Луганский государственный институт культуры и искусств) «Искусство быть вместе». На прошлогоднем «Дне фантастики» «Деер» представил спектакль «Елос хижак» по одноименному рассказу Леонида Каганова. На «Портале»

Ираклий Вахтангшвили объявляет об официальном закрытии «Портала»

Режиссер театра «Деер» Александр Баркар

Открытие «Булгаковского бала»

театр показал спектакль на основе шести фантастических рассказов, объединенных общей идеей о простых и сложных взаимоотношениях мужчины и женщины. Источниками вдохновения артистов стали работы Юрия Семечко «Маленькая история о большой любви», Алины «Медведь», Сергея Лукьяненко «Последний шанс», Юлии Рыженковой «Искусство быть вместе», Леонида Каганова «Реквием» и вновь Сергея Лукьяненко «Человек, который многого не умел».

Окончательную точку поставил «Булгаковский бал», плавно перешедший в дискотеку от ди-джеев Дмитрия Громова (1/2 Олди) и Бегемота. Описывать балы и дискотеки занятие неблагодарное, поэтому мы полагаемся на развитое воображение читателя.

Итак «Портал» состоялся. Он получился довольно камерным конвентом, что, однако, не помешало участникам традиционно хорошо провести время в весеннем Киеве. А впереди новый круг.

(Фотографии Сергея Пальцуна)

Призы «Портала»

Лауреаты «Портала»

Крупная форма: Мария Галина, «Малая Глуша»

Средняя форма: Павел Амнуэль, «Что-нибудь светлое...»

Малая форма: премия не присуждена

Критика, литературоведение, эссе:

— книги, циклы статей: Владимир Гопман, «Любил ли фантастику Шолом Алейхем?»

— статьи: Леонид Фишман, «Зачем менять историю?»

Книга на украинском языке: Володимир Єпшкілев, «Богиня і консультант»

Переводная книга: Гай Гэвриел Кей, «Изабель» («Эксмо» — «В. Секачев»)
(Лауреат номинации «Переводная книга» определен общим голосованием участников ассамблеи)

Открытие себя: Мариам Петросян, «Дом, в котором...»

Премия имени Булгакова: режиссер Виталий Малахов

Художественный Портал: Дмитрий Кравцов

Победитель мастер-класса рассказов на украинском языке: Олег Субчак

Победители конкурса «Зоряна Фортеця»: Олег Субчак (1-е место), Амитель Малкут (2-е место), Александра Усманова и Ольга Пошуруева (3-е место).

Состав профессионального жюри:

Андрей Василевский (Москва) — критик, главный редактор журнала «Новый мир».

Ираклий Вахтангишвили (Киев) — главный редактор журнала «Реальность фантастики».

Лев Данилкин (Москва) — критик.

Владимир Ларионов (Сосновый Бор) — редактор, критик.

Николай Макаровский (Харьков) — председатель оргкомитета фестиваля фантастики «Звездный мост».

Коллективный голос сайта «Лаборатория фантастики» (fantlab.ru) — результаты 1-го тура онлайн-голосования «Книга года».

Михаил Назаренко (Киев) — председатель жюри, литературовед, критик.

Состав профессионального жюри

номинации «Книга на украинском языке»:

Владимир Брискин (Винница) — издатель.

Татьяна Кохановская (Киев) — редактор.

Аркадий Штыпель (Москва) — поэт, критик.

Подборку материалов, посвященных «Порталу-2010», можно найти на сайте ассамблеи: <http://sf-kievkon.org.ua/publications>

НОВОСТИ ОТО ВСЮДУ И ДЛЯ ВСЕХ

Зал славы научной фантастики

В 2010 году в Зал славы научной фантастики введены Октавия Е. Батлер, Роджер Желязны, Дуглас Трамбулл и Ричард Мэтисон. Церемония состоялась 26—27 июня 2010 года.

Награды BSFA нашли героев

На ежегодном Истерконе, проводящемся в пасхальные дни в Англии, были вручены премии Британской ассоциации любителей фантастики. Лауреатами стали:

- ✓ Чайна Мьевиль за роман «Город и Город»
- ✓ Йен Уотсон и Роберто Квалья за рассказ «Время, когда их все любили»
- ✓ колонка «Попкорн-мутант» Ника Лоу в журнале «Interzone»
- ✓ Стефан Мартиньер за обложку к «Дороге разрушения» Йена МакДональда

Премия имени Брема Стокера

На Всемирном конвенте любителей ужасов, проходившем с 25 по 28 марта в английском городе Брайтон, были объявлены победители Премии имени Брема Стокера этого года:

- ✓ Сара Лэнген за роман «Дверь Одри»
- ✓ Хэнк Швабль за дебютный роман «Отвратительный»
- ✓ Лиза Мортон за длинное произведение «Прозрачные сны»
- ✓ Норман Прентисс за короткое произведение «На задворках моих ушей»
- ✓ Кристофер Конлон за составление антологии «Он — легенда: Антология во славу Ричарда Мэтисона»
- ✓ Джин О'Нилл за сборник рассказов «Вкус вырезки»
- ✓ Майкл Кност за критически-литературоведческую книгу «Мастерская писателей ужасов»
- ✓ Люси Снайдер за стихотворный сборник «Химерная машина»

Премии за вклад всей жизни от Ассоциации писателей ужасов получили Брайан Люмли и Уильям Ф. Нолан, а от Всемирного конвента любителей ужасов — Бэйзил Куппер.

Возглавляемое Рэем Расселом издательство «Tartarus Press» получила специальную издательскую премию, а Винс Лиагуно — Президентскую премию Ричарда Леймана.

Со следующего года, кроме вышеперечисленных, Ассоциация писателей ужасов намерена вручать еще и премии за лучший сценарий, за книгу для подростков и за графический роман.

Премия Tiptree

В этом году обладателей премии «за исследующие и расширяющие гендерные роли произведения» будет сразу двое — Грир Гилман с романом «Облако и пепел: Три зимние истории» и Фуми Йосинага с «Ооку: Внутренние комнаты». Наверное, жюри понравилась мысль вручить премию романам с двоеточиями в названиях. Названия остальных книг, удостоенных «почетного упоминания», двоеточия не содержат: «Прекрасные белые тела» Элис Сола Ким, «Расстояния» Ванданы Сингх, «Галапагос» Кейтлин Р. Кирман, «Жила жизни» Джо Уолтон, «Бессмысленные вещи» Морин Ф. МакХью и «Жены» неведомо каким образом затесавшегося в сплоченный женский коллектив Пола Хейнса. Видимо, тоже из-за названия. Жюри также пожелаало осчастливить особым почетом «Марксаанскую сагу» Тиммель Дюшамп. Похоже, в этом году жюри интересовал если и не единственно, то уж точно преимущественно женский взгляд на проблему.

Счастливицы воссоединятся со своими наградами в Мэдисоне, что в американском штате Висконсин, на ВинКоне, что состоится между 27 и 31 мая этого года.

Премия имени Ганса Христиана Андерсена

Автор «Скеллига» — романа о мальчике и его сестре, напешдших среди хлама в старом сарае то ли ангела, то ли птеродактиля, — Дэвид Олмонд добавил к списку наград романа премию имени Андерсона.

Премия имени Астрид Линдгрэн

Это самая многоденежная из денежных премий, вручаемых в детской литературе — пять миллионов шведских крон (около 690 тысяч долларов). Ею награждают авторов, иллюстраторов, чтецов и всех тех, чья работа способствует распространению идей, близких духу Астрид Линдгрэн. В этом году ею наградили прекрасную бельгийскую художницу-иллюстратора Китти Кроутер, автора и художника трех с половиной десятков собственных книг и иллюстратора множества чужих.

Издательства порадуят, но как-то неохотно

В «АСТ», безусловно, напечатают некоторое количество романов серии «S.T.A.L.K.E.R». Также перевели и уже отправляют в магазины романы Матиаса Мальзьё «Механика сердца», Лорел Гамильтон «Цирк проклятых» и Алисон Ноэль «Вечность». Под двумя разными обложками издадут «Фокус-покус» Курта Воннегута.

«ЭКСМО» выпустит новые книги Андрея Ливадного «Вспышка» и Александра Сухова «Армагеддон объявлен», а еще переводные романы «Огонь ведьмы» Джеймса Клеменса и «Те, кто охотится в ночи» Барбары Хэмбли.

И, наконец, неугомонная «Армада». Тут выйдут книги Павла Корнева «Проклятый металл», Сергея Малицкого «Забавник», Ксении Баштовой «Вампир поневоле», Олега Шелонина и Виктора Баженова «Джокер» и «Паладин», Ольги Болдыревой «Как развеять скуку», Анны Одуваловой «Выбор ксари», Елизаветы Шумской «Зверь, шкатулка и немного колдовства», Даниила Аксенова «Арес», Натальи Бульбы «Открыта вакансия телохранителя», Ксении Чайковой «Теневые игры» и Евгении Максимовой «Забияка».

Главный редактор: Ираклий Вахтангшвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Сергей Пальцун (г. Киев, Украина)
Сергей Лапач (г. Киев, Украина)
Михаил Назаренко (г. Киев, Украина)
Борис Сидюк (г. Киев, Украина)
Мария Комиссаренко (г. Киев, Украина)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Аркадий Штыпель (г. Москва, Россия)
Эллен Детлоу (г. Нью-Йорк, США)

© «Реальность фантастики»
№ 4 (80), 2010.

Интернет: www.rf.com.ua
E-mail: rf@rf.com.ua

Для писем: Украина, 03005, г. Киев-5, а/я 5

Подписной индекс
в каталоге «Укрпочта» — 08219

Издатель: © Издательский дом СофтПресс

Издатели: Эллина Шнурко-Табакова,
Михаил Литвинюк

Редакционный директор:
Владимир Табаков

Производство:
Дмитрий Берестян, Олег Чернявский

Корректор: Елена Харитоненко

Директор по маркетингу и рекламе:
Евгений Шнурко

Маркетинг, распространение:
Ирина Савиченко, Екатерина Островская

Руководитель отдела рекламы:
Нина Вертебная

Региональные представительства:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,
e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Олег Калашник,
тел.: (062) 312-55-49, факс: (062) 304-41-58,
e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич,
тел.: (067) 499-51-53,
e-mail: mandych@mail.lviv.ua

Харьков: Вячеслав Белов,
e-mail: viacheslavb@ua.fm

Тираж — 5 тыс. экземпляров
Цена договорная

Регистрационное свидетельство:
КВ # 7600 от 22.07.2003.

Адрес редакции и издателя:
г. Киев, ул. Героев Севастополя, 10
телефон: 585-82-82 (многоканальный)
факс: (044) 585-82-85

Полное или частичное воспроизведение или
размножение каким бы то ни было способом
материалов, опубликованных в настоящем издании,
допускается только с письменного разрешения
ИД СофтПресс.

Все упомянутые в данном издании товарные знаки
и марки принадлежат их законным владельцам.
Редакция не использует в материалах стандартные
обозначения зарегистрированных прав.

За содержание рекламных материалов ответственность
несет рекламодатель.